В. В. ШУЛЬГИНЪ

„1920 г.“

ОЧЕРКИ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

1920 годъ.

Очерки.

Вмѣсто предисловія.

Безполезно, конечно, напоминать, что мы живемъ въ эпоху, которой будутъ весьма интересоваться наши потомки. Но можетъ быть слѣдуетъ подумать о томъ, что о Русской Революціи будетъ написано столько же лжи, сколько о Французской. Изъ этой лжи вытечетъ опять какая нибудь новая бѣда. Для насъ это ясно. Мы, современники Русской Революціи (начавшейся въ 1917 году), прекрасно знаемъ, какую роль въ этомъ несчастьи сыграло лживое изображеніе Революціи Французской. Поэтому въ высшей степени важно для нашего будущаго правдивое изображеніе того, что сейчасъ происходитъ передъ нащими глазами.

Разумѣется, время для изображенія нашей трагедіи во всемъ ея объемѣ, такъ сказать съ журавлиной высоты, еще не наступило. Невозможно, съ другой стороны, пока и интимное изображеніе нашей жизни, т. е. какъ мы любили, ненавидѣли, страдали и радовались — ключъ, безъ котораго, конечно, будущіе историки ничего на поймутъ. Или поймутъ вкривь и вкось, какъ это они всегда и дѣлаютъ...

Но можно и должно записывать то, что каждый изъ насъ видѣлъ воочію. И можно разсказать свои переживанія постольку, поскольку индивидуальность автора терпитъ публичное раздѣваніе.

Настоящій очеркъ и представляетъ опытъ записать въ этихъ предѣлахъ „кусочки жизни“, пробѣжавшіе передъ моими глазами. Я выбралъ 1920 годъ, какъ ближайшій... Если изъ этого что нибудь выйдетъ, вѣроятно, перейду къ временамъ, болѣе отдаленнымъ.

Новогодняя ночь.

Вечеромъ 31 декабря 1919 года я былъ у А. М. Драгомирова. Мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ въ его вагонѣ, въ его поѣздѣ. Поѣздъ стоялъ въ порту, въ Одессѣ. Днемъ изъ оконъ видно было море. Дальше поѣзду некуда было идти.

Онъ сказалъ:

— Я все таки убѣжденъ, что сопротивленіе начнется... Сейчасъ есть еще кое что... Но когда останется только смерть въ бою или смерть въ водѣ — будетъ вспышка энергіи... Сейчасъ вся масса хочетъ одного — уходить... Но когда некуда будетъ уходить? Неужели же не проснется рѣшимость? Вы какъ думаете?

— Я все надѣюсь, что еще здѣсь начнется... Потому что и здѣсь вѣдь уже некуда уходить. Вѣдь вся эта масса, что сюда отступаетъ, она же не сядетъ на пароходы и въ Крымъ на попадетъ. Слѣдовательно, и ей придется выбирать между боемъ и моремъ. Бѣда только въ томъ, что здѣсь совсѣмъ не то дѣлается, что нужно.

— Вы думали, когда мы вышли изъ Кіева, что будемъ сидѣть съ Вами въ порту въ Одессѣ?

— Нѣтъ, я почему то думалъ, что мы задержимся около Казатина... Но я понялъ положеніе, когда мы получили въ Якутскомъ полку приказъ — это было, кажется, гдѣ то около Фастова... Я тогда же развилъ своимъ молодымъ друзьямъ такъ называемую „Крымскую теорію“...

— Это что?

— Крымская теорія — это реставрація до-Екатерининскихъ временъ... Сидѣлъ же Ханъ столѣтія въ Крыму. Благодаря Перекопу... Взять его нельзя было, а жилъ онъ набѣгами... Онъ добывалъ себѣ набѣгами „ясырь“, т. е. живой товаръ — плѣнныхъ, а мы, засѣвъ въ Крыму, будемъ дѣлать набѣги за хлѣбомъ. Впрочемъ и „ясырь“ будемъ брать... Для „пополненій“... Вы уѣзжаете въ Севастополь?

— Я каждый день „уѣзжаю“... Но пока что еще не уѣхалъ, потому что пароходъ все задерживается. Здѣсь я ничего не могу помочь. Скорѣе я только мѣшаю... Я легко

могу прослыть центромъ какихъ нибудь интригъ... Чего я вовсе не желаю. „Главноначальствующій областью“ безъ „области“ — фигура неудобная... Ну, а скажите, очень ругаютъ?

— Васъ? Ругаютъ, конечно... При этихъ обстоятельствахъ это неизбѣжно. Одни бранятъ Васъ за то, что „допустили“ погромы, а другіе за то, что Вы не позволяли „бить жидовъ“... Конечно, Вы взяли милліоны за послѣднее...

— Неужели и это говорятъ?

— Говорятъ... Васъ это удивляетъ? А я привыкъ... Меня столько разъ „покупали“ — жиды, нѣмцы, масоны, англичане, — что это меня не волнуетъ... Но больше всего, конечно, зла гвардія...

— За что? За мой приказъ? Вамъ онъ извѣстенъ?

— Да... Вы, покидая „область“ и сдавая командованіе, благодарите войска и затѣмъ кончаете приблизительно такъ: „не объявляю благодарности“... Первое — Волчанцамъ за всякія безобразія, а на второмъ мѣстѣ стоитъ въ приказѣ гвардія, которая „покрыла позоромъ свои славныя знамена грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ“... — Что то въ этомъ родѣ...

А. М. Драгомировъ человѣкъ очень добрый. Но у него бываютъ припадки гнѣва. Такъ было и сейчасъ.

— Я объ этомъ не могу спокойно говорить... Я съ очень близкими людьми перессорился изъ за этого. Я пробовалъ собрать командировъ полковъ, уговаривалъ, взывалъ къ ихъ совѣсти. Но я чувствую, что не понимаютъ... А я не могу съ этимъ помириться. Я къ этой гражданской войнѣ никакъ не могу приладиться...

— Да, я помню. Вы, можетъ быть, забыли, но я помню... Вы мнѣ говорили больше года тому назадъ еще въ Екатеринодарѣ... Что Вы тяготитесь „гражданской“ вашей дѣятельностью, что Вы хотѣли бы дѣлать свое прямое дѣло, т. е. воевать... Но что условія войны таковы... Словомъ, Вы сказали тогда, въ октябрѣ 1918 года: „мнѣ иногда кажется, что нужно разстрѣлять половину арміи, чтобы спасти остальную“...

— Половину не половину... Но я и сейчасъ такъ думаю. Но какъ за это взяться... Я отдавалъ самые строгіе приказы... Но ничего не помогаетъ... Потому что покрываютъ

другъ друга... Какіе нибудь особые суды завести? И это пробовалъ, но все это не то...

— Мое мнѣніе такое. Вслѣдъ за войсками должны двигаться отряды, скажемъ, „особаго назначенія“... Тысяча человѣкъ на уѣздъ... Отборныхъ людей или по крайней мѣрѣ въ „отборныхъ рукахъ“. Они должны занимать уѣздъ; начальникъ отряда становится начальникомъ уѣзда... При немъ военно-полевой судъ... Но трагедія въ томъ, откуда набрать этихъ „отборныхъ“...

— Въ томъ то и дѣло... Нѣтъ, я часто думаю, что безъ какого то внутренняго большого процесса все равно ничего не будетъ. Хоть бы орденъ какой нибудь народился... Какое нибудь рыцарское сообщество, которое бы возродило понятія о чести, долгѣ — ну, словомъ основныя вещи, ну, что хоть грабить — стыдно. Или религіозное это должно быть движеніе... Словомъ, это должно быть массовое, большое, психологическое...

— И будетъ... „Покаянія отверзи ми двери“... Этимъ мы отличаемся отъ Польши... Я убѣжденъ, что если на этой равнинѣ, что называется Восточной Европой... если устояли мы, а не поляки, то только благодаря нашей способности „каяться“... Поляки — нераскаянные... Они не могутъ каяться... Вѣдь въ сущности говоря у поляковъ было больше шансовъ на гегемонію... Они раньше вышли къ культурѣ, потому что ближе къ Западу... Но они нераскаянные... Мы говорили „земля наша... но порядка въ ней нѣтъ, — приходите володѣть и княжить надъ нами“... а они говорили: „Polska stoi nierządem...“.

— Это что значитъ?

— Это старинная польская поговорка, которая употреблялась еще въ XVI вѣкѣ и значитъ: „Польша стоитъ безпорядкомъ“... То есть они не только не хотѣли каяться во всѣхъ своихъ безобразіяхъ, въ вѣчной своей легкомысленной „мазуркѣ“, но такъ сказать „канонизировали“ свою анархію... Были отдѣльные голоса, которые кричали: „братья! что вы дѣлаете! губите себя“... На одно мгновеніе „карнавалъ“ останавливался... Но потомъ кто нибудь вспоминалъ: вѣдь Polska stoi nierządem!“... И традара... та... традара...

та... tempo di mazurka... И все продолжалось по старому, пока не „промазурили“ свою „королевскую республику“... А мы каялись... Набезобразимъ во всю „ширину русской натуры“ и потомъ каемся... „Придите володѣть и княжить“... и приходятъ и княжатъ... И тогда оправляемся, укрѣпляемся, возвеличиваемся—пока опять не расхулиганимся... Волна... То „Сарынь на кичку“, то „волимъ подъ Царя Восточнаго Православнаго“... Такъ и живемъ... И будемъ жить.

Принесли бутылку краснаго вина.

И мы, „главноначальствующій Областью — безъ Области“ и „редакторъ Кіевлянина“ безъ Кіева, чокнулись...

Въ данную минуту мы равно были „бывшіе люди“... И съ одинаковымъ основаніемъ могли пожелать другъ другу „Новаго Счастья“, ибо „старое“ измѣнило...

* * *

Какъ то такъ случилось, что въ эту Новогоднюю Ночь я былъ совершенно одинъ... Отъ А. М. я пришелъ рано, — до „Новаго Года“ было еще далеко... Я пришелъ къ себѣ и никуда не пошелъ.

„Встрѣчать Новый Годъ...“ При этихъ обстоятельствахъ это было бы слишкомъ печально... И я предпочелъ „встрѣчѣ“ — „проводы“. Я усѣлся у изголовья умирающаго Стараго Года и читалъ ему отходную...

Гдѣ то на какомъ то горномъ перевалѣ стоитъ заиндевѣвшій придорожный столбъ... Къ этому столбу всегда пробивается умирать Старый Годъ... На столбѣ сидитъ „крукъ“, —одинокая птица... Воетъ вьюга, и крукъ каркаетъ умирающему его дѣла, — Добрыя и Злыя...

Я чувствовалъ себя въ этомъ родѣ: на роли крука...

* * *

Личное перемѣшивалось съ общимъ въ эту новогоднюю одинокую ночь.

Отчего не удалось дѣло Деникина? Отчего мы здѣсь, въ Одессѣ. Вѣдь въ сентябрѣ мы были въ Орлѣ... Отчего

этотъ страшный тысячеверстный отходъ, великое отступленіе „орловъ“ отъ Орла...

Орловъ ли?.,.

„Взвейтесь соколы орлами“... (солдатская пѣсня).

Я вспомнилъ свою статью въ „Кіевлянинѣ“ въ двухлѣтнюю годовщину основанія Добровольческой Арміи... два мѣсяца тому назадъ...

„Орлы, бойтесь стать коршунами. Орлы побѣдятъ, но коршуны погибнутъ“.

Увы, орлы не удержались на „орлиной“ высотѣ. И коршунами летятъ они на югъ, вслѣдъ за неизмѣримыми обозами съ добромъ, взятымъ... у „благодарнаго населенія“.

„Взвейтесь соколы... ворами“. („Единая, недѣлимая“ въ кривомъ зеркалѣ дѣйствительности).

* * *

Красные — грабители, убійцы, насильники. Они безчеловѣчны, они жестоки. Для нихъ нѣтъ ничего священнаго... Они отвергли мораль, традиціи, Заповѣди Господни. Они презираютъ Русскій народъ. Они озвѣрѣлые горожане, которые хотятъ бездѣльничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила ихъ. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидѣть. И они истребляютъ „буржуевъ“ сотнями тысячъ. Вѣдь развѣ это люди? Это „буржуи“... Они убиваютъ, они пытаютъ...

Развѣ это люди? — это звѣри...

* * *

Значитъ Бѣлые, которые ведутъ войну съ Красными, именно за то, что они Красные, — совсѣмъ иные... Совсѣмъ „обратные“...

Бѣлые — честны до Донъ-Кихотства. Грабежъ у нихъ несмываемый позоръ. Офицеръ, который видѣлъ, что солдатъ грабитъ, и не остановилъ его — конченный человѣкъ. Онъ лишился чести. Онъ больше не „бѣлый“, — онъ „грязный“.. Бѣлые не могутъ грабить.

Бѣлые убиваютъ только въ бою. Кто прикололъ раненаго, кто разстрѣлялъ плѣннаго, — тотъ лишенъ чести. Онъ не бѣлый, онъ — палачъ. Бѣлые не убійцы: они воины.

Бѣлые рыцарски вѣжливы съ мирнымъ населеніемъ. Кто совершилъ насиліе надъ безоружнымъ человѣкомъ, — все равно, что обидѣлъ женщину или ребенка. Онъ лишился чести, онъ больше не бѣлый — онъ запачканъ... Бѣлые не апаши — они джентельмены.

Бѣлые тверды, какъ алмазъ, но такъ же чисты. Они строги, но не жестоки. Карающій мечъ въ бѣлыхъ рукахъ неумолимъ, какъ Судьба, но ни единый волосъ не спадетъ съ головы человѣка безвинно. Ни единая капля крови не прольется — лишняя... Кто хочетъ мстить, тотъ больше не бѣлый... Онъ заболѣлъ „красной падучей" — его надо лѣчить, если можно, и „извергнуть" изъ своей среды, если болѣзнь неизбывна...

Бѣлые имѣютъ Бога въ сердцѣ. Они обнажаютъ голову передъ Святыней... И не только въ своихъ собственныхъ златоглавыхъ храмахъ. Нѣтъ, вездѣ, гдѣ есть Богъ, Бѣлый преклонитъ — душу, и если въ сердцѣ врага увидитъ вдругъ Бога, увидитъ Святое, онъ поклонится Святынѣ. Бѣлые не могутъ кощунствовать, они носятъ Бога въ сердцѣ.

Бѣлые твердо блюдутъ правила порядочности и чести. Если кто поскользнулся, товарищи и друзья поддержатъ его. Если онъ упалъ, поднимутъ. Но если онъ желаетъ валяться въ грязи, его больше не пустятъ въ Бѣлый Домъ: бѣлые не бѣлоручки, но они опрятны.

Бѣлые дружественно вѣжливы между собой. Старшіе строги и ласковы, младшіе почтительны и преданы, но сгибаютъ только голову, при поклонѣ... (спина у бѣлыхъ не гнется).

Бѣлыхъ тошнитъ отъ рыгательнаго пьянства, отъ плеванья и отъ матерщины... Бѣлые умираютъ, стараясь улыбнуться друзьямъ. Они вѣрны себѣ, Родинѣ и товарищамъ до послѣдняго вздоха.

Бѣлые не презираютъ Русскій народъ... Вѣдь если его не любить, за что же умирать и такъ горько страдать? Не проще ли раствориться въ остальномъ мірѣ? Вѣдь свѣтъ ши-

рокъ. . . Но бѣлые не уходятъ, они льютъ свою кровь за Россію. . . Бѣлые не интернаціоналисты, они — русскіе. . .

Бѣлые не горожане и не селяне — они русскіе, они хотятъ добра и тѣмъ, и другимъ. Они хотѣли бы, чтобы мирно работали молотки и перья въ городахъ, плуги и косы въ деревняхъ. Имъ же, Бѣлымъ, ничего не нужно. Они не горожане и не селяне, не купцы и не помѣщики, не чиновники и не учителя, не рабочіе и не хлѣборобы. Они русскіе, которые взялись за винтовку только для того, чтобы власть такая же Бѣлая, какъ они сами, дала возможность всѣмъ мирно трудиться, прекративъ ненависть.

Бѣлые питаютъ отвращеніе къ ненужному пролитію крови и никого не ненавидятъ. Если нужно сразиться съ врагомъ, они не осыпаютъ его ругательствами и пѣной ярости. Они разсматриваютъ наступающаго врага холодными, безстрастными глазами. . . и ищутъ сердце. . . И если нужно, убиваютъ его — сразу. . . Чтобы было легче для нихъ и для него. . .

Бѣлые не мечтаютъ объ истребленіи цѣлыхъ классовъ или народовъ. Они знаютъ, что это невозможно и имъ противна мысль объ этомъ. Вѣдь они Бѣлые Воины, а не Красные Палачи.

Бѣлые хотятъ быть Сильными только для того, чтобы быть Добрыми. . .

Развѣ это люди. . . Это почти, что святые. . .

* * *

„Почти что святые“ и начали это Бѣлое дѣло. . .

Но что изъ него вышло? Боже мой!

* * *

Я помню, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня, когда я въ первый разъ услышалъ знаменитое выраженіе:

„Отъ благодарнаго населенія“. . .

Это былъ хорошенькій мальчикъ, лѣтъ семнадцати — восемнадцати. На немъ былъ новенькій полушубокъ.

Кто то спросилъ его:

— Петрикъ, откуда это у Васъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Откуда? „Отъ благодарнаго населенія" — конечно.

И всѣ засмѣялись.

* * *

Петрикъ изъ очень хорошей семьи. У него изящный, тонкокостный ростъ и красивое, старокультурное, чуть тронутое рукою вырожденія, лицо. Онъ говоритъ на трехъ европейскихъ языкахъ безупречно и потому по русски выговариваетъ немножко какъ метисъ, съ примѣсью всевозможныхъ акцентовъ. Въ немъ была еще недавно гибко-твердая выправка хорошаго аристократическаго воспитанія. . .

„Была", потому что теперь ея нѣтъ, вѣрнѣе ее какъ будто подмѣнили. Пріятная ловкость мальчика, который несмотря на свою молодость, знаетъ, какъ себя держать, перековалась въ какія то. . . вызывающія, наглыя манеры. Чуть намѣчавшіяся черты вырожденія страшно усилились. Въ нихъ сквозитъ что то хорошо знакомое. . . Что это такое? Ахъ да, — онъ напоминаетъ французскій кабачекъ... это „апашъ"... Апашизмомъ тронуты. . . этотъ обострившійся взглядъ, обнаглѣвшая улыбка. . . А говоръ. Этотъ метисный акцентъ въ соединеніи съ отборнѣйшими русскими „въ Бога, въ мать, въ вѣру и Христа", — даютъ диковинный меланжъ „сіятельнѣйшаго хулигана". . .

Когда онъ сказалъ „отъ благодарнаго населенія", всѣ разсмѣялись. Кто это „всѣ"?

Такіе же, какъ онъ. Метисно-изящные люди русско-европейскаго издѣлія. „Вольноперы", какъ Петрикъ, и постарше — гвардейскіе офицеры, молоденькія дамы „смольнаго" воспитанія. . .

Ахъ, онѣ не понимаютъ, какая горькая иронія въ этихъ словахъ. Онѣ — „смолянки". Но почему? Потому ли, что кончили „Смольный" подъ руководствомъ княгини N N, или потому, что Ленинъ-Ульяновъ, захвативъ „Смольный", незамѣтно для нихъ самихъ привилъ имъ „ново-смольные" взгляды. . .

— Грабь награбленное. —

Развѣ не это звучитъ въ словахъ этого большевизированнаго рюриковича, когда онъ небрежно-нагло роняетъ:

— Отъ благодарнаго населенія.

Они смѣются. Чему?

Тому ли, что, быть можетъ, послѣдній отпрыскъ тысячелѣтняго русскаго рода прежде, чѣмъ безтрепетно умереть за Русскій Народъ, сталъ воромъ. Тому ли, что вытащивъ изъ мужицкой скрыни подъ рыданія Марусекъ и Гапокъ этотъ полушубокъ, онъ доказалъ насупившемуся Грицьку, что паны только потому не крали, что были богаты, а какъ обѣднѣли, то сразу узнали дорогу къ сундукамъ, какъ настоящіе „злодіи", — этому смѣются? „Смѣшной" ли модѣ грабить мужиковъ, которые „насъ ограбили" — смѣются?

Нѣтъ, хуже. . . Они смѣются надъ тѣмъ, что это населеніе, ради котораго семьи, давшія въ свое время Пушкиныхъ, Толстыхъ и Столыпиныхъ, укладываютъ подъ пулеметами всѣхъ своихъ сыновъ и дочерей въ сыпно-тифозныхъ палатахъ, что это населеніе „благодарно имъ". . .

„Благодарно" — т. е. ненавидитъ.

Вотъ надъ чѣмъ смѣются. Смѣются надъ горькимъ крушеніемъ своего „бѣлаго" дѣла, надъ своимъ собственнымъ паденіемъ, надъ собственной „отвратностью", смѣются — ужаснымъ апашескимъ смѣхомъ, смѣхомъ „бывшихъ" принцевъ, „задѣлавшихся" разбойниками.

* * *

Да, я многое тогда понялъ.

Я понялъ, что не только не стыдно и не зазорно грабить, а наоборотъ модно, шикарно.

У насъ ненавидѣли гвардію и всегда ей тайкомъ подражали. Можетъ быть за это и ненавидѣли...

И потому, когда я увидѣлъ, что и „голубая кровь" пошла по этой дорожкѣ, я понялъ, что бѣдствіе всеобще.

„Бѣлое Дѣло" погибло.

Начатое „почти святыми", оно попало въ руки „почти бандитовъ"...

* * *

Я не гвардеецъ... Я такъ же мало аристократъ, какъ и демократъ. Я принадлежу къ тому среднему классу, который „жнетъ тамъ, гдѣ не сѣялъ“. Все — наше. Пушкинъ — нашъ, и Шевченко — нашъ. (Слышу гоготъ „украинцевъ“. Успокойтесь, друзья: Шевченко въ роли „украинскаго большевика“ я оставляю вамъ, себѣ я беру — Шевченко бандуриста, „его же и Гоголь пріемлетъ“).

Все русское-наше. Аристократія и демократія намъ одинаково близка, поскольку она русская, поскольку она талантлива и прекрасна, поскольку она наше Прошлое и Будущее. Аристократія и демократія намъ одинаково далеки, поскольку онѣ узко классовы, поскольку онѣ изящно надменны или грубо фамильярны.

Я скорблю надъ угасающими, „сходящими на нѣтъ“ старинными родами, я радуюсь нарожденію новыхъ, „входящихъ“, которые „сами себѣ предки“.

Я жну тамъ, гдѣ не сѣялъ. Все высокое, красивое и сильное русское — мое, и я ношу мое право на нихъ на остріи моей любви къ Родинѣ... Я люблю ее всю, съ аристократами и демократами, дворцами и хатами, богатыми и бѣдными, знатными и простыми.

Ибо всѣ нужны. Какъ нужны корни, стволъ, листья... и цвѣты...

* * *

Я не гвардеецъ... Но если я особенно больно чувствую паденіе аристократіи, то это потому, что все же noblesse oblige... Какъ русскій, я несравненно болѣе оскорбленъ метаморфозой „Петрика“ въ апаша, чѣмъ „Петьки“ въ хулигана. Вѣдь въ сущности вся бѣлая идея была основана на томъ, что „аристократическая“ честь націи удержится среди кабацкаго моря, удержится именно бѣлой несокрушимой скалой.... Удержится и побѣдитъ своей бѣлизной. Подъ аристократической частью націи надо подразумѣвать все лучшее, все дѣйствительно культурное и моральное, порядочное безъ

ковычекъ. Но среди этой аристократіи въ широкомъ смыслѣ слова, аристократіи доблести, мужества и ума — конечно центральное мѣсто, нерушимую цитадель должна была бы занять родовая аристократія, ибо у нея въ крови, въ видѣ наслѣдственнаго инстинкта, должно было бы быть отвращеніе ко всякимъ мерзостямъ...

И вдругъ...

„Отъ благодарнаго населенія"...

„Tout est perdu sauf l'honneur" — говорили французскіе дворяне.

„L'honneur a été perdu avant tout" — можемъ сказать мы...

Но Бѣлое Дѣло не можетъ быть выиграно, если потеряна честь и мораль.

Безъ чести, именно отрицаніемъ чести и морали — *временно* побѣждаютъ Красные.

Для Бѣлыхъ же потерять честь — это потерять все.

C'est tout perdre...

* * *

И я видѣлъ...

Я видѣлъ, какъ зло стало всеобщимъ.

Насмѣшливый терминъ „отъ благодарнаго населенія" все покрылъ, все извинилъ, изъ трагедіи сдѣлалъ кровавый водевиль въ m'en fich' истскомъ стилѣ.

* * *

Я видѣлъ...

Я видѣлъ, какъ почтенный полковой батюшка въ большихъ галошахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ, увязая въ грязи, бѣгалъ по деревнѣ за грабящими солдатами:

— Не тронь!... Зачѣмъ!... Не тронь, говорю... Оставь! Грѣхъ, говорю... Брось!

Куры, утки и бѣлые гуси разлетались во всѣ стороны, за ними бѣжали „бѣлые" солдаты, за солдатами батюшка съ бѣлой бородой.

Но по дорогѣ равнодушно тянулся полкъ, вѣрнѣе пятисотъ-подводный обозъ. Ни одинъ изъ „бѣлыхъ" офи-

церовъ не шевельнулъ пальцемъ, чтобы помочь священнику... единственному, кто почувствовалъ боль и стыдъ за поруганіе „Христолюбиваго“ Воинства.

Зато на стоянкѣ офицеры говорили другъ другу:

— Хорошій нашъ батюшка, правъ, но комикъ... Помнишь, какъ это онъ въ деревнѣ... за гусями... въ калошахъ... съ зонтикомъ... Комикъ!

* * *

Я видѣлъ, какъ артиллерія выѣхала „на позицію“. Позиція была тутъ же въ деревнѣ — на огородѣ. Приказано было ждать до одиннадцати часовъ. Пятисотъ-подводный обозъ стоялъ готовый, растянувшись по всей деревнѣ. Ждали...

Я зашелъ въ одну хату. Здѣсь было какъ и въ другихъ... Половина семьи лежала въ сыпномъ тифу. Другіе ожидали своей очереди. Третьи, только что вставшіе, бродили, пошатываясь, съ лицами снятыхъ съ креста.

— Хоть бы какую помощь подали... Бросили народъ совсѣмъ. Прежде хоть хвельшара пришлютъ... лекарства...а теперь... качаетъ... всѣхъ переберетъ... Бросили народъ совсѣмъ, бросили... пропадаемъ... хоть бы малую помощь...

Домъ вздрогнулъ отъ рѣзкаго, безобразно-рѣзкаго нашего трехдюймоваго... Женщина вскрикнула...

— Это что?

Это было одиннадцать часовъ. Это мы подавали „помощь“ такой же „брошенной“, вымирающей отъ сыпного тифа деревни, за четыре версты отсюда...

Тамъ случилось вотъ что. Убили нашего фуражира. При какихъ обстоятельствахъ — неизвѣстно. Можетъ быть фуражиры грабили, можетъ быть нѣтъ... Въ каждой деревнѣ есть теперь рядомъ съ тихими, мирными, умирающими отъ тифа хохлами, — бандиты, гайдамаки, ведущіе войну со всѣми на свѣтѣ. Съ большевиками столько же, сколько съ нами. Они ли убили? Или просто большевики? Неизвѣстно. Никто этимъ и не интересовался. Убили въ такой то деревнѣ — значитъ наказать...

— Вѣдь какъ большевики дѣйствуютъ, — они вѣдь не

церемонятся, батенька... Это мы миндальничаемъ... Что, тамъ съ этими бандитами разговаривать!

— Да не всѣ же бандиты.

— Не всѣ? Ерунда! Сплошь бандиты, — знаемъ мы ихъ! А нѣмцы какъ дѣйствовали?

— Да вѣдь нѣмцы оставались, а мы уходимъ.

— Вздоръ! мы прійдемъ — пусть помнятъ, сволочь!...

Деревнѣ за убійство приказано было доставить къ одиннадцати часамъ утра „контрибуцію" — столько то коровъ и т. д.

Контрибуція не явилась, и ровно въ одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — какъ нѣмцы, — сказано, сдѣлано... Огонь!

Безобразный, рѣзкій ударъ, долгій, жутко удаляющійся, затихающій вой снаряда и, наконецъ, чуть слышный разрывъ.

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чью хату зажгло? Чьихъ сиротъ сдѣлало навѣки непримиримыми, жаждущими мщенія... „бандитами"?

— Они всѣ, батенька, бандиты — всѣ. Огонь!

Трехдюймовки работаютъ точно, отчетливо. Но отчего такъ долго?

— Приказано семьдесятъ снарядовъ.

— Зачѣмъ такъ много?

— А куда ихъ дѣть? Все равно дальше не повеземъ... Мулы падаютъ...

Значитъ, для облегченія муловъ. По своей деревнѣ. По русскому народу, за который мы же умираемъ...

* * *

Я сильно захромалъ на одномъ переходѣ. Растянулъ жилы... Примостился гдѣ то, въ самомъ концѣ обоза, на самой дрянной кляченкѣ, только что „реквизированной"... Обозъ—пятьсотъ повозокъ, но примоститься трудно, всѣ везутъ что то. Что угодно. Даже щегольскія городскія сани везутъ на повозкѣ.

Скоро кляченка упала. Я заковылялъ пѣшкомъ. Обозъ обтекалъ меня медленно, но вѣрно... Вотъ послѣдняя повозка.

Прошла... Хочу прибавить шагъ, не могу. Обозъ уходитъ. Надвигается конный арріергардный разъѣздъ — это послѣдніе. За ними никого. Мы съ сыномъ одни — бредемъ въ полѣ...

Увы, „освободителямъ русскаго народа" нельзя оставаться въ одиночку... Убиваютъ.

Сколько ужасной горечи въ этомъ сознаніи... Убиваютъ! Кто? Тѣ, за спасеніе которыхъ отдаемъ все...

Я сказалъ сыну, чтобы шелъ впередъ и попросилъ кого нибудь изъ офицеровъ прислать мнѣ лошадь.

Онъ ушелъ. Впереди деревня. Когда я добрелъ до нея, — вижу впереди хвостъ обоза.

Но что это такое? Плачъ навзрыдъ, причитанія, крики. Я заковылялъ въ этотъ дворъ...

Лежитъ павшая лошадь. Съ нея казакъ снимаетъ сѣдло и перекладываетъ на другую, свѣжую. Крестьянская семья—старикъ, женщины и дѣти—хватаются за нее... это ихъ лошадь.

— Что ты дѣлаешь? Брось!...

— Я же имъ оставляю коня — онъ отойдетъ. Я же не могу пѣшій, что же мнѣ дѣлать?

Баба бросается ко мнѣ.

— Помилуйте... смилуйтесь! Одна у насъ — послѣдняя. Ой, змилуйтесь! Сердце, золотко —, не обижайте, — бѣдные мы, самые бѣдные. Земли нема у насъ. Только и живемъ съ коня, — змилуйтесь! Отъ жежъ есть котрые богатійши, — отъ старосту спросыть, змылуйтесь, господинъ!

Но тѣмъ временемъ казакъ, вскочивъ на коня, скачетъ.

— Стой, я тебѣ говорю, стой!

Онъ не обращаетъ вниманія. Что я офицеръ, не производитъ на него никакого впечатлѣнія. Я думаю о томъ, что надо бы выстрѣлить ему вслѣдъ, но подумавъ, ковыляю дальше. Надо сказать тамъ.

Когда я подхожу наконецъ, я вижу странное... Всѣ вдругъ стали „бѣлыми". Въ бѣлыхъ новыхъ кожухахъ. Очевидно тутъ же ограбили — эту же деревню. А кто то изъ старшихъ офицеровъ спрашиваетъ:

— Это ты здѣсь, Аршакъ, себѣ этого сѣраго досталъ, — хорошій конь!

— Такъ точно, господинъ полковникъ. Добрый конь. Смотрю — это мой казакъ. Безнадежно...

И это „бѣлые“? Развѣ потому, что въ краденыхъ кожухахъ... бѣлыхъ...

* * *

Хоронили нашего квартирьера. Опять убили въ деревнѣ. Нельзя въ одиночку. Онъ сунулся ночью въ деревню. Устроили засаду — убили. Кто — неизвѣстно. Выбросили тѣло на огородъ, собаки стали ѣсть трупъ. Ужасно...

Опускаютъ въ могилу. Тутъ нѣсколько офицеровъ, командиръ полка.

Могилу засыпаютъ мѣстные мужики. Первые попавшіеся въ первой хатѣ. Одинъ изъ нихъ въ новыхъ сапогахъ. Тутъ же солдатъ въ старыхъ.

— А вы, мерзавцы, убивать умѣете... А въ новыхъ сапогахъ ходите... Снимай сейчасъ, — отдай ему!

— Господинъ полковникъ, да развѣ я убивалъ? Я бы ихъ проклятыхъ самъ перевѣшалъ...

— Снимай, не разговаривай, а не то...

Снимаетъ. Разъ командиръ полка приказываетъ, да еще при такомъ случаѣ — не поговоришь...

— А на деревню наложить контрибуцію!

Весело вскакиваетъ на лошадей конвой командира полка — лихіе „лабинцы“... Мгновеніе, и разсыпались по деревнѣ. И въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ подымается стонъ, рыданія, крики, жалобы, мольбы... Какая то старуха бѣжитъ черезъ дорогу, бросается въ ноги... Цѣлая семья воетъ вокругъ уводимой коровы.

А это еще что? Черный дымъ взвился къ небу. Неужели зажгли?

Да... Кто-то отказался дать корову, лошадь... И вотъ...

Могилу квартирьера засыпаютъ... Завтра въ слѣдующей деревнѣ убьютъ новаго... Тамъ вѣдь уже будутъ знать и о сапогахъ, и о контрибуціи... А если не будутъ знать о насъ, то вѣдь впереди идутъ части, передъ которыми мы младенцы... Мы вѣдь *одинъ изъ лучшихъ полковъ*...

* * *

Въ одномъ мѣстечкѣ мальчишка лѣтъ восемнадцати, съ винтовкой въ рукахъ, бѣгаетъ между развалинъ разгромленныхъ кѣмъ то (нами? большевиками? петлюровцами? „бандитами“? — кто это знаетъ?) кварталовъ.

— Что вы тамъ дѣлаете?

— Жида ищу, господинъ поручикъ.

— Какого жида?

— А тутъ ходилъ, я видѣлъ.

— Ну, ходилъ... А что онъ сдѣлалъ?

— Ничего не сдѣлалъ... жидъ!

Я смотрю на него, въ это молодое, явно „кокаинное“ лицо, на которомъ всѣ пороки...

— Какой части?

Отвѣчаетъ...

— Маршъ въ свою часть!...

Пошелъ.

Ищетъ жида съ винтовкой въ рукахъ среди бѣлаго дня. Что онъ сдѣлалъ? Ничего — жидъ.

Что сдѣлалъ этотъ человѣкъ, котораго вы поставили „къ стѣнкѣ“?...

— Какъ что! Онъ „буржуй“!

— А, буржуй... Ну валяй!

Какая разница? Мы такъ же относимся къ „жидамъ“, какъ они къ „буржуямъ“.

Они кричатъ „смерть буржуямъ“, а мы отвѣчаемъ „бей жидовъ“.

Но гдѣ же „бѣлые“?...

* * *

— Да что вы, батенька... Всѣ они бандиты... Я вамъ говорю — не суйтесь, будьте осторожны... А это село, — извѣстное. Въ каждомъ домѣ — большевики — я вамъ говорю. Будьте осторожны — поближе къ штабу... Всѣ бандиты!

Но мы „сунулись“... Насъ была небольшая „стайка“,— мои молодые друзья и я... Сунулись въ хатку на самой окраинѣ сверхъ-„бандитской“ деревни...

Результатъ. Полчаса были хмурыми, явно-скрыто-враждебными. Полчаса присматривались. Еще черезъ полчаса стали растаивать. Къ концу вечера стали ласковыми и угостили превосходнымъ ужиномъ. На ночь устроили какъ только могли получше. А утромъ, когда мы уходили, провожали насъ, какъ лучшихъ друзей. Улыбались на прощанье такъ, какъ только умѣютъ улыбаться хохлушки. . .

— Якъ вамъ Богъ поможе, може ще побачемось. . . Заходьте до насъ. . . Счастливо!

И такъ было почти въ каждой деревнѣ на разстояніи трехсотъ верстъ. . . „Батенька — не суйтесь!“. . . Мы все же „совались“ и утромъ уходили, провожаемые ласково звенящимъ:

— Счастливо! . . .

* * *

За это, или за другое, насъ въ полку за глаза насмѣшливо называли „джентельмены“.

Я понимаю эту насмѣшку и эту скрытую враждебность. Мы шли триста верстъ, они можетъ быть три тысячи. Мы имѣли при себѣ свои деньги (заработокъ „Кіевлянина“ за послѣдніе дни) и притомъ „керенки“ — у нихъ денегъ не было... Мы шли добровольно, только что промѣнявъ перья на винтовки, — они тянули уже безконечно эту безотрадную лямку:

Походъ, бой, вши... Бой, вши, походъ... Вши, походъ, бой. . .

Этими тремя элементами вѣдь исчерпываются всѣ комбинаціи войны à la longue. . . Легко быть „джентельменами“ недѣлю, мѣсяцъ, два . . . Но годъ, три, шесть лѣтъ. Вѣдь нѣкоторые воюютъ непрерывно съ 1914 года.

Еще хорошо пока лѣто, солнце, тепло, есть рѣчки, гдѣ выкупаться. Но осенью, зимою... Въ эти безотрадно-грязные, сѣрые дни или безжалостно-бѣлые, морозные. . . Какая тоска нападаетъ наконецъ, отвращеніе къ этому „роду занятій“, жгучая потребность, непреодолимая жажда культурнаго центра, электричества, театра, нарядной толпы, музыки, книги, газеты. . . Все это локализируется въ одной мечтѣ:

„Выпить кофе у Фанкони. . . Настоящій кофе. . . съ сладкими булочками, чисто поданный... и прочитать газету“...

Объ этомъ мечтаютъ на всѣхъ безконечныхъ „отступательныхъ“ дорогахъ. . . Воевать надоѣло, противно. . .

Прежде всего, конечно, этой до конца утомленной арміи надо отдохнуть. Она больше не можетъ, — вѣдь они работаютъ безъ конца. . .

„Вѣчно безъ смѣны“. . .

Вѣчно безъ смѣны! Но почему нѣтъ смѣны?

Ахъ, я никого не осуждаю, не имѣю права осуждать. Быть можетъ, если бы я воевалъ столько, сколько они, я самъ бы опустился. Но пока, пока все же мнѣ такъ пріятно наблюдать своихъ молодыхъ друзей, крещенныхъ „джентельменами“. . .

Мнѣ пріятно, что на тридцатой верстѣ дневного перехода они такіе же, какъ на первой. Леденящій душу морозъ, крайняя усталость, разваливающаяся обувь, растертыя ноги не способны вырвать у нихъ ни одного грубаго слова. Мнѣ пріятна ихъ неподчеркнутая, но настоящая военная и невоенная вѣжливость, ихъ строгое разграниченіе „службы“ и „дружбы“. Безпрекословное исполненіе „приказаній“, братскія отношенія между собой и трогательная заботливость обо мнѣ, во вниманіе моей „старческой слабости“.

Но въ особенности меня радуетъ, какъ они умѣютъ ладить съ тѣмъ „русскимъ народомъ“, ради котораго и ведется борьба. Когда они за нѣсколько часовъ „шармируютъ“ неизбалованную лаской семью „бандитовъ“, я гордъ, какъ будто бы выигралъ сраженіе.

Я конечно не выигралъ сраженія, но я выигралъ „пополненіе“, я выигралъ „смѣну“. . .

Потому что, я убѣжденъ въ этомъ, какъ въ томъ, что миромъ правитъ Добро, а не Зло, если бы армія не смѣялась надъ „джентельменами“, у нея была бы смѣна. . .

Мы „отвоевали“ пространство больше Франціи. . . Мы „владѣли“ народомъ въ сорокъ милліоновъ слишкомъ. . . И не было „смѣны“?

Да, не было. Не было потому, что измученные, усталые, опустившіеся, мы почти что ненавидѣли тотъ народъ, за который гибли. Мы бездомные, безхатные, голодные, нищіе, вѣчно-бродящіе, безконечно разлученные съ дорогими и близ-

кими, — мы ненавидѣли всѣхъ. Мы ненавидѣли крестьянина за то, что у него теплая хата, сытный, хоть и простой столъ, кусокъ земли и семья его тутъ же около него въ хатѣ. . .

— Ишь, сволочь, бандиты — какъ живутъ!

Мы ненавидѣли горожанъ за то, что они пьютъ кофе, читаютъ газеты, ходятъ въ кинематографъ, танцуютъ, веселятся. . .

— Буржуи проклятые! за нашими спинами кофе жрутъ!

Это отношеніе рождало свои послѣдствія, выражавшіяся въ извѣстныхъ „дѣйствіяхъ“. . . А эти дѣйствія вызывали „противодѣйствіе“. . . выражавшееся въ отказѣ дать. . . „смѣну“. . .

Можно смѣяться надъ „джентельменами“, но тогда приходится воевать безъ „смѣны“.

Конечно, большевики — тѣ добываютъ „смѣну“ просто — терроромъ. — Но вѣдь мы боремся съ большевиками. Изъ за чего? Неужели только для того, чтобы сѣсть на ихъ мѣсто и дѣлать все такъ же, какъ они. Но къ чему же тогда всѣ „жалкія слова“? . . .

* * *

Въ одномъ мѣстѣ, въ одной хатѣ, куда мы зашли погрѣться и отдохнуть, старикъ сидѣлъ на лавкѣ и долго молчалъ. Но я чувствовалъ, что онъ за нами наблюдаетъ. Вслушивается, старается понять. . .

Наконецъ онъ неожиданно спросилъ:

— Кто вы, господа, такіе?

Онъ это такъ сказалъ, что насъ всѣхъ поразило. Кто то отвѣтилъ ему:

— Мы? . . . Мы — деникинцы.

Но онъ хитро покачалъ головою:

— Ни, господа. Вы не деникинцы. . .

Я не знаю, почему я его вдругъ понялъ. Бываетъ такъ, что поймешь вдругъ. . . не умомъ. . . скорѣе концами пальцевъ, словомъ я понялъ его.

И сказалъ:

— Кто мы, діду? . . . Мы тѣ, . . . что за Царя. Только мовчить, діду, никому не говорить. . . Бо ще не время. . .

Но ему трудно было молчать.

— Отъ жежь бачу, что вы не деникинцы. Хиба таки деникинцы! Хоть мы и темны люды, а всежъ свѣтъ бачимо. Видно по васъ, яки вы люды. Такъ буде намъ свѣтъ? Буде Государь?

— Мовчить, діду. Объ этомъ не можно ще. Буде Царь, буде! Только мовчить. Прійде время, будутъ васъ усихъ пытать, чи хочете Царя, чи ни. О тоды кажыть, — не ховайтесь. Кажыть, — хочемо!

— Та хочемо! Якъ не хочемо! Отъ що зробылось безъ Царя! А доживу жъ я, старый?

— Доживете. . . Тилько тихо. Не время ще діду, — мовчить!

И мы ушли, таинственно прикладывая палецъ къ губамъ.

Какимъ образомъ старикъ учуялъ, кто мы! . . . Вѣроятно, въ его представленіи „тѣ, что за Царя“ и должны быть такіе. . . Вѣдь Царь въ его старческой душѣ рисуется какъ въ старыхъ сказкахъ. И „его люди“ не могутъ же не быть нѣсколько иными... Они не могутъ безобразить или ругаться въ Бога, въ мать, въ вѣру и Христа. . . какъ большевики, какъ петлюровцы, махновцы... деникинцы. . .

Ахъ, въ этомъ и трагедія, что народъ не дѣлаетъ между всѣми ними особаго различія. . .

„Шведы ль, наши шли здѣсь утромъ,
„Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
„Нынче пахнетъ табачищемъ,
„Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ“. . .

Если бы хоть мы, монархисты, слѣдовали бы примѣру перваго Русскаго Императора, и вмѣсто грабежа, насилія и матерщины, старались бы исправлять репутацію Деникинской Арміи. . .

Тогда можетъ быть:

„И развелъ старикъ руками,
„*Шапку снялъ* и смотритъ въ лѣсъ. . .
„Смотритъ долго въ *ту сторонку*,
„Гдѣ чудесный гость исчезъ“.

* * *

Я хочу думать, что это ложь. Но мнѣ говорили люди, которымъ надо вѣрить.

Въ одной хатѣ за руки подвѣсили... „комиссара"... Подъ нимъ разложили костеръ. И медленно жарили... человѣка...

А кругомъ пьяная банда „монархистовъ"... выла „Боже Царя Храни"...

Если это правда, если они есть еще на свѣтѣ, если рука Немезиды не поразила ихъ достойной ихъ смертью, пусть свершится надъ ними страшное проклятіе, которое мы творимъ имъ, имъ, и такимъ, какъ они, — растлителямъ Бѣлой Арміи... предателямъ Бѣлаго Дѣла... убійцамъ Бѣлой Мечты...

* * *

Такъ думалось въ одинокую Новогоднюю Ночь...

* * *

Конечно, въ этихъ мысляхъ былъ перехватъ... И одиночество, и горечь... ретушируютъ больше, чѣмъ нужно... Безсонная ночь плохой совѣтникъ... Не такъ ужъ безнадежно. Выходъ есть, выходъ гдѣ то есть...

* * *

Вѣдь вотъ вездѣ, и въ томъ полку, гдѣ я былъ — есть люди. Есть „комикъ" батюшка, есть и другіе... „комики". Вотъ тотъ полковникъ, напримѣръ, — развѣ не золотой полковникъ... Шесть лѣтъ воюетъ, а все еще полонъ огня. Есть же такіе безсносные люди. И у него не грабятъ въ баталіонѣ. Памятники при жизни такимъ ставить.

Есть они, есть всюду. Только разрознено все это. Если бы какъ нибудь объединиться — подать другъ другу... перекликнуться...

Да, перекликнуться. Подать другъ о другѣ голосъ. Чтобы человѣкъ, которой борется за Бѣлое Дѣло не только противъ Красныхъ, но и противъ Сѣрыхъ и Грязныхъ, зналъ, что онъ не одинокъ. Что есть и другіе, такіе же, какъ онъ, ко-

торые гдѣ то тамъ, въ своихъ углахъ, въ своихъ баталіонахъ и ротахъ „гребутъ противъ теченія“:

„. . . Други, гребите!
„Съ Вѣрою въ ваше святое значеніе,
„Дружно гребите, во имя прекраснаго — противъ теченія. . .“

(Алексѣй Толстой).

Ангелъ Смерти.

Я пробовалъ зажигать фонарь и въ роли Діогена искалъ „человѣка“. Въ Одессѣ его не было.

И это стало особенно ясно, когда въ Одессу пріѣхалъ В. А. Степановъ.

Съ В. А. Степановымъ мнѣ пришлось сдѣлать „кусочекъ политической жизни“, нѣсколько верстъ пути, рука объ руку. Онъ обладалъ счастливѣйшимъ и цѣннѣйшимъ свойствомъ возбуждать въ другихъ людяхъ энергію мысли. Какъ то съ нимъ всегда все „пересматривалось“ по существу, такъ сказать, сначала. Онъ былъ отнюдь не революціонеръ, но мозгъ его былъ всегда счастливо открытъ для новой мысли. Онъ никогда не застывалъ и все время эволюціонировалъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Очень твердый въ основномъ стремленіи, онъ обнаруживалъ большую гибкость въ способахъ. И отнюдь не въ томъ смыслѣ, что „цѣль оправдываетъ средства“, а въ томъ, что „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“. . .

А. М. Драгомировъ еще не уѣхалъ въ то время изъ Одессы. Мы собрались втроемъ. И. . .

Слушали:

Мнѣніе присутствующихъ о томъ, что генералъ Деникинъ находится въ опасности. „Такое“ отступленіе по всей вѣроятности не можетъ обойтись безъ „личныхъ перемѣнъ“. Это законъ исторіи. Можетъ быть три случая. Генерала Деникина убьютъ, онъ застрѣлится, онъ совершитъ „отреченіе“. Необходимо подготовиться къ каждой возможности.

Постановили:

Поддерживать генерала Деникина до послѣдней возможности и повиноваться ему до самаго конца. Преемникомъ

ему почитать генерала Врангеля. Какъ передать власть генералу Врангелю въ случаѣ трагическаго конца — сейчасъ установить невозможно. Если же будетъ „отреченіе“, то употребить усилія въ томъ направленіи, чтобы передъ отреченіемъ произошло „назначеніе“ новаго главнокомандующаго.

Слушали:

Въ Одессѣ можетъ организоваться отпоръ въ томъ случаѣ, если будетъ найденъ „человѣкъ“.

Постановили:

Зажечь Діогеновъ фонарь и искать „человѣка“.

Слушали:

Кромѣ Врангеля другого человѣка на найдено.

Постановили:

Принять зависящія мѣры, чтобы генералъ Врангель сталъ пока во главѣ Одессы.

Эти зависящія мѣры были приняты. Въ точности мнѣ неизвѣстно, привели ли онѣ къ какому нибудь результату. Но думаю, что генералъ Врангель опоздалъ бы.

Ангелъ Смерти виталъ надъ Одессой.

* * *

Надо было „зарегистрироваться“.

Большое зданіе. Два этажа сплошь набиты офицерами. Очередь совершенно безнадежная. Здѣсь надо стоять часы.

Это все „регистрирующіеся“. Здѣсь всякіе. Явные старики и инвалиды. Всякаго рода „категористы“, потомъ безконечное количество служащихъ въ тыловыхъ учрежденіяхъ. Здѣшніе — Одесскіе и эвакуировавшіеся изъ самыхъ разныхъ губерній... „Командировщики“, получившіе всякія порученія. Часть изъ нихъ дѣйствительно что-то здѣсь дѣлаетъ, а остальные — „ловчилы“. Наконецъ... наконецъ просто „дезертиры“... Хотя всѣ они конечно имѣютъ удостовѣренія.

Я потолкался нѣкоторое время среди этой толпы и ушелъ въ „отвратномъ“ настроеніи.

Толпа... Толпа офицеровъ. Не знаю почему, на меня всегда офицеры производятъ самое тяжелое впечатлѣніе, когда они собираются „толпами“... Офицеръ по существу

„одиночка“... Онъ долженъ быть окруженъ солдатами. Тогда понятно, почему онъ „офицеръ“...

Но офицерство „толпами“... Тутъ есть какое-то внутреннее противорѣчіе, которое создаетъ тяжелую атмосферу... Такое же тяжелое впечатлѣніе на меня производятъ „офицерскія роты“... нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ... Въ нихъ чувствуется какая то внутренняя горькая насмѣшка...

И это впечатлѣніе особенно ярко, если сравнить „офицерскія роты“ съ „юнкерами“... Казалось бы, „офицерскія роты“ самыя совершенныя части... А вотъ нѣтъ... Въ нихъ какой то надломъ, нѣтъ здоровья, нѣтъ душевнаго здоровья... И какъ это ни странно — не чувствуется дисциплины. А юнкера всегда производятъ какое то бодрящее душу впечатлѣніе: сжатой пружины, готовой каждую минуту развернуться по знаку своего начальника...

Душевной упругости, пружинчатости я совершенно не почувствовалъ въ этой офицерской регистрирующейся толпѣ... Плохая психика, ужасная психика...

Такое учрежденіе, гдѣ регистрируются, не единственное вотъ это. По всему городу, въ разныхъ участкахъ, происходитъ то же самое. Вездѣ стоятъ такія же толпы офицеровъ, понурыя, хмурыя, озлобленно подавленныя и требовательныя...

Сколько ихъ?

Никто не знаетъ толкомъ, называютъ самыя фантастическія цыфры... Кто говоритъ, что уже „зарегистрировалось“ восемьдесятъ тысячъ... Но это явно преувеличено... Но не меньше двадцати пяти тысячъ, навѣрное...

Цѣлая армія. И казалось бы, какая армія. Отборная...

Да это только такъ кажется...

На самомъ дѣлѣ эти выдохшіеся люди, потерявшіе вѣру, ничего не способны дѣлать. Чтобы ихъ „встряхнуть“, надо желѣзную руку и огненный духъ... Гдѣ это?

* * *

Принципъ регистраціи нелѣпъ. Офицеровъ „заносятъ“ куда то, и этимъ ограничивается все.

Межь тѣмъ. . .

Межъ тѣмъ настроеніе этого города, самаго города начинаетъ портиться. . .

Явственно чувствуется какая то подземная работа. Хорошо бы держать самый городъ „подъ прицѣломъ“ . . . И это было бы легко, можетъ быть. Каждый регистрирующійся офицеръ долженъ былъ бы тутъ же получать приказъ „въ какую часть онъ зачисленъ на случай тревоги и куда долженъ явиться, кто его начальникъ.“ Такъ однажды было сдѣлано въ Екатеринодарѣ. И дало прекрасные результаты.

А такъ —эти списки? Для чего они? Для облегченія работы большевиковъ, когда займутъ городъ, по отыскиванію офицеровъ?

Ангелъ Смерти рѣетъ надъ Одессой—мамой. . .

* * *

Ко мнѣ пришелъ одинъ офицеръ.

Молодой, энергичный... Съ наклонностью къ необузданному фантазерству. Онъ мнѣ казался бѣлымъ по мыслямъ и чувствамъ, но испорченнымъ доктриной „цѣль оправдываетъ средства.“ Онъ стоялъ во главѣ группы офицеровъ, поднимавшихъ большой „бумъ“. . . Они были рѣшительны, смѣлы. Достаточно смѣлы для „бумныхъ“ исторій, недостаточно отважны, чтобы быть безпощадными къ своимъ. . .

Теперь онъ пришелъ ко мнѣ продемонстрировать такъ сказать свое „безпристрастіе“. . .

—Вотъ прочтите.

Читаю. Это собственноручное признаніе начальника одной изъ очень крупныхъ „контръ-развѣдокъ“ въ томъ, что онъ,будучи больнымъ, былъ соблазненъ своимъ помощникомъ присвоить и раздѣлить между собой (четырьмя соучастниками) крупную сумму въ иностранной валютѣ. „Будучи почти въ безпамятствѣ“, „онъ поддался на уговоры“. Теперь онъ приносилъ чистосердечное раскаяніе и просилъ предать его суду.

Я зналъ этого человѣка. Онъ приходилъ ко мнѣ, приносилъ стихи, иногда недурные, былъ „мистикомъ,“ разсказывалъ, какъ онъ борется съ злоупотребленіями „нашей чрезвычайки“, и вообще казался мнѣ честнымъ человѣкомъ.

И вдругъ. . .

—Этого мы помилуемъ. Съ нимъ это въ первый разъ. . . Кромѣ того. . .

Онъ разсказалъ мнѣ на ухо исторію, которую я по этой причинѣ не разсказываю.

—А остальныхъ разстрѣляемъ. . .

—По суду, надѣюсь.

—Ну, конечно. . . Но вотъ будетъ другое дѣло — это уже не по суду. . .

* * *

Оба „дѣла" были сдѣланы. . .

Начальникъ той контръ-развѣдки „мистикъ и поэтъ", былъ помилованъ. . . какимъ то способомъ. Его соучастники разстрѣляны.

А черезъ нѣсколько дней былъ убитъ начальникъ Одесской контръ-развѣдки полковникъ Кирпичниковъ.

Онъ ѣхалъ поздней ночью. Автомобиль былъ остановленъ офицерскимъ патрулемъ. Кирпичниковъ назвалъ себя. Его попросили предъявить документъ. Когда онъ вытаскивалъ „удостовѣреніе" изъ кармана, раздался залпъ изъ винтовокъ. . .

Всю сцену разсказалъ шоферъ, которому удалось тихонько исчезнуть. . .

* * *

Это было дѣло „безъ суда". . .

Участники его, вѣроятно, гордились этимъ подвигомъ. Съ точки зрѣнія „брави", онъ дѣйствительно былъ сдѣланъ чисто. Но съ точки зрѣнія нашего „бѣлаго дѣла", это былъ грозный признакъ, свидѣтельствовавшій о полномъ помутнѣніи, если не покраснѣніи, умовъ.

Кто былъ убитъ? Начальникъ контръ-развѣдки, т. е. офицеръ или чиновникъ, назначенный генераломъ Деникинымъ.

Кѣмъ убитъ? Офицерами генерала Деникина же.

Актъ убійства Кирпичникова является прежде всего, „актомъ величайшаго порицанія и недовѣрія" тому, кому повинуешься. . . Это весьма плохо прикрытый „бунтъ". . . Отсюда

только одинъ шагъ до убійства ближайшихъ помощниковъ главнокомандующаго, вродѣ генерала Шиллинга или генерала Романовскаго. . . Генералъ Шиллингъ уцѣлѣлъ, а генералъ Романовскій погибъ, какъ извѣстно. . .

Когда я узналъ объ убійствѣ полковника Кирпичникова, я вспомнилъ свою рѣчь, которую я говорилъ когда то во второй Государственной Думѣ по поводу террористическихъ актовъ. Лѣвые нападали на полевые суды, введенные тогда П. А. Столыпинымъ. Они особенно возмущались юридической безграмотностью судей, первыхъ попавшихся офицеровъ, а также тѣмъ, что у подсудимыхъ не было защитниковъ. Отвѣчая имъ, я спрашивалъ:

— Скажите мнѣ, а кто эти темные юристы, которые выносятъ смертные приговоры въ вашихъ подпольяхъ? Кто назначилъ и кто избралъ этихъ судей? Кто уполномочилъ ихъ произносить смерть людямъ? И есть ли защитники въ этихъ подпольныхъ судилищахъ, по приговорамъ которыхъ растерзываютъ бомбами министровъ и городовыхъ на улицахъ и площадяхъ?

Эти слова мнѣ хотѣлось тогда сказать убійцамъ полковника Кирпичникова. Кто уполномочилъ ихъ судить его и выслушали ли они если не его защитниковъ, то его самого?

Но дѣло даже не въ этомъ, а дѣло въ томъ, что производить самосудъ, значитъ отрицать судъ. Отрицать судъ значитъ отрицать власть. Отрицать власть значитъ отрицать самихъ себя.

Такъ оно, конечно, и было. Этимъ убійствомъ бѣлые пошли противъ бѣлыхъ понятій.

Красный Ангелъ вѣялъ надъ городомъ.

* * *

Громадная зала кафе Робина была набита народомъ. Сквозь табачный дымъ

„Оркестръ вздыхалъ, какъ чья-то грудь больная".

Впрочемъ, не совсѣмъ такъ, а гораздо хуже. Съ трудомъ я нашелъ столикъ. Сейчасъ же и меня нашли. Нашлось неопредѣленное количество знакомыхъ, которые подсаживались и, по русскому обычаю, начинали изливать свои горести.

По странному совпаденію — это иногда бываетъ — у моего столика періодически смѣнялись Монтекки и Капулетти. Впрочемъ, это не совсѣмъ точно. Здѣсь было больше враждующихъ родовъ: столько, сколько штабовъ. А штабовъ. . . имена ихъ, Ты, Господи, вѣси. . .

— Онъ? Вы не можете себѣ представить! Это злой геній. Это удивительно. Непремѣнно долженъ быть злой геній! Вотъ у генерала Деникина — Романовскій, а здѣсь этотъ. Пока его не уберутъ, ничего не будетъ! Про Кирпичникова слышали? Вотъ и его бы туда же. . .

Смылся.

— Ахъ, это Вы! Слышали про убійство Кирпичникова? Конечно, это безобразіе, но въ концѣ концовъ. . . Я видѣлъ съ вами былъ только что офицеръ. . . Вы будьте съ нимъ осторожнѣе. Ихъ штабъ, я вамъ скажу, такая лавочка. . . Еще вопросъ, кто лучше, они или Кирпичниковъ. . .

Послѣ моего неопредѣленнаго отношенія къ дѣлу и этотъ уходитъ. Первые два были изъ враждующихъ штабовъ. Они грызутся и обвиняютъ другъ друга приблизительно въ одномъ и томъ же: въ бездѣліи, пьянствѣ, воровствѣ. Подсаживается третій.

— Я очень радъ, что съ Вами встрѣтился. Надо подѣлиться съ Вами нѣкоторыми фактами, быть можетъ, Вамъ неизвѣстными. Вы конечно слышали про эту. . . пѣвицу. Вотъ черезъ нее идетъ открытое и грандіозное взяточничество. А генералъ у нея пропадаетъ. Что тамъ дѣлается! И потомъ. . . если бы только это одно, а вѣдь дѣло гораздо хуже.

Онъ наклоняется ко мнѣ ближе и шепчетъ что-то про одну высокопоставленную даму. Въ его разсказахъ перемежаются жиды, контръ-развѣдка, масоны, Освагъ, спекулянты, штабы, большевики, Вѣра Холодная, галичане, Иза Кремеръ, городская дума, Анна Степовая. . .

Дикій кавардакъ. Оркестръ вздыхаетъ, „какъ чья-то грудь больная“, неизвѣстно только какою болѣзнью. Дыму столько же, сколько чада въ этихъ разсказахъ. . .

И все это пустяки, а самое важное, главное и смертельное это то, что вся эта огромная зала, все это энное количество столиковъ занято офицерами.

Что они здѣсь дѣлаютъ?

Пьютъ кофе. Читаютъ газеты. Слушаютъ щемящіе душу терпко-сладкіе звуки скрипокъ.

Мечта всѣхъ „отступательныхъ" дорогъ, морозныхъ и грязныхъ, исполнилась.

Они пьютъ кофе у Робина.

— А большевики опять продвинулись. Наши драпанули въ два счета! Придется играть въ ящикъ! Ну, и прекрасно! Чертъ съ нимъ!

А пока. . .

А пока мы все таки будемъ пить кофе со сладкими булочками, читать газеты и слушать скрипки. . .

* * *

Для освѣженія мысли я вынулъ изъ кармана записку, составленную моими друзьями. Эта записка если не была совсѣмъ точна, то во всякомъ случаѣ рисовала то, что считалось установленнымъ въ городѣ.

Передо мной замелькали описанія всевозможныхъ штабовъ и учрежденій съ одной и той же убійственной характеристикой. А это еще что?

„Все высшее начальство увѣряетъ населеніе, что опасности со стороны большевиковъ для Одессы нѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во второй половинѣ декабря семьи многихъ высшихъ лицъ были отправлены въ Варну. Это стало извѣстнымъ всему городу и вызвало панику. Вообще (?) большинство стоящихъ во главѣ вѣдомствъ должностныхъ лицъ заняты одной цѣлью, —набрать возможно больше денегъ, потому взяточничество процвѣтаетъ. Лица, завѣдывающія эвакуаціей, берутъ взятки за предоставленіе мѣстъ на пароходахъ; комендатура порта — за освобожденіе судовъ отъ мобилизаціи; управленіе начальника военныхъ сообщеній — за распредѣленіе тоннажа въ Черномъ морѣ. Описать хищенія, которыя происходятъ на желѣзныхъ дорогахъ, нѣтъ возможности — тамъ пропадаютъ цѣлые составы поѣздовъ съ казеннымъ грузомъ. Началась пляска милліоновъ. . ."

И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ.

Даже если бы все это была неправда, то всеобщее убѣжденіе, что это такъ, означало гибель дѣла.

Ангелъ Смерти виталъ надъ самое себя заклеймившей Одессой.

* * *

Улицы Одессы были непріятны по вечерамъ. Освѣщеніе догорающихъ „огарковъ“. На Дерибасовской еще кое какъ, на остальныхъ темень. Магазины закрываются рано. „Сверкающихъ“ витринъ не замѣчается. . . Среди этой жуткой полутемноты снуетъ толпа, сталкиваясь на углу Дерибасовской и Преображенской. Въ ней чувствуется что то нездоровое, какой то развратъ quand même, — безъ всякой эстетики. . . Окончательно перекокаинившіяся проститутки, полупьяные офицеры. . .

„Остатки культуры“ чувствуются около кино-театровъ. Здѣсь все таки свѣтъ. Здѣсь собирается толпа менѣе жуткая, чѣмъ та, что ищетъ другъ друга въ полумракѣ. Конечно пришли смотрѣть Вѣру Холодную. Послѣ своего трагическаго конца она стала „посмертнымъ произведеніемъ“, тѣмъ чего ужъ нѣтъ. . .

Меня потянуло взглянуть на то, чего ужъ нѣтъ — на живущую покойницу. Я вошелъ въ одинъ изъ освѣщенныхъ входовъ.

Что это такое? Офицерское собраніе или штабъ военнаго округа? Фойе было сплошь залито, какъ сказали бы раньше, „сѣрой шинелью“ и какъ правильнѣй сказать теперь — „англійской“. . .

Нельзя сказать, чтобы Вѣрочка Холодная все же не доставила бы мнѣ удовольствія. Какъ жадно стремимся мы всѣ насладиться хотя бы въ послѣдній разъ тѣмъ, чего *уже* нѣтъ, и много ли насъ осталось бороться за то, чего *еще* нѣтъ. . .

Ангелъ Смерти виталъ надъ „поставленнымъ къ стѣнкѣ“ городомъ. . .

„Отрядоманія“.

Всѣ чувствовали тогда въ Одессѣ, что такъ дальше нельзя. Разложеніе арміи по тысяча и одной причинѣ — было ясно. Ясно было, что именно поэтому она и отступаетъ, что наступила осень и зима не только въ природѣ. . .

„Въ душѣ моей зима царила,
„Уснули свѣтлыя мечты“...
(Романсъ бар. Врангель).

Что дѣлать?

Прямой путь былъ ясенъ. Надо было встряхнуть полки желѣзной рукой. Но для этого надо было, во первыхъ, гдѣ то ихъ собрать. На безконечныхъ „отступательныхъ“ дорогахъ этого нельзя было сдѣлать. Ибо можно было писать сколько угодно приказовъ, и они писались, но исполнять ихъ было некому. Командиры частей частью сами „заболѣли“, частью были безсильны. Надо было имѣть возможность, опершись на какую нибудь дисциплинированную часть, привести остальныхъ „въ христіанскую вѣру“...

Такихъ „мѣстъ“, центровъ, куда стекала отступающая стихія, было собственно три: Кубань, Крымъ и раіонъ Одессы.

Въ каждомъ изъ этихъ центровъ было одно несомнѣнное данное: дальше было море. Дойдя до моря, надо было или сдаваться, или „драться“... Но былъ еще третій выходъ, корабли... Конечно, ясно было, что всѣмъ не сѣсть на пароходы, но каждый думалъ про себя, что онъ то сядетъ, а остальные... ну что остальные — chacun pour soi, Dieu pour tous!

Однако, конечно, вездѣ были элементы, которые не желали садиться на пароходы. Они готовы были драться и уже поняли, что спасеніе въ покаяніи и въ дисциплинѣ. Были такіе элементы и въ Одессѣ.

Если бы въ Одессѣ оказался „человѣкъ“, сопротивленіе было бы... Но человѣкъ этотъ непремѣнно долженъ былъ быть полученъ „іерархическимъ“ путемъ, т. е. сверху. Короче говоря, это долженъ былъ бы быть назначеный Главнокомандующимъ Деникинымъ генералъ. Естественнымъ генераломъ былъ бы конечно Главноначальствующій Новороссійской Областью генералъ Шиллингъ.

Но генералъ Шиллингъ ни въ какой мѣрѣ нужнымъ „человѣкомъ“ бытъ не могъ.

Я совершенно не касаюсь всего того дурного, что о генералѣ Шиллингѣ говорили. Все это я слышалъ, все это я впускалъ въ одно ухо и выпускалъ въ другое,

твердо памятуя, что человѣческая гуща вообще легкомысленно-лжива, „отступающая“ стихія непремѣнно озлобленно-несправедлива, а „Одесса-мама“ сверхъ того всегда была виртуозно изобрѣтательна, въ смыслѣ сочиненія всякихъ мерзостей. . . Этому мутному потоку вообще не слѣдуетъ поддаваться.

Но что генералъ Шиллингъ не былъ „человѣкомъ“ въ нужномъ смыслѣ, человѣкомъ момента — это для меня совершенно ясно. Онъ не могъ рѣшиться на то, что долженъ былъ сдѣлать: разстрѣлять нѣсколькихъ командировъ полковъ для того, чтобы привести остальныхъ въ сознаніе дѣйствительности. Не могъ онъ и собрать около себя дисциплинированнаго кулака, который сумѣлъ бы внушить расхлябавшейся массѣ, что Главноначальствующій имѣетъ возможность заставить себѣ повиноваться.

Разъ генералъ Шиллингъ, т. е. естественный „человѣкъ“, человѣкъ „сверху“, не могъ ничего сдѣлать, а революціонный путь, т. е. путь нахожденія“ не естественнаго“ человѣка „снизу“ или „сбоку“ былъ исключенъ, то мысль заработала еще въ какомъ то третьемъ направленіи.

Это, „еще какое то“ направленіе дѣйствительно было „какое то“, т. е. несуразное.

Возникла мысль почти у всѣхъ одновременно такая: если старыя части разложились, значитъ надо формировать новыя.

Въ сущности говоря, это было повтореніе пройденнаго: вѣдь когда погибла старая Русская Армія, генералъ Алексѣевъ сейчасъ же взялся за формированіе новой — Добровольческой Арміи. Но существенная разница состояла въ томъ, что тогда во главѣ сталъ бывшій Верховный Главнокомандующій, старый техникъ, хорошо знавшій свое ремесло. Теперь же, здѣсь въ Одессѣ, за негодностью „генераловъ“ за дѣла схватились кто какъ могъ, и получилась эпоха Одесской „отрядоманіи“.

Кто только не формировалъ отряды! И „союзъ возрожденія“, и „нѣмцы-колонисты“, и Владыка Митрополитъ Высокопреосвященнѣйшій Платонъ и ех-редакторъ Кіевлянина..

Генералъ Шиллингъ помогалъ этимъ начинаніямъ такъ, какъ говорятъ хохлы: „якъ мокре горыть“... Шагъ впередъ, два назадъ, а въ это время большевики дѣлали три шага къ Одессѣ.

* * *

Я пошелъ къ митрополиту Платону.

Я люблю бывать у Владыки иногда.

Во первыхъ уже самое настроеніе этихъ митрополичьихъ покоевъ дѣйствуетъ какъ то утѣшающе... Ну, что же такое, что прійдутъ большевики! Они уже были и ушли. Еще прійдутъ и еще уйдутъ. А митрополичьи покои стоятъ и будутъ стоять. И такъ же въ нихъ будетъ, какъ было. Государства валятся, троны рушатся, а Церковь устоитъ... Устоитъ Русская Церковь, устоитъ Русскій Языкъ... Эти двѣ силы создадутъ третью: Единаго Двуглаваго Орла... Одной головой онъ будетъ смотрѣть въ наше Великое (да, *великое*, безумцы) Прошлое, другой зорко искать путей къ Великому (вѣрю, Господи, помоги моему невѣрію) Будущему...

Владыка Митрополитъ былъ оченъ увлеченъ своимъ „Священнымъ Отрядомъ“. И Митрополитъ Платонъ, какъ тогда въ Одессѣ было обязательно, тоже „формировалъ“ что-то... Но до меня уже дошли кое какія свѣдѣнія о томъ, что тамъ дѣлалось. Увы, въ „Священный Отрядъ“ вошли какимъ то образомъ... „уголовные элементы“. Я въ осторожной формѣ предупредилъ Владыку, какъ легко погубить дѣло и какъ особенно на виду отрядъ, создаваемый подъ покровительствомъ Митрополита.

Все таки стало легче на душѣ, когда я ушелъ оттуда. Я почти былъ убѣжденъ, что изъ Священнаго Отряда ничего не выйдетъ священнаго. Я получилъ достаточныя свѣдѣнія о „священныхъ людяхъ“, которые туда пошли... И все же...

И все таки соприкосновеніе съ „духовнымъ“ міромъ всегда освѣжаетъ. Я вовсе ничего не идеализирую... Я знаю и вижу нашу Русскую Церковь... И все таки среди этого расцвѣта Зла, когда поля и нивы заросли махровыми, буйными, красными будяками, Церковь уже потому утѣшаетъ, что она молится...

Молитва Богу всегда Бѣлая. Бѣлое — вѣковѣчно. . . А Богъ — сама Вѣчность.

* * *

Очень большой какой то домъ. Не помню, гдѣ это.

Тутъ формируется „самый важный“ отрядъ. Этотъ отрядъ, кажется, находится подъ „сильнымъ покровительствомъ“. . . Но чьимъ? Хорошенько не разберу.

Кажется онъ называется. . . впрочемъ, оставимъ это. Nomina sunt odiosa.

Словомъ, это долженъ быть „полкъ“. . . Первый батальонъ такой то организацiи, второй такой то общины, третiй такого то учрежденiя. . . четвертый могъ бы быть нашъ „отрядъ особаго назначенiя“. . .

Я добираюсь до командира полка. Двигаюсь постепенно изъ этажа въ этажъ, изъ комнаты въ комнату. Внизу меня слегка коснулся запахъ спирта. Затѣмъ этотъ запахъ все усиливался, по мѣрѣ того, какъ я двигался выше, по всякимъ „отросткамъ“ мгновенно сформировавшагося штаба. . . Вообще мы двигались безпрепятственно. Мой спутникъ называлъ меня. И тогда пьяныя и полупьяныя лица, передъ этимъ скользившiя по моимъ „подпоручицкимъ“ погонамъ полупрезрительнымъ взглядомъ, дѣлались любезными и милыми, поскольку они могли быть милыми. Потому что. . . вѣдь такъ много разрушено за это время. Разрушилось и искусство быть любезнымъ. . .

Запахъ спирта достигъ наивысшаго напряженiя, когда я достигъ командира полка.

Этотъ полковникъ былъ пьянъ. Онъ былъ молодъ и лицо у него было тонкое. Бритое, худощавое, оно носило отпечатокъ энергiи. Но какой „энергiи“? Это было почти очевидно.

Полковникъ принялъ меня въ высшей степени любезно. Но изъ его „повышенныхъ“ объясненiй я понялъ, что денегъ ему еще не дано — разъ, и что полкъ его еще не „утвержденъ“ — два. Что кто то (кто, неизвѣстно, но какiе то люди или „силы“) мѣшаетъ. . . Что генералъ Шиллингъ сочувствуетъ, но. . .

— Впрочемъ мы ихъ зажмемъ! Въ два счета! Церемониться не станемъ. . . Нѣтъ, ужъ не до церемоній. . . Куда же дальше. . . вѣдь штабы будутъ на пароходѣ. . . а мы? Насъ какъ цыплятъ угробятъ? Нѣтъ! Довольно!

Запахъ спирта усилился, потому что пришелъ кто то съ докладомъ. . .

—Господинъ полковникъ, разрѣшите доложить. . :

Офицеръ тянулся, хотя былъ пьянъ. . .

Полковникъ, принявъ докладъ, продолжалъ громить. . . кого то.

Я его плохо слушалъ. Я понялъ.

Всѣ пьяны, денегъ нѣтъ, разрѣшенія нѣтъ. . . и это при сильномъ „покровительствѣ".

А большевики въ этотъ день опять сдѣлали большой скачекъ.

Мы „драпанули" —„ въ два счета". . .

* * *

Опять зданіе. Опять этажи. Но спирта что то не слышно.

Добираюсь еще до одного формирующаго полковника. Молодой очень, но энергичный, производитъ симпатичное впечатлѣніе. Изъ „осважниковъ". Перемѣнили перо на винтовку. Тутъ „что то слышится родное".

— Деньги получили?

— Нѣтъ — какое тамъ. . .

— Какъ же?

— Да какъ то наскребаемъ пока.

— Утвержденіе?

— Да вотъ хлопочемъ.

— Много у Васъ. . .

— Пока около ста человѣкъ. . .

— А вѣдь большевики движутся. . .

— Конечно движутся. . .

— А знаете что, будемъ связь держать. . .

— Хорошо. . . а зачѣмъ?

— Да мало ли что можетъ случиться. . . драпанутъ въ два счета. . . теперь не на кого надѣяться. . . только на себя. . . въ случаѣ чего. . . перебирайтесь къ намъ. . .

Мы уславливаемся.

Въ городѣ по самому скромному счету двадцать пять тысячъ однихъ офицеровъ. А тутъ два отряда общей численностью не превышающіе двѣсти человѣкъ „договариваются“ о „совмѣстныхъ дѣйствіяхъ“.

* * *

Еще какое то формированіе. Та же картина. Зданіе, этажи. Штабъ. Денегъ пока нѣтъ. Разрѣшеніе — „хлопочутъ“...

* * *

И еще. . . и еще. . .

* * *

Есть еще нѣмцы колонисты. У нихъ свой „генералъ“. У нихъ свой комитетъ — какой то нѣмецко-русскій совдепъ, гдѣ одерживаются безкровныя побѣды на внутреннемъ фронтѣ.

Денегъ? Кажется есть.

Люди? Говорятъ, были. Но разошлись. . . И вообще они желаютъ защищать только каждый свою колонію, а другой не желаютъ. Кромѣ того нѣмцы говорятъ: „мы пойдемъ, если русскіе (крестьяне) пойдутъ“. А русскіе крестьяне будто бы говорятъ: „мобилизуйте насъ — тогда пойдемъ, а добровольно не пойдемъ — страшно“. . .

* * *

Есть еще „Союзъ Возрожденія“. У него дѣло чуть лучше. Они получили и деньги, и разрѣшеніе. Въ благодарность за явное покровительство „бѣлыхъ“ генераловъ „розовенькой общественности“ эта послѣдняя умѣренно политиканствуетъ. Создаютъ какой то совдепъ. Какъ онъ называется? „Комитетъ защиты Одессы“—кажется... Чуть ли не „Комитетъ Спасенія“. Они никакъ безъ этого не могутъ обойтись. Большевики уже давно поняли, что въ совдепѣ нѣсть спасенія, а у этихъ все еще къ нимъ „влеченье — родъ недуга“.

* * *

Городская дума. Она отнюдь не розовенькая. . . Наоборотъ. Мы побѣдили въ Одессѣ на городскихъ выборахъ въ

декабрѣ 1919 года. Казалось, это было невѣроятно. Въ Одессѣ побѣдить намъ — русскимъ... А вотъ побѣдили.

Выборы вели мои друзья, сгруппированные въ организацію, привыкшую къ дисциплинѣ. Побѣду дало изобрѣтенное ими въ высшей степени удачное названіе. Какъ все „геніальное“, это было въ высшей степени просто: „христіанскій блокъ“. Никакихъ программъ, никакихъ угрозъ и никакихъ обѣщаній. Но всѣ, кому нужно было, поняли другъ друга.

Однако „наша“ дума, какъ всякій совдепъ, не избѣжала общаго закона совдеповъ: она собирается дѣлать „скопомъ“ — дѣло, которое дѣлается только „въ одиночку“, т. е. защищать городъ.

Она тоже что-то „формируетъ“.

* * *

У генерала графа X. Крайне любезенъ. Онъ получилъ спеціальную задачу и имѣетъ свой штабъ. Онъ долженъ „объединить“ всѣ формированія. Для этого онъ разбилъ весь раіонъ Одессы на „секторы“. Каждый секторъ предполагается отдать примѣрно какому нибудь отряду, такъ сказать, „въ ленъ“. Но все таки не совсѣмъ такъ. Въ каждый секторъ будетъ посланъ полковникъ, безъ отряда. Потомъ придетъ отрядъ и поступитъ въ распоряженіе полковника.

— А что же будутъ дѣлать полковники, формирующіе отряды?

— Да, это надо уладить...

Уладить этого никакъ нельзя. Вѣдь если люди при этой агоніи еще идутъ въ какія то формированія, то они идутъ къ офицерамъ, которыхъ они знаютъ или авторитетъ которыхъ высокъ. Къ „какимъ то полковникамъ“ они не пойдутъ, ибо авторитетъ „погонъ“ потерянъ въ развалѣ отступленія — ищутъ людей. . .

Но генералъ графъ X. не понимаетъ, какую смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“ онъ устраиваетъ. Или „партизанщина“ — отрядоманія, или „все по уставу“. Но эта смѣсь митрополитовъ, редакторовъ, „атамановъ“ всякаго сорта и совдеповъ всякаго рода съ старорежимными генералами даетъ нѣчто несуразное. . .

Да и вообще. . .

Нѣтъ, общій сумбуръ не уменьшится отъ того, что изобрѣли новый штабъ генерала графа X.

* * *

Куда еще?

Да вотъ еще есть отрядъ инженера Кирсты. Это рабочіе, которыхъ онъ вывелъ изъ Кіева. Ихъ называютъ „кирстовцы“, аще „крестовцы“. . . Въ Кіевѣ они назывались рабоче-офицерская рота.

Утвержденіе есть — кіевское. . . Денегъ конечно нѣтъ. Ни кіевскихъ, ни одесскихъ... Отрядъ, если не ошибаюсь, сидитъ безвыѣздно въ какомъ то этажѣ какого то зданія . . . за „босостью“.

Вхожу съ ними въ контактъ.

* * *

Есть еще атаманъ Струкъ — „малороссійскій отрядъ“. Онъ бывалъ у меня въ Кіевѣ. Тутъ онъ тоже что то формируетъ. И, говорятъ, у него много народу.

Разрѣшеніе — кіевское. Деньги?

Денегъ нѣтъ, но, очевидно онъ имъ что то обѣщаетъ. Но что? . . .

* * *

Довольно. Пойду къ себѣ въ „свой“ отрядъ.

* * *

„Отрядъ особаго назначенія“ былъ попыткой создать кадръ „просвѣщенныхъ исполнителей“ хотя бы для одного уѣзда.

Разумѣется, теперь ясно, что это былъ кустарный диллетантизмъ, kinder-spiel, покушеніе съ негодными средствами. . . какъ и вся одесская „отрядоманія“, впрочемъ. Однако, нельзя не сказать, что это обычный путь человѣческой мысли: когда теряютъ надежду спасти цѣлое, пытаются начинать съ атомовъ. . .

Мой „атомъ“ формировался почти исключительно изъ ейся молодежи. Денегъ мы пока не получали, — содер-

жали отрядъ всяческими ухищреніями, „утвержденіе“ самого отряда безконечно тормозилось въ разныхъ штабахъ. И то, и другое было получено наканунѣ занятія Одессы большевиками.

* * *

Я вошелъ въ гимнастическій залъ.

— Смирно! Равненіе налѣво! Господа офицеры!

Это командовалъ полковникъ А., „назначенный“ начальникомъ отряда.

Кѣмъ онъ назначенъ? Пока никѣмъ. Мною. А я кто такой?

Да, вотъ тутъ то и начинается „часть неофиціальная“.

Передо мной, вытянувшись, какъ полагается, замерла горсточка. Мой „атомъ“. Это были почти сплошь гимназисты. Имъ нелѣпо было сказать „здорово ребята, молодцы, орлы“ или что нибудь подобное. Я сказалъ имъ:

— Здравствуйте, господа.

— Здравія желаемъ. . .

И смѣшались. Одни сказали „господинъ подпоручикъ“, другіе „господинъ полковникъ“, третьи „ваше превосходительство“. . .

Такъ и должно было быть. Кто же я былъ въ самомъ дѣлѣ?

Если бы они были искренни, они бы отвѣтили:

— Здравія желаемъ, господинъ редакторъ Кіевлянина.

Но этого конечно, нельзя отвѣтить. Почему? Да потому, что „редакторы“ не формируютъ отрядовъ. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ все обстоитъ благополучно. И если произошелъ такой случай, что не только редакторъ, но и митрополитъ дѣлаются „начальниками отрядовъ“, то значитъ все пошло шиворотъ на выворотъ. . .

Такъ оно, конечно, и было.

Но le vin est tiré, il faut le boire.

Исходъ.

Дѣло становилось окончательно яснымъ: Одессу сдадутъ. Я, кстати, заболѣлъ, и лежа въ постели, подписывалъ безконечное количество „удостовѣреній“ на англійскіе пароходы.

На этихъ удостовѣреніяхъ англійскія власти ставили визу, и это служило пропускомъ на пароходъ. Но приходилось выдерживать характеръ. Добивались удостовѣреній и тѣ, кому по моимъ понятіямъ надо было бы сѣсть на пароходы „послѣдними", т. е. совсѣмъ не садиться, ибо на всѣхъ мѣста хватить не могло...

Итакъ все строилось на „драпъ". Въ ушахъ у меня все время звучала фраза изъ модернизированаго романса, которая стала съ нѣкотораго времени канонической.

— Das war ein Drap...

Впрочемъ это вѣроятно было потому, что у меня начинался легкій жаръ.

* * *

Въ городѣ шла эвакуаціонная лихорадка.

Ко мнѣ постоянно забѣгали разные люди со всякими сенсаціями. Большевики тамъ, большевики здѣсь... Такой то генералъ уже сѣлъ на пароходъ. Такой то штабъ укладывается и такая то дама сунула имъ столько то чемодановъ со столькими то платьями.

Генералъ Шиллингъ еще былъ на берегу. Онъ будто бы сердится, когда ему говорятъ о эвакуаціи и обѣщаетъ еще держаться десять дней, но между прочимъ, уложено все до послѣдняго ящика.

* * *

Итакъ, я подписывалъ удостовѣренія. Для моего развлеченія, очевидно, прибѣжалъ кто то „въ паническомъ" и сообщилъ, что „отоманъ" Струкъ сегодня ночью собирается меня арестовать. Это былъ конечно вздоръ, но на всякій случай я написалъ Струку письмо, въ которомъ я предупреждалъ его, что къ нему вѣроятно прибѣгутъ сообщить, что я собираюсь его убить, такъ чтобы онъ не пугался. Однако я чувствовалъ, по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, что нѣчто украинообразное выскочитъ въ послѣднюю минуту. Среди „кофейнаго" офицерства внезапно наступило успоко-

еніе: они вдругъ возложили всѣ свои надежды на какого то генерала Сокиро-Яхонтова, выплывавшаго „изъ за острова на стряжень".

Это было совсѣмъ нелѣпо, но...

Впрочемъ объ этомъ дальше.

Съ каждымъ часомъ атмосфера уплотнялась. Положительно всѣмъ, кто хотѣлъ попасть на пароходы, надо было укладываться.

Самая грустная вещь въ этихъ эвакуаціяхъ это кажется та минута, когда приходится рѣшать, что спасти изъ... „архивовъ".

Въ Кіевѣ мнѣ пришлось сжечь интереснѣйшія вещи. Но многое я вывезъ. Для чего? Для того, чтобы утопить въ Одесской водѣ то, что не сжегъ въ Кіевскомъ огнѣ.

Въ общемъ отъ всего, что было написано или записано въ теченіе всей жизни, не осталось ни строчки...

*
* *

24 января, вечеромъ, я рѣшилъ, что довольно болѣть. Ясно было, что каждую минуту можно было ожидать „перемѣны обстановки".

Надо было переходить на „военное положеніе", т. е. итти въ „отрядъ".

Я одѣлся. Мы вышли. На улицахъ было „соотвѣтственно". Обозы, часть артиллеріи — вошли въ городъ. Напротивъ моей квартиры происходила какая то каша изъ англичанъ и „Союза Возрожденія". На Екатерининской площади выростали горы чемодановъ и ящиковъ, среди которыхъ сновали автомобили. На Дерибасовской былъ кой какой свѣтъ. Сновали люди. Въ полутемнотѣ была жуть, но городъ еще жилъ. Вдругъ неожиданно и тяжело по улицамъ прошелся звукъ очень большого орудія, очевидно съ англійскаго дреднаута. Это должно было обозначать, что большевики заняли такой то „квадратъ", доступный обстрѣлу съ моря. И сразу все измѣнилось. Всѣ огни

потухли. Толпа куда то смылась, и только мальчишка на углу, который передъ этимъ продавалъ папиросы за сто рублей коробка, сталъ требовать триста.

* * *

Образовалась плотная темнота, которую отъ времени до времени буравили выстрѣлы винтовокъ, гдѣ и по комъ, впрочемъ, неизвѣстно. Темнота эта была совершенно пустынная, улицы вымерли.

* * *

Но въ эту ночь мнѣ еще пришлось вернуться къ „источнику освѣдомленія". Въ это время командованіе уже перешло въ руки полковника Стесселя, „начальника обороны города Одессы". Его штабъ былъ въ англійскомъ клубѣ. Я пробрался туда черезъ зловѣще-пустынный городъ. Тяжелыя англійскія орудія еще два или три раза всколыхнули темноту, такую густую, какъ повидло. Въ клубѣ масса народу, — толпа. Очевидно сюда жмутся. Свѣтятъ какіе то жалкіе огарки. Мрачно. Въ этой мрачности непрерывно снуютъ, входятъ и выходятъ, и чувствуется, что происходитъ какая то пертурбація. Какіе то украинскіе офицеры пріѣзжали и уѣзжали въ автомобилѣ. Раза два раздалась „балакающая" „мова". Конечно, это было такъ, а не иначе: происходила сдача командованія „господину нашему" генералу Сокирѣ-Яхонтову.

Зачѣмъ генералъ Шиллингъ, сѣвъ на пароходъ, передалъ командованіе неизвѣстно откуда взявшемуся и неимѣвшему никакихъ силъ (триста галичанъ, да и то лежащихъ въ госпиталяхъ) и явно внушавшему всѣмъ недовѣріе генералу Сокирѣ-Яхонтову, — это секретъ изобрѣтателя. Однако это было продѣлано. Полковникъ Стессель получилъ отъ генерала Шиллинга письмо съ приказаніемъ подчиниться украинскому спасителю.

Эта передача власти несомнѣнно ускорила сдачу Одессы дня на два, ибо кто то сталъ надѣяться на кого то и даже тѣ немногіе, что могли что нибудь сдѣлать, были сбиты съ толку.

Узнавъ, что „такое то отношеніе", т. е. что генералъ Шиллингъ украинизировалъ насъ съ парохода, я отправился

обратно въ свой отрядъ со смутной мыслью распустить его по домамъ. Ибо если можно еще донъ-кихотствовать подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, то подъ „жовто-блакитнымъ"... покорнѣйше благодарю... „Довольно колбасы", какъ говорили въ такихъ случаяхъ на доброармейскомъ жаргонѣ.

* * *

Но распустить отрядъ не пришлось. Событія пошли такимъ темпомъ, что пришлось не распускаться, а наоборотъ, „всимъ збираться до купы"...

* * *

Рано утромъ 25 января я былъ въ порту. Въ порту въ это время было еще сравнительно прилично. Правда, люди бѣгали по всѣмъ направленіямъ, усаживаясь на всякія суда, но особыхъ инцидентовъ не происходило. Поддерживали порядокъ юнкера. Имъ было обѣщано, что ихъ возьмутъ на пароходъ послѣ окончанія погрузки. Было чуть морозно, но ярко свѣтило солнце.

Я пришелъ на нашу „собственную" баржу. Тутъ мнѣ стало жутко. Баржу долженъ былъ тащить нашъ „собственный" пароходъ. И пароходикъ, и баржа внушали невольную мысль, что они никакъ не выйдутъ въ море, а если выйдутъ — погибнутъ. А между тѣмъ все было уже биткомъ набито народомъ. Среди нихъ у меня было столько близкихъ и друзей. Я никакъ не могъ рѣшить, прощаясь съ ними, кто подвергается большей опасности. Они провожали меня слезами, считая, что я „обрекаюсь" на вѣрную гибель, оставаясь на сушѣ, а я, конечно, не сказалъ имъ, что думаю то же о нихъ, „плавающихъ, путешествующихъ"... Ужасны эти разлуки при такой обстановкѣ...

На обратномъ пути изъ порта я имѣлъ благоразуміе зайти въ штабъ Стесселя. Не знаю, какова была бы судьба всѣхъ насъ, собравшихся въ „мой" отрядъ, если бъ я этого не сдѣлалъ. Начальникъ штаба, полковникъ Мамонтовъ, далъ мнѣ приказаніе немедленно привести отрядъ къ штабу, ибо какъ онъ выразился, „надо сжаться въ кулакъ".

— Неужели городъ очищается? А Сокиро-Яхонтовъ?

Мамонтовъ махнулъ рукой.

— Принялъ командованіе ночью, а утромъ прислалъ сказать, что снялъ съ себя командованіе. „Кончилось счастье"..

— Ну, а районные коменданты? Есть же что нибудь?

Онъ посмотрѣлъ на меня выразительно.

— Отжимайтесь къ штабу. И немедленно...

* * *

Къ своему удовольствію я засталъ отрядъ весьма готовымъ къ выступленію. Большевики были гдѣ то неподалеку. На сосѣднихъ улицахъ что то уже происходило. Что именно, въ то время узнать нельзя было.

Мы вышли. „Отрядъ особаго назначенія", выведенный на улицу, представлялъ изъ себя приблизительно слѣдующее.

Первая рота: человѣкъ тридцать офицеровъ самаго разнообразнаго происхожденія. Нѣсколько изъ нихъ, испытанныхъ друзей, другіе — прибѣжавшіе въ послѣднюю минуту, не зная, куда дѣться.

Вторая рота: около пятидесяти человѣкъ молодежи, преимущественно гимназистовъ.

Сверхъ того около десяти дамъ, нѣсколько мужчинъ штатскаго вида, способныхъ и неспособныхъ носить винтовку, двѣнадцатилѣтняя Оля и четырнадцатилѣтній Димка, мой младшій сынъ.

Хозяйственная часть: одна подвода неизвѣстнаго происхожденія, но переполненная вещами.

Мы шли по городу. Пулеметы трещали на сосѣднихъ улицахъ, но пока мы двигались благополучно. Кто съ кѣмъ тамъ дерется, никакъ нельзя было сообразить. По тротуарамъ бѣжали люди съ чемоданчиками и узелками. Очевидно, въ портъ.

„Нормальной", обычной публики не было.

Безъ особыхъ приключеній мы дошли до Англійскаго Клуба — на углу Пушкинской и Ланжероновской. Тутъ мы увидѣли „главныя силы".

Полковникъ Стессель со своимъ штабомъ стоялъ уже на улицѣ. За штабомъ находились какія то части въ такомъ количествѣ, что прибытіе нашего отряда, въ которомъ не было ста человѣкъ, оказало замѣтное вліяніе.

Итакъ это было все. Я понялъ, что мы подошли послѣдними. Въ критическую минуту отъ двадцати пяти тысячной „кофейной арміи", которая толклась по всѣмъ „притонамъ" города, и отъ всѣхъ частей вновь сформированныхъ и старыхъ, прибившихся въ Одессу, — въ распоряженіи полковника Стесселя, „начальника обороны", оказалось человѣкъ триста, считая съ нами.

* * *

Трескотня усиливалась. Стессель приказалъ сдѣлать развѣдку, по Ришельевской и Пушкинской. Я пошелъ съ нѣсколькими офицерами и молодежью по Пушкинской. Развернулись въ цѣпь. Мальчики нѣсколько путали, но держались смѣло. Съ Дерибасовской стали долетать пули. Тутъ поднялся крикъ:

— Изъ оконъ стрѣляютъ!

Я приказалъ имъ укрыться и сталъ присматриваться.

У оконъ дѣйствительно появлялись какіе то дымки — въ верхнихъ этажахъ. Я началъ соображать: почему дымки при бездымномъ порохѣ? И почему дымки тамъ, гдѣ окна закрыты? И скоро понялъ, въ чемъ дѣло.

Эти дымки производили пули, ударявшіяся о штукатурку. По Дерибасовской изъ за горки кто то палилъ. Попадая въ дома подъ острыми углами, пули рикошетировали, рождая эти желто-сѣрые дымочки изъ пыли известковаго камня. Ларчикъ открывался просто, а межъ тѣмъ, сколько разъ въ гражданской войнѣ оба противника обвиняли мирное населеніе въ стрѣльбѣ изъ оконъ. Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, бывало, но по большей части это были, вѣроятно, только „штукатурные" дымки.

Мы не успѣли „вступить въ бой", какъ пришло приказаніе оттянуться.

Вернувшись къ Ланжероновскому спуску, мы увидѣли, что уже никого нѣтъ.

„Главныя силы“ отступили въ портъ.

На что собственно расчитывали, мы хорошенечко не знали: должно быть на посадку на пароходы. Словомъ мы отошли, вмѣстѣ съ прочими.

* * *

Въ порту была каша. Куда то тянулись части, повозки, отдѣльные люди, публика въ нелѣпой смѣси

„именъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состоянiй“.

Гдѣ то кого то куда то почему то не пускали юнкера. Потомъ пустили.

Въ общемъ мы очутились на томъ молу, который ведетъ къ маяку. Другими словами больше дѣваться было некуда: съ трехъ сторонъ вода, съ четвертой мятущаяся каша людей, повозокъ, лошадей, орудiй, броневиковъ, автомобилей.

Мы расположились чего то ждать около каменныхъ сараевъ. Такъ выжидательно безсмысленно продолжалось нѣкоторое время. Очевидно столько времени, сколько большевикамъ понадобилось, чтобы установить пулеметы въ Александровскомъ паркѣ и вообще на высотахъ, окружающихъ портъ. Мы поняли, что это сдѣлано, когда они стали обстрѣливать насъ. Люди бросились за каменные сараи. Какой то броневикъ поднялъ трескотню съ нашей стороны. Эта наша трескотня была въ высшей степени непрiятна: сознаюсь, мои нервы не созданы для такого шума. Большевики стрѣляли плохо. Они могли бы, выражаясь по старозавѣтному, „залить насъ свинцомъ“, но въ общемъ ранили нѣсколько человѣкъ. Однако этого было совершенно достаточно, чтобы всѣ пароходы „драпанули въ два счета“ въ море.

Въ это время среди горсточки людей, дошедшихъ до послѣдняго предѣла и жавшихся къ каменнымъ сараямъ на молу, родилось наконецъ то, чего столько времени ожидали — инстинктъ сопротивленiя.

Вдругъ вырвались какiе то люди, насколько помню, это были даже не офицеры, а солдаты-драгуны. Они, неистово жестикулируя, стали кричать, яростно кого то упрекая:

—Ну что же, господа! Еще долго такъ будете? Куда еще? Море кругомъ! Дальше не пойдете, нѣтъ! Такъ что, вотъ такъ и пропадемъ? Пойдемъ, трамъ тарарамъ, выбьемъ ихъ, трамъ тарарамъ, съ ихъ пулеметами къ трамъ тарарамной матери! . . . Идемъ!!

Хотя эта рѣчь была обращена къ толпѣ, почти наполовину состоявшей изъ женщинъ, дѣтей и никчемниковъ, однако она произвела впечатлѣніе. Была подана мысль — пробиться. Былъ найденъ исходъ. Первоначально ругнулись по обычаю жестоко другъ съ другомъ. Помню, я ругалъ какого то офицера, чтобы онъ не разстраивалъ частей, и чтобы дѣйствовали по какому нибудь плану... Но все же эта вспышка энергіи произвела желаемое дѣйствіе, и штабъ зашевелился. Получено было приказаніе нашему „отряду особаго назначенія“ выгнать всѣхъ, способныхъ носить оружіе, изъ подъ сараевъ для атаки высотъ.

Я пошелъ „выгонять“. Это было дѣло скучное и противное. Приходилось торговаться и спорить съ офицерами всякихъ чиновъ, утверждавшими, что они „больны“ или что нибудь въ этомъ родѣ.

* * *

Скоро мнѣ надоѣли эти обязанности „особаго назначенія“, и вмѣстѣ съ тѣми, кого удалось вытащить, я двинулся по молу по направленію высотъ.

По дорогѣ къ намъ присоединялись еще какіе то люди, а во главѣ всѣхъ очутился полковникъ Мамонтовъ. Онъ неистово кого то ругалъ и показывалъ кулакъ Одессѣ. Удивительно, что это не было смѣшно, а, наоборотъ, производило впечатлѣніе чего то подбадривающаго.

Большевистскіе пулеметы въ это время замолчали, точно испугались того рѣшительнаго вида, съ которымъ наша горсточка быстро двигалась по молу. На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Драгуны, побѣжавшіе раньше насъ, уже были на высотахъ, — большевики отступили еще передъ ними. Но тамъ что то еще происходило, потому что навстрѣчу намъ

бѣжали люди, которые неистово насъ торопили, требуя помощи. Мы пустились бѣгомъ, и стали подниматься по какой то лѣстницѣ. Я помню, что у меня была только одна мысль — не задохнуться къ концу ступеней...

Наверху въ паркѣ среди его рѣдкихъ деревьевъ двигались какія то цѣпи, повидимому безъ всякаго руководства. Я со своей горсточкой взялъ почему то вправо, но могъ съ тѣмъ же успѣхомъ взять и влѣво. Мы прошли паркъ, причемъ насъ все время увѣряли, что большевики „идутъ“, но увидѣть ихъ я никакъ не могъ. Такимъ образомъ мы вышли на Маразліевскую съ ея большими домами и шикарными подъѣздами. Изъ какой то поперечной улицы будто бы стрѣляли. По крайней мѣрѣ на углу столпилась горсточка нащихъ и не рѣшалась перейти улицу. Кто то упорно утверждалъ, что „они“ засѣли въ такихъ то окнахъ и оттуда палятъ. Это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Основное правило — не вѣрить очевидцамъ въ бою, ибо людямъ мерещится Богъ знаетъ что. На самомъ дѣлѣ никого въ переулкѣ не оказалось, и когда это стало яснымъ, всѣ двинулись гурьбою за нами. Однако еще черезъ поворотъ, наконецъ, мы „вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ“. Оттуда дѣйствительно пострѣливали. Въ это время около меня образовалась горсточка людей, которые почти всѣ были мнѣ незнакомы, но почему то исполняли мои приказанія. Я поставилъ одного изъ нихъ на самомъ углу, а остальныхъ спряталъ вдоль стѣнки. Этому одному передавали заряженныя винтовки, а онъ открылъ пальбу. Съ колѣна, спокойно, на мушку. Это возымѣло дѣйствіе. Какія то черныя фигуры, которыя копошились черезъ нѣсколько кварталовъ, побѣжали и исчезли въ боковыхъ улицахъ. Мы двинулись дальше гуськомъ, подъ стѣнами. Доходя до угловъ, осматривались вправо и влѣво и двигались дальше. Нѣсколько труповъ оказалось на тротуарахъ...

Прошли еще нѣсколько улицъ. Пострѣляли еще. Меня начало брать сомнѣніе, не стрѣляемъ ли мы въ прохожихъ. За газетнымъ тамбуриномъ, черезъ два квартала, ютилась кучка людей. Я начиналъ думать, что это не большевики, а случайные прохожіе, которыхъ зажали — ни туда, ни сюда. Я приказалъ прекратить пальбу. Но какой то пришедшій въ

азартъ продолжалъ разстрѣливать тамбуринъ. Взглянувъ ему въ лицо, я увидѣлъ, что это „восточный человѣкъ". Я снова приказалъ ему перестать. Онъ не послушался; черномаслинные восточные глазки горѣли неистово; онъ былъ въ трансѣ. Я вынулъ револьверъ. Это привело его въ чувство; онъ заявилъ мнѣ, что онъ офицеръ, адъютантъ такого то полковника, но сталъ слушаться.

Впередъ больше не приходилось итти. Мы потеряли связь со штабомъ, планы котораго были мнѣ совершенно неизвѣстны. Но въ общемъ я думалъ, что взять весь городъ не входитъ въ нашу задачу, а достаточно освободить портъ отъ обстрѣла. Кромѣ того насъ могли обойти. Мы стали отходить. По дорогѣ поймали какого то мальчишку лѣтъ двадцати, который сказалъ, что онъ „не жидъ", но на требованіе „восточнаго человѣка" „перекреститься" — перекрестился неправильно. И я опять долженъ былъ употребить угрозу, чтобы этого еврейчика отпустили, ибо восточный адъютантъ былъ совершенно убѣжденъ, что это большевикъ, только что бросившій винтовку, тогда какъ для меня было совершенно ясно, что это вздоръ.

На Маразліевской мы встрѣтили еще другія группки. Всѣмъ страшно хотѣлось пить. Какія то дамы поили насъ водой, но съ большой опаской, боясь мести большевиковъ.

* * *

Пришло приказаніе оттянуться на гребень Александровскаго парка и держать его. Мы отошли, занявъ позицію неподалеку отъ Александровской колонны.

Я вышелъ посмотрѣть, что дѣлается въ паркѣ. Сверху все было видно. Всѣ пароходы ушли изъ порта. На молахъ копошились люди и обозы. Какъ никакъ, мы чувствовали себя побѣдителями, ибо заняли вершину и защитили портъ, гдѣ у каждаго изъ насъ были близкіе и родные.

Ужасно хотѣлось ѣсть. И вдругъ, какъ бываетъ въ сказкахъ, появились добрыя феи. Это были три молоденькихъ барышни мѣщаночки, путешествовавшія по гребню съ огромнымъ чайникомъ и съ бѣлымъ хлѣбомъ. Мы сначала даже

не поняли, что онѣ вышли спеціально кормить насъ. Но это было такъ. Я сказалъ имъ:

— Вы очень рискуете.

На что онѣ отвѣтили:

— Умирать одинъ разъ... И ничего намъ не будетъ...

Этотъ чай былъ замѣчательно вкуснымъ. Уже не въ первый разъ я сдѣлалъ наблюденіе, что средній слой гораздо болѣе отзывчивъ и смѣлѣе, чѣмъ высшій. То то большевики и боятся больше „мелкихъ буржуевъ“, чѣмъ крупныхъ.

Такъ въ общемъ дѣло дотянулось до вечера. Я очень безпокоился, что нигдѣ не вижу своихъ сыновей. Становилось холодно. Мы тщетно разводили какіе то костры, проявляя при этомъ обычную интеллигентскую никчемность.

Черезъ долгое томительное время пришло сообщеніе изъ штаба, что если до десяти часовъ вечера насъ не заберутъ на пароходы, мы выйдемъ изъ города въ направленіи на Румынію. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣсгно, что полковнику Стесселю лично было неоднократно предложено сѣсть на пароходъ, на что онъ отвѣтилъ:

— Что вы меня подлецомъ считаете...

Это произвело хорошее впечатлѣніе.

До десяти часовъ еще было время, почему я рѣшилъ обойти портъ. Меня безпокоила баржа, гдѣ было столько моихъ друзей. Я зналъ, что она отойти не могла и думалъ вытащить ихъ и взять въ отрядъ. Въ темнотѣ мы долго бродили по моламъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ было темно и пусто, мы услышали какіе то стоны.

— Кто это?

— Помогите . . . Замерзаемъ . . .

— Кто вы?

— Мы жены офицеровъ. Я еще ничего... Мама совсѣмъ замерзла . . .

Это были двѣ женщины. Онѣ лежали у стѣнки, на молу.

— Помогите... Насъ бросили...

Мы съ трудомъ подняли ихъ и повели. Куда — мы сами не знали хорошенько. На счастье мы натолкнулись на какую то большую толпу, которая въ темнотѣ рвалась къ какому то только что пришвартовавшемуся судну. Я понялъ,

что это одно „спеціальное“ судно, о которомъ я уже что то слышалъ. Покрывая крики и шумъ, съ судна неистово вопилъ голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ:

— Поручикъ Б.! Поручикъ Б.!

Я понялъ. Это была компанія. . . словомъ, теплая компанія. . . Та самая, что „угробила“ полковника Кирпичникова. . . Они и здѣсь проявили свои качества, захвативъ судно въ свое распоряженіе. Но на этотъ разъ, — fiat justitia — они дѣлали благое дѣло: принимали на бортъ, кромѣ своей „шпаны“, — женщинъ, больныхъ и раненыхъ. Англійскіе солдаты составили цѣпь и пропускали по указанію. Но въ общемъ былъ кавардакъ. Толпа напирала и жаловалась на всѣ голоса въ темнотѣ. Намъ удалось протиснуть замерзшихъ женщинъ. Тутъ же мы увидѣли нѣсколько человѣкъ близкихъ друзей, офицеровъ, шатающихся послѣ всякихъ тифовъ и воспаленій. Они тоже пробивались на пароходъ. Ужасно было оставить ихъ такими безпомощными и слабыми, но немыслимо взять ихъ въ походъ. Мы простились тяжело. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ въ послѣдній разъ. Не выдержали дальнѣйшаго.

Баржи я не нашелъ.

* * *

Около десяти часовъ мы тронулись. Нашъ „отрядъ особаго назначенія“ вошелъ въ колонну полковника Стесселя. Не пойму хорошенько, откуда и какъ, образовался колоссальный обозъ. Тутъ была и артиллерія, и броневики, и автомобили, и невѣроятное количество повозокъ. Все это сначала никакъ не могло найти своего мѣста, шло не по той дорогѣ, поворачивало обратно, причемъ автомобили неистово рычали, слѣпили глаза, повозки приходили въ безпорядокъ; словомъ, происходилъ обычный въ этихъ случаяхъ кавардакъ. . . Я не могу сказать, чтобы настроеніе было жуткое или подавленное. Наоборотъ, какъ будто былъ найденъ какой то исходъ. Въ воздухѣ было морозно, но мягко. Меня лично очень безпокоила мысль о семьѣ, которую я нигдѣ не находилъ.

Мы стали подниматься безконечнымъ обозомъ по Военному Спуску. Около моста я вдругъ увидѣлъ характерную

фигуру старшаго сына Ляли (имя не очень подходящее для „юнкера флота" восемнадцати лѣтъ, но что же я подѣлаю, если его такъ всѣ называютъ „отъ вѣка"). Онъ стоялъ съ винтовкой въ своей знаменитой папахѣ „халды-балды", которая придавала ему видъ османлиса. Оказалось, что онъ сторожитъ меня. Тутъ же оказались и остальные: другой сынъ, жена, племянникъ Филя Могилевскій. Всѣ были въ бою, всѣ были живы, что и требовалось. Они были въ какой то вновь образовавшейся ротѣ полковника N. N. Рота стояла тутъ же, у парапета. Они мнѣ разсказали все какъ было.

— Страшно интересно. . . Полковникъ, правда, симпатичнѣйшій человѣкъ . . .

Ляля моментально производитъ людей въ „симпатичнѣйшіе" и въ свои „личные друзья" — счастливое свойство молодости. Димка, младшій, болѣе замкнутый и питается переживаніями старшаго. Въ общемъ первый бой, въ которомъ онъ участвовалъ, произвелъ на него самое лучшее впечатлѣніе. Жена разсказываетъ о томъ, какъ перевязывала какого то большевика въ какой то чайной. Филя дошелъ до самаго собора. Странно видѣть его сугубо-штатскую фигуру съ винтовкой. Онъ какъ то мало понимаетъ, что съ нимъ происходило, какой то разсѣянный. Пуля оцарапала ему руку.

Пошли.

Повидимому большевики были основательно отжаты. Наше отступленіе рѣшительно никѣмъ не было потревожено. Нашъ отрядъ шелъ въ арьергардѣ, послѣднимъ. Въ арьергардѣ отряда шли мы вдвоемъ съ Лялей.

Было совершенно тихо. Улицы были абсолютно пусты, но и не очень темны. Кое гдѣ что то горѣло — не то фонари, не то окна. Мы двигались шаговъ на сто позади колонны, въ качествѣ дозора. Все было мирно. Единственнымъ происшествіемъ была кѣмъ то брошенная повозка. Въ ней мѣшокъ сахара рафинада. Это было страшно пріятно. Удивительно, какъ сахаръ поддерживаетъ расположеніе духа. Ляля набилъ полные карманы, перемѣшавъ его съ патронами, которыми онъ всегда нагруженъ. Онъ держался молодцомъ, что меня удивляло, такъ какъ онъ былъ боленъ — температура поднялась. Обычный припадокъ маляріи, имѣющей обыкно-

веніе присасываться къ нему во всякихъ подходящихъ и неподходящихъ случаяхъ.

* * *

Постепенно колонна вытянулась за городъ, и пошли безконечные „Фонтаны“. Утомленіе цѣлаго дня, къ тому же безъ пищи, сказывалось. Но въ общемъ всѣ держались. Держались и дамы, которыхъ было много въ колоннѣ. Бодро двигалась маленькая Оля, напоминавшая Фрикетту изъ романовъ Буссенара. На какой то „станціи“, подъ какимъ то заборомъ, Ляля свалился. Я положилъ его какъ можно ниже головой, и обморокъ прошелъ. Боясь, что причитанія матери его разслабятъ, я взялъ его подъ руку, и онъ пошелъ бодро. Къ счастью мы натолкнулись на какое то учрежденіе, — какая то больница, — гдѣ несмотря на поздній часъ (два или три часа ночи) почему то давали чай. Комната набилась народомъ. Откровенно говоря, это было пріятно. Сестры очень заботились, чтобъ не стащили кружекъ, что, повидимому, было въ модѣ. Тутъ было тепло, силы возстановились.

Когда мы вышли, мы вдругъ замѣтили, какъ стало холодно, и что снѣгъ уже запорошилъ дорогу. Пошли. Шли до разсвѣта. Шли часть слѣдующаго дня. Пришли въ какую то нѣмецкую колонію, гдѣ назначенъ былъ отдыхъ. Размѣстились въ школѣ. Отдыхали на партахъ, закусывали хлѣбомъ и саломъ. Приходили какіе то нѣмцы-колонисты, что то обѣщали, о чемъ то совѣщались, но ничего не сдѣлали. Въ три часа вышли опять.

Спускаясь съ пригорка, почему то пришли въ хорошее расположеніе духа. Запѣли.

„Взвейтесь соколы орлами . . .“

Удивительно, какъ эти пѣсни дѣйствуютъ. Физіологическое дѣйствіе музыки требуетъ болѣе вдумчиваго и тщательнаго изученія. Повеселѣли, и кстати, ибо итти было трудно. Въ особенности трудно было дамамъ съ ихъ неприспособленной обувью.

Къ ночи пришли въ колонію, гдѣ было недурно. Долго выбирали свободную хату, гдѣ бы не было тифа. Поѣли и крѣпко заснули.

На слѣдующій день съ утра походъ возобновился. Въ слѣдующемъ селѣ было нѣкоторое развлеченіе. Надъ нами разорвалось нѣсколько шрапнелей, и нашъ броневикъ „Россія“ открылъ отвѣтную стрѣльбу. Куда, и въ чемъ было дѣло, — кажется никто не зналъ. Въ всякомъ случаѣ мы пошли дальше. Къ вечеру добрались до какихъ то хуторовъ, гдѣ втиснулись въ какую то хатку обогрѣваться. Шли дальше. Черезъ нѣкоторое время на горизонтѣ очень красиво засверкали огни. Этотъ городъ казался совершенно сказочнымъ, такъ, какъ рисуютъ на картинкахъ. Мы думали, что это Овидіополь. Но когда ночью вошли наконецъ въ этотъ послѣдній, крайне замерзшіе и усталые, то сказочный городъ былъ все такъ же далеко, гдѣ то на краю земли. На самомъ дѣлѣ онъ былъ не на краю земли, а на краю воды, или вѣрнѣе льда, ибо это былъ Аккерманъ. Между нимъ и нами былъ замерзшій лиманъ девять верстъ шириной.

Какая мука искать квартиры глухой ночью, когда человѣкъ уже на предѣлѣ усталости и замерзанія! Но мы искали. Я разослалъ самыхъ энергичныхъ своихъ молодыхъ друзей въ разныя стороны. Долго ничего не удавалось, но наконецъ поручикъ Л. явился съ радостной вѣстью, что квартира найдена.

* * *

Удивительно, какъ люди нелѣпо эгоистичны. Въ хаткѣ было трое. Они заявили, что никого не могутъ впустить, потому что ихъ собственно не трое, а пятнадцать. На это изведенный поручикъ Л. сказалъ:

— Я подожду полчаса здѣсь. И если тѣ двѣнадцать не прійдутъ, то я васъ разстрѣляю...

Это фантастическое заявленіе имѣло то слѣдствіе, что и эти трое куда то скрылись. Разумѣется, никакихъ двѣнадцати не оказалось.

О, родъ людской...

* * *

Льду почти столько, сколько хватаетъ глазъ. Почти — потому, что на той сторонѣ замерзшаго лимана виденъ городъ. Это Аккерманъ.

По этому льду въ одну колонну движется безконечный обозъ. Туда, къ Аккерману, къ городу спасенія, румынскому городу Аккерману, куда не прійдутъ большевики. Безконечный обозъ движется въ порядкѣ. Задолго до назначеннаго времени выступили всѣ части, проявивъ рѣдкую аккуратность.

Теперь они идутъ осторожно, соблюдая дистанцію, чтобы не провалился ледъ, почти торжественно. Идутъ съ бѣлыми флагами, которые несутъ какъ знамена.

Печальныя знамена... Здѣсь на льду — часть одесской отрядоманіи, — то, что отъ нея осталось. Главнаго отряда, который долженъ былъ быть полкомъ, того отряда, гдѣ неистово пахло спиртомъ, „подъ чьимъ то высокимъ покровительствомъ", — этого нѣтъ. Онъ „не состоялся". Нѣтъ и „Священнаго отряда" митрополита Платона. Не видно никакихъ слѣдовъ нѣмецкихъ колонистовъ. Ни Кирсты, ни Струка.

Зато торжественно выступаетъ „Союзъ Возрожденія Россіи", тутъ же и осважное начинаніе, и отрядъ ех-редактора „Кіевлянина", и другіе. Кромѣ того какія то отдѣльныя части, прибывшія сюда, артиллерійскіе парки и дивизіоны, безъ пушекъ, но съ подводами съ сахаромъ, учрежденія, уѣздная полиція, и еще разныя. Затѣмъ просто гражданскіе бѣженцы. Но главнымъ образомъ ничѣмъ не объяснимыя подводы . . . Подводы очевидно обладаютъ свойствомъ саморазмноженія. Голова обоза уже прошла пять верстъ, а хвостъ еще на берегу.

Я смотрю на этотъ почти величественный „исходъ", и въ ушахъ у меня неотвязно звучитъ знакомая фраза:

— Das war ein Drap . . .

Стесселіада.

Почему всѣ эти люди и повозки были убѣждены, что ихъ примутъ на той сторонѣ съ распростертыми объятіями? Потому, очевидно, что былъ отданъ точный и ясный приказъ выступить на ледъ въ восемь часовъ утра. Но несомнѣнно также и то, что на шестой верстѣ на льду стоялъ столикъ. У столика сидѣли румынскіе офицеры, за столикомъ стояли румынскіе солдаты. И совершенно достовѣрно, что этотъ сто-

ликъ приказалъ всѣмъ этимъ людямъ и повозкамъ возвращаться обратно. Румыны не пустили никого.

Впрочемъ нѣтъ. Пропустили „польскихъ подданныхъ“. Въ числѣ ихъ оказался комендантъ города Одессы, полковникъ Миглевскій, очень мило сѣменившій вдоль обоза въ весьма приличномъ штатскомъ платьи и съ изящнымъ чемоданчикомъ въ рукахъ.

Впереди всего шествія шли маленькіе кадеты. Они начинались съ десяти лѣтъ. Жалко было смотрѣть на эту дѣтвору, замерзавшую на льду.

И начался „Анабазисъ“. Великое отступленіе отъ Аккермана. Надо впрочемъ сказать, что это торжественное шествіе съ бѣлыми флагами имѣло въ себѣ нѣчто настолько унизительное, что обратный путь былъ какъ то веселѣе. Остатокъ гордости, впослѣдствіи вытравленной лишеніями, еще таился тогда въ нѣкоторыхъ сердцахъ.

* * *

Совершенно неинтересно, что на другой день было продѣлано то же самое и съ тѣмъ же результатомъ. Кажется, было еще холоднѣе на льду. Было меньше порядка и больше усталости.

* * *

У полковника Стесселя. Совѣщаніе командировъ частей. Полковникъ Стессель говоритъ:

— Во первыхъ, къ черту эти повозки... Съ ними пропадемъ.

— Совершенно правильно, господинъ полковникъ. Оставить только самое необходимое, — говоритъ одинъ изъ командировъ частей.

— Да вѣдь у насъ, господинъ полковникъ, ничего нѣтъ. Пусть и другіе бросятъ, — говоритъ другой.

— Всѣ бросимъ, — продолжаетъ Стессель. — Это во первыхъ. Во вторыхъ — переформироваться. Довольно балагана. Отряды называются . . . На самомъ дѣлѣ роты нѣтъ. Согласны, господа? Вотъ вы — первая рота, вы — вторая . . .

Всѣ согласны.

— Затѣмъ, вотъ мой планъ: пробиться. Разъ румыны не пускаютъ, надо пробиваться на сѣверъ, вѣрнѣе, на сѣверо-

западъ, вдоль Днѣстра . . . на соединеніе съ Бредовымъ, а если нѣтъ, — въ Польшу. Я увѣренъ, что если захотимъ, то пройдемъ. Вы согласны, господа?

Мы согласны.

Намъ даются сутки на приведеніе себя въ порядокъ, главнымъ образомъ на уничтоженіе подводъ.

Легче всего это было сдѣлать моему отряду. У насъ была одна подвода, которая несмотря на всѣ наши усилія не размножалась.

* * *

Разсвѣтъ. На пригоркѣ начальникъ штаба Мамонтовъ. Дѣлаетъ какъ бы смотръ въ томъ смыслѣ, сколько изничтожили подводъ.

Я остановился около Мамонтова.

Печально. Эти подводы безсмертны. На мой взглядъ число ихъ не уменьшилось, а увеличилось. Безконечной цѣпью они продвигаются въ полутемнотѣ. Ни конца имъ, ни края. Между ними рѣдко, рѣдко проходитъ часть. Жалкія горсточки. А за ними все то же.

Такъ было, такъ будетъ.

* * *

Солнце заходитъ. Шли цѣлый день. Въ общемъ благополучно. Откуда то издалека большевики обстрѣляли изъ трехдюймовыхъ, но обошлось безъ потерь.

Пора отдохнуть. Удивительно, какъ держатся всѣ эти женщины, дѣти, которыхъ много. Они не теряютъ даже хорошаго расположенія духа. А маленькая Оля даже совсѣмъ нарядна. Дѣтское лицо остается свѣжимъ среди осунувшихся взрослыхъ и веселитъ глазъ. Но страшно смотрѣть на ротмистра Ч. Онъ только что всталъ съ постели послѣ сыпного тифа. Идетъ, пошатываясь то вправо, то влѣво, но твердо держитъ свою кавалерійскую саблю. Глаза опущены, на изможденномъ лицѣ какая то внутренняя сосредоточенность, какъ будто бы онъ рѣшаетъ трудную задачу. Онъ идетъ напряженіемъ воли. Другой бы не смогъ итти.

* * *

Нѣмецкая колонія. Какія онѣ характерныя, тоску наводящія необычайной одинаковостью всѣхъ домовъ. Богатые дома, каменные, массивные, съ явнымъ отпечаткомъ вѣковой традиціи. Если бы наши крестьяне такъ жили. Но — Боже мой, — отчего отъ нихъ такая скука?

Вздоръ, сентиментализмъ. Остатки вѣковѣчной потребности „садочка, ставочка, вишеньки"...

„Ой казала мене маты, тай приказывала...
Шоб я хлопців до садочку не принаживала..."

Тутъ этого не услышишь.

* * *

Ночь. Опять идемъ. Темно. Впереди идетъ какой то автомобиль съ прожекторомъ, который часто останавливается, беретъ куда то вбокъ, что то ищетъ. Эти его похожденія въ темнотѣ, съ этимъ бродящимъ лучемъ, вызываютъ какое то жуткое чувство. Что ему надо? Чего онъ бродитъ? Когда онъ останавливается, — вся колонна останавливается. Усталость уже очень большая. Какъ только станутъ, люди ложатся тамъ, гдѣ стоятъ. Прямо на дорогу. Я помѣщаю нашихъ дамъ между двумя ротами, ставшими послѣ „переформированія", слава Богу, взводами. Если намъ трудно, то каково имъ. Но онѣ держатся. Ложатся на дорогу, какъ и мы, тотчасъ же засыпая. Я временами отыскиваю глазами бѣлый полушубокъ ротмистра Ч. Боюсь, что онъ не встанетъ.

Чудовище тамъ впереди заревѣло, поводило своимъ страшнымъ взглядомъ и пошло.

— Встать! Шагомъ маршъ...

И всѣ поднимаются. Мальчики, женщины, дѣти.

* * *

Каша. Обозы стоятъ. Образовалась какая то толпа. Она всего гуще у высокаго, тонкаго зданія, которое неяснымъ чернымъ пальцемъ торчитъ въ небѣ. Это водокачка, которая снабжаетъ водой Одессу.

Что такое происходитъ?

Пролѣзаю между перепутавшимися возами, переступая черезъ спящихъ вповалку людей. Я пробиваюсь къ митингу, что около башни.

Нѣтъ, это не митингъ, это толпа, окружающая и жадно прислушивающаяся къ „совѣщанію“ генераловъ и полковниковъ.

Прижавшись къ стѣнкѣ башни, при свѣтѣ какого то огарка, они разсматриваютъ карту.

Что произошло?

Прислушавшись, я понимаю слѣдующее. Впереди — деревня, гдѣ засѣли большевики. Надо ихъ выбить. Часть совѣщающихся за то, чтобы выбить. Но генералъ Васильевъ, командующій всей колонной, не рѣшается. Кто то возражаетъ, повидимому, послѣ чего генералъ Васильевъ впадаетъ въ обиду и хочетъ совершить отреченіе.

— Если я, быть можетъ, не умѣю руководить, или не угоденъ, то могу отказаться. И прошу выбрать вмѣсто меня начальника.

Его убѣждаютъ, что наоборотъ, онъ очень хорошъ.

Къ такому поучительному разговору жадно прислушивается окружающая толпа. Обычная картина. Уступательные книксены тамъ, гдѣ надо взять на себя отвѣтственность и приказывать. Наконецъ принимаютъ рѣшеніе.

Двигаться куда то безъ дорогъ, прямо черезъ поля, по компасу, чтобы обойти деревню.

Печальная мысль.

Расходятся. Обозы начинаютъ распутываться и устремляются двумя параллельными колоннами въ поля, покрытыя снѣгомъ.

* * *

Разсвѣтъ. Привалъ. Ясно, что мы сбились съ направленія. Какіе то обѣщанные хутора, которые должны были быть недалеко отъ башни, словно заколдованные. Шли всю ночь, — никуда не пришли. Безконечная бѣлая степь. Всѣ изнемогли.

Наша семья собралась вмѣстѣ. Лежимъ на снѣгѣ. Насъ тутъ восемь человѣкъ родственниковъ. Сильно устали. Мучаетъ жажда, кромѣ голода. Въ видѣ лакомства преподносятъ другъ

другу кусочки чистаго снѣга. Лица очень осунулись. У Ляли начинаютъ становиться глаза страдающей газели. У него опять припадокъ маляріи, хотя его и пичкаютъ хиной. Но въ общемъ держатся.

* * *

Добрались до какихъ то хуторовъ. Домикъ. Боже, какая тѣснота. Ни сѣсть, ни стать. Но хоть тепло. Среди этой „бісовой тѣсноты“ Ната, мать Оли, самоотверженно печетъ какія то оладьи. Голодные люди смотрятъ на нихъ жадными глазами и получаютъ по мѣрѣ того, какъ онѣ зажариваются. Смрадъ дикій. Но хоть малый отдыхъ.

Впрочемъ, не всѣ отдыхаютъ. Часть послали въ сторожевое охраненіе, ибо гдѣ то по близости большевики.

Иду въ штабъ, къ полковнику Стесселю. Онъ спитъ, совершенно выбившійся изъ силъ. Я радъ, что Раиса Васильевна Стессель пріютила Олю. Она уютно примостилась гдѣ то въ уголочкѣ, кажется ее тутъ немножко подкармливаютъ. Удивительно, что дѣти выносятъ эти невзгоды легче, чѣмъ взрослые.

За окномъ полупомѣшанный есаулъ А. стрѣляетъ изъ револьвера куръ. Онъ сегодня разстрѣлялъ какого то старика. За что, про что — неизвѣстно. Такъ, потому что азіатскія руки чешутся убивать. Если есть, убиваютъ стариковъ. Если нѣтъ — убиваютъ куръ.

Узнаю, что отдыхъ будетъ короткій. Ночью опять пойдемъ.

* * *

Опять ночь. Опять походъ. Какъ мы держимся. Идемъ уже двое сутокъ. Ѣли что то неуловимое.

Двигаемся все таки. Все та же картина. На остановкахъ люди ложатся въ снѣгъ и моментально засыпаютъ. Холодно. Но въ этихъ суровыхъ скитаніяхъ проявляется характеръ. Твердо держатся нѣсколько офицеровъ, на которыхъ все это не производитъ вліянія. Конечно, имъ холодно и они устали, но это не отражается на ихъ расположеніи. Алеша Т. все такъ же жизнерадостенъ и такъ же милъ. Я назначилъ его командиромъ роты. Его звонкій молодой голосъ иногда пріятно звучитъ въ темнотѣ.

Владиміръ Германовичъ непоколебимъ. Надо сказать, что онъ и былъ настоящей душой и созидателемъ нашего отряда. Человѣкъ, полный неукротимой энергіи, онъ промѣнялъ свою муниципальную дѣятельность на газетную и почти создалъ четыре газеты — „Голосъ Кіева“ и три „Россіи“ — Екатеринодарскую, Одесскую и Курскую. Теперь же, послѣ сдачи Кіева, онъ промѣнялъ перо на винтовку, и вотъ, имѣя полсотни лѣтъ за плечами, бродитъ по дорогамъ. Но его не сломишь. Онъ все такъ же оптимистично настроенъ, онъ въ восторгѣ отъ нашего отряда. И дѣйствительно эти мальчики хорошо держатся: ни жалобъ, ни недовольства... И Вл. Г. находитъ, что все къ лучшему. Правда всѣ его немножко ругаютъ, потому что хотятъ ѣсть, а онъ обязанъ кормить, а кормить трудно...

Ляля больше сгорбился и сильнѣе тянетъ свои декадентскія ноги. Но попрежнему внезапно начинаетъ хохотать безъ всякой причины, и такъ заразительно, что всѣ хохочутъ кругомъ. Алеша называетъ его за это plus quam perfectum. Это потому, что онъ вспоминаетъ вдругъ что то смѣшное, что случилось, Богъ знаетъ когда, и закатывается безъ всякаго предупрежденія.

Я чувствую твердую опору въ поручикѣ Л. Онъ самую малость снобъ. Въ сущности говоря, ему гораздо болѣе нравится слѣдующее: взять ванну, сѣсть за столъ, накрытый чистой скатертью; выпивъ кофе, онъ покурилъ бы и написалъ бы небольшую статью; потомъ бы сѣлъ за рояль и сыгралъ valse triste Сибеліуса.

Но за неимѣніемъ всего этого, онъ сохраняетъ только неизмѣнную любезность ко всѣмъ и ласковость къ нѣкоторымъ. И этимъ держится. Это защитный цвѣтъ своего рода, выработанный „драпомъ“.

* * *

„Кошмарическая“ корчма. Я не знаю, сколько сотъ людей въ нее втиснулось. Часа два провели мы въ ней, засыпая сидя, стоя, кто какъ можетъ. Состояніе полубезсознательное. Но послѣ ледяного холода на дорогѣ — это блаженство. Курятъ до сумасшествія. Дышать нечѣмъ. Тѣмъ скорѣе впа-

даешь въ летаргію. По привычкѣ окидываешь взглядомъ — всѣ ли тутъ, не пропалъ ли кто нибудь. И погружаешься въ небытіе.

Приказываютъ выйти. Никто не двигается. Вторично, и въ третій разъ приказываютъ, но ничего не помогаетъ. Наконецъ угрожаютъ, что всѣ уже прошли и ушли, обозъ уже чертъ знаетъ гдѣ. Начинаютъ выползать. Надо итти.

* * *

Опять день, опять солнце, опять идемъ. Многіе слабѣютъ. Жена упорно держится, но я вижу, что приходитъ конецъ ея силамъ. Я отвожу ее въ сторону, помогаю ей переобуть израненныя ноги. Ужасно жалко смотрѣть, какъ она одѣваетъ эти мужскіе казенные башмаки, которые подарилъ ей какой то изъ нашихъ гимназистовъ. Переобувшись, она упрямится еще нѣкоторое время и потомъ соглашается сдѣлать то, что надо было сдѣлать съ самаго начала. Я устраиваю ее на какую то подводу.

Снова идемъ. Безконечная степь, безконечный обозъ. Когда же мы наконецъ остановимся? Надо хоть гдѣ нибудь, хоть что нибудь съѣсть и отдохнуть нѣсколько часовъ.

* * *

Ну вотъ, кажется. Какое то село — нѣмецкая колонія. Обозъ втянулся. Повидимому здѣсь будетъ отдыхъ. Я иду селомъ, разыскиваю своихъ, отъ которыхъ отсталъ. Большое село, массивные нѣмецкіе дома съ треугольными фасадами. Тутъ навѣрное масса бѣлаго хлѣба. И навѣрное можно что нибудь сварить. И навѣрное наши отыскали уже хорошее теплое просторное помѣщеніе. Квартирьеромъ посланъ поручикъ Л., который немножко любитъ комфортъ. Какъ знать— можетъ быть въ какой нибудь культурной нѣмецкой семьѣ отыщется и рояль. Тогда будетъ и Valse triste Сибеліуса.

Такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ ... вотъ тебѣ и вальсъ Сибеліуса! ...

Кто то „занимается“ по насъ пулеметомъ — вдоль улицы. Неужели большевики въ концѣ села? Я не успѣлъ сообразить этого, какъ шрапнель разорвалась надъ домомъ, гдѣ

помѣстился штабъ. Въ ту же минуту высыпали оттуда и стали кричать, сзывать всѣхъ, кто подъ рукой. Я бросился черезъ какія то ворота въ поле. Со мной нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Алеша. Съ другихъ сторонъ тоже бѣжали люди. Сейчасъ же на огородахъ образовалась безпорядочная цѣпь. Это было нѣчто скифское. Всѣ вопили, стрѣляли куда то въ пространство. Никакихъ организованныхъ звеньевъ не было. Вообще, ничего не было. Ни командировъ, ни подчиненныхъ. Всѣ командовали, т. е. всѣ вопили и въ общемъ стихійно двигались впередъ. Кажется насъ обстрѣливали, даже навѣрное. Нѣсколько пулеметовъ трещало. Но это не производило никакого впечатлѣнія. Бѣжали, останавливались. Ложились, опять бѣжали. Наконецъ отошли довольно далеко отъ деревни. Кто то и къ намъ притащилъ пулеметъ. Въ это время я увидѣлъ Лялю. Онъ былъ правѣе меня, видимо въ большомъ одушевленіи. Османлиская папаха, худой, сгорбленный, волочащіяся ноги. Скоро мы оказались рядомъ. Я почувствовалъ, что онъ въ какомъ то особомъ состояніи. На его лицѣ, всегда немножко напоминавшемъ дѣвочку, выраженіе какого то забавнаго фанфаронства. Въ это время непріятельскій пулеметъ насъ нащупываетъ. Всѣ ложатся. Но Ляля набитъ „традиціями". Онъ торчитъ османлиской кривулькой во весь рость и думаетъ, что это совершенно необходимо. Я приказываю ему лечь, что онъ исполняетъ съ видомъ „если вамъ угодно, то пожалуйста".

Съ нашей стороны безпорядочная пальба не прекращается. Но она достигаетъ апогея, когда появляется большевистская кавалерія на горизонтѣ. Нѣкоторые теряютъ головы. Престарѣлые полковники командуютъ:

— Прицѣлъ три тысячи!... По наступающей кавалеріи!...

И даютъ залпы на три тысячи шаговъ. По наступающей кавалеріи, которая вовсе не наступаетъ, по моему, а движется шагомъ. Я понимаю, что это безсмыслица, у насъ мало патроновъ, но ничего не могу сдѣлать въ этомъ дьявольскомъ шумѣ, — голоса не хватаетъ. Подзываю Алешу, приказываю ему взять командованіе надъ ближайшими, прекратить пальбу и сохранить патроны на случай дѣйствительной атаки кавалеріи. Его металическій голосъ начинаетъ звенѣть въ этомъ

смыслѣ. Кто то протестуетъ, возмущается, кричитъ, что кавалерія насъ обходитъ.

Обходящая кавалерія на самомъ дѣлѣ оказывается нашей кавалеріей. Она выѣзжаетъ справа, имѣя повидимому желаніе атаковать непріятельскую. Но почему-то этого не происходитъ. Въ это время за нашими спинами начинаютъ работать наши орудія. Непріятельская кавалерія явственно отходитъ, вытягивается гуськомъ на дорогѣ вдоль фронта. Удачная шрапнель заставляетъ ихъ прибавить ходу. Они уходятъ вскачь.

Мы побѣдили. Въ это время справа что то происходитъ. Тамъ начинаютъ кричать ура, и потомъ это ура перекатывается по всѣмъ цѣпямъ, доходитъ до насъ, мы тоже кричимъ ура и перебрасываемъ его слѣдующимъ цѣпямъ влѣво. За тѣмъ приходитъ и объясненіе. Начальникъ штаба объявилъ, что мы вошли въ соприкосновеніе съ войсками ген. Бредова. Хотя войска генерала Бредова были въ это время не ближе ста верстъ, но всѣ этому повѣрили.

Итакъ побѣда. Но Боже, какъ хочется ѣсть. Въ это время появляется спаситель — поручикъ Л., нагруженный бѣлымъ вкуснымъ чуднымъ хлѣбомъ.

* * *

И все это повторилось снова. Черезъ два часа большевики опять напали на насъ. И мы снова защищались. Тѣ же цѣпи, тѣ же крики, тотъ же безпорядокъ. Но на этотъ разъ было хуже. Сильно крыли гранатами. Сверкнетъ яркимъ желтымъ пламенемъ, а затѣмъ густой взрывъ дыма. Граната имѣетъ въ себѣ что то оперное. Такъ проваливается Мефистофель сквозь землю. Пулеметы хуже. Когда они начинаютъ насвистывать въ воздухѣ свой узоръ, тогда гораздо опаснѣе. Знаешь, что они могутъ сейчасъ-же вычертить кровавую надпись по землѣ, т. е. по насъ.

„Трещащую пѣсню поетъ пулеметъ
„И строчки кровавыя пишетъ;
„Кто грамоту смерти нежданно прочтетъ —
„Тотъ пѣсни ужъ больше не слышитъ . . .“

Я накричалъ на Димку, чтобы онъ не поднималъ головы, когда „строчки кровавыя пишутъ“. Моя группа, т. е. тѣ,

кто меня слушались, была налѣво отъ меня. На томъ концѣ былъ поручикъ Л. Я помню его внимательное лицо, часто поворачивающееся ко мнѣ. Онъ дѣлалъ то же, что и я, и тогда я почувствовалъ, что „ячейка“ взята въ неводъ и повинуется. Рядомъ со мной былъ Димка. На него гранаты какъ будто производили впечатлѣніе своимъ шумомъ, но опасности пулеметовъ онъ не понималъ. Онъ перебѣгалъ за мной, держа въ рукахъ мой карабинъ, отъ котораго я радъ былъ избавиться, — терпѣть не могу этихъ вещей въ бою. За нимъ въ штатскомъ пальто и въ барашковой шапкѣ перебѣгала маленькая, худенькая фигурка. Это отецъ Оли, мирный податной инспекторъ.

Какъ странно... Когда мы были мальчиками, мы были очень близки. затѣмъ долгіе годы шли врозь. И вотъ пришлось на старости лѣтъ плечо о плечо перебѣгать подъ гранатами.

Дальше Владиміръ Германовичъ, тоже въ штатскомъ. Перебѣгаетъ съ винтовкой въ рукахъ, ложится и опять перебѣгаетъ. Думали ли когда нибудь мирные кіевляне, избиравшіе его городскимъ гласнымъ, что вмѣсто мостовыхъ и канализацій онъ будетъ изучать преимущества гранатъ передъ пулеметами...

Перебѣгая мы сближались съ цѣпями противника. Впереди меня былъ домикъ, брошенная хижина. Я зналъ, что надо добраться туда. Нѣсколько перебѣжекъ, и мы съ Димкой подъ защитой. Тутъ удобно. Онъ заряжаетъ мнѣ карабинъ, а я изъ за угла дома „беру на мушку“. Цѣпи сблизились шаговъ на двѣсти. Но чувствуется, что мы не сдадимъ. Я выпустилъ нѣсколько обоймъ, когда они побѣжали. Мы скифски ихъ преслѣдовали, вопили, размахивали винтовками. Они поспѣшно отходили по почернѣвшимъ полямъ — снѣгъ стаялъ въ этотъ день.

* * *

Штабъ. Совѣщаніе. Дѣло плохо. Противника отогнали, но патроновъ нѣтъ. Пальба на три тысячи шаговъ залпами сказалась... Броневикъ „Россія“, на которомъ наше единственное орудіе, надо бросить — нѣтъ бензина. Въ сущности

мы безоружны. Идемъ вотъ уже нѣсколько сутокъ безъ отдыха, почти безъ пищи.

Рѣшено пробиваться еще разъ въ Румынію, хотя бы силой. Въ значительной мѣрѣ этотъ результатъ есть слѣдствіе роковой ошибки подъ водокачкой. Сколько мы потеряли времени и силъ, шатаясь гдѣ то по компасу безъ дорогъ. Быть можетъ, если бы этого не было, мы бы успѣли уже пробиться . . .

* * *

Но гдѣ же всѣ наши? Иду искать. Уже ночь. Улица невозможно черна. Нѣсколько разъ натыкаюсь на умирающую лошадь. Она тутъ валяется съ утра. Кричимъ въ темноту. Спрашиваемъ встрѣчныхъ. Хоть бы съѣсть что нибудь . . . Вотъ кажется свѣтъ въ домѣ. Зашли. Неужели покормятъ? Да, собираются дать что то . . .

* * *

Нашли своихъ. Собрались съ разныхъ концовъ. Но Ляли нѣтъ. Алеша раненъ. Поручикъ Р. убитъ. Еще нѣсколько человѣкъ ранены въ нашемъ отрядѣ; остальные слава Богу цѣлы. Вообще же потери въ этомъ бою насчитываютъ около четырехсотъ человѣкъ.

Изъ штаба приходитъ приказаніе бросить всѣ вещи. Въ маленькой хатѣ биткомъ набито. Кошмаръ. Кто спитъ, обезсиленный до конца, кто хлебаетъ какой то чай. У кого есть, перерываютъ чемоданы, отыскивая, что можно взять въ руки. У большинства ничего нѣтъ. Это гораздо спокойнѣе.

Приходитъ полковникъ А. и сообщаетъ зловѣщую новость. Открытъ какой то заговоръ. Хотятъ убить полковника Стесселя и на его мѣсто поставить какого то другого полковника. Выступимъ черезъ полъ часа.

Но гдѣ Ляля? . . .

* * *

Захожу въ каждую хату.

— Здѣсь юнкеръ такой то?

И всюду одинъ отвѣтъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Такого нѣтъ . . .

И холодная рука тревоги сжимаетъ сердце . . .

* * *

Вышли. Очень темно. Спускаемся куда то внизъ, очевидно къ рѣкѣ. Вдругъ мысль: „Да, мнѣ сказали, что Алешу и другихъ раненыхъ вывезли. Но вѣдь это всегда говорятъ. А вывезли ли?"

Выскальзываю изъ дружескихъ рукъ, убѣждающихъ, что вывезли. Возвращаюсь. Но очень усталъ. Въ темнотѣ попадается верховой. Прицѣпляюсь къ его стремени. Онъ тащитъ меня въ горку, что уже значительное облегченіе. Ищу долго, безуспѣшно, отчаяваясь и опять надѣясь, и окончательно прихожу въ отчаяніе. Не могу найти. Въ деревнѣ какъ будто и нѣтъ никого. Очевидно, всѣ ушли. Ухожу и я.

На душѣ такъ скверно, какъ только можетъ быть...

* * *

Ужасная ночь. Силы на исходѣ. Слава Богу, удалось пристроить на подводу женщинъ, дѣтей и ослабѣвшихъ. Я еще иду. Я не особенно понимаю, какъ я это дѣлаю. Все горы и горы. Я все иду по обочинѣ дороги. Я ясно понимаю, что всѣ меня обгоняютъ. Но въ концѣ концовъ я оказываюсь впереди всѣхъ. Почему? Они останавливаются, а я нѣтъ. Они лежатъ на снѣгу каждый разъ, когда обозъ станетъ, а я боюсь лечь. Мнѣ кажется, что я не встану. Минутами снѣгъ озаряется какимъ то зеленоватымъ свѣтомъ. Мнѣ кажется, что всходитъ луна. Но скоро я понимаю, что нѣтъ луны, а что это мгновеніями я впадаю въ забытье на ходу и мнѣ мерещится этотъ свѣтъ. Вотъ наконецъ голова обоза. Перекрестокъ. Стали. Куда итти? Тутъ надо лечь. Это что? Экипажъ, тѣсно окруженный кучкой людей, держащихся за крылья. На козлахъ полковникъ въ лохматой шапкѣ. Кто то говоритъ:

— Это раненую сестру везутъ...

А я слышу, какъ изъ глубины экипажа знакомый басъ ругается:

— Куда васъ чертъ несетъ?... Рессоры поломаете!...

Я понимаю въ чемъ дѣло. Это близкіе къ полковнику Стесселю офицеры охраняютъ его по случаю „заговора"... А онъ страшно золъ на все это и потому ругается.

* * *

Разсвѣтъ. Какая то деревня. Здѣсь краткій отдыхъ. Ищу, куда приткнуться со своими. Очень трудно. Все переполнено. Съ величайшимъ трудомъ что то нахожу и прячу полузамерзшихъ въ хату. На перекресткѣ сталкиваюсь вдругъ съ поручикомъ Л.

— Я привезъ Алешу...

Слава Богу. Онъ таки нашелъ его. Когда онъ узналъ, что я ушелъ тогда за Алешой, онъ пошелъ за мной. Меня онъ не нашелъ, но онъ нашелъ Алешу, котораго я не могъ разыскать. И все было такъ, какъ это бываетъ... Меня увѣряли, что „вывезли всѣхъ раненыхъ“... Этому никогда не надо вѣрить. И Алешу не вывезли... Онъ лежалъ вмѣстѣ съ другими ранеными въ какой то хатѣ на самомъ краю села. Вокругъ нихъ безпомощно метался врачъ. Всѣ ушли — что дѣлать? Сами раненые не знали, что деревня оставлена... Три сестры, совершенно выбившіяся изъ силъ, спали. Вотъ какъ было...

Поручику Л. удалось вмѣстѣ съ врачемъ гдѣ то добыть нѣсколько подводъ. Они ловили брошенныхъ бродячихъ лошадей, запрягали... Съ величайшимъ трудомъ вывезли эту хату.

Вывезли и Алешу...

Вотъ онъ.

Подвода — на ней двое... Алеша и какой то другой. Алеша желтый — стонетъ. Другой не шевелится. Неужели?...

Да, умеръ...

Надо снять прежде всего этого незнакомаго мертваго... Похоронить? Но какъ?

Нѣтъ, просто положимъ въ садикѣ. Похоронятъ можетъ быть добрые люди.

— Алеша, больно вамъ?

— Больно... это Вы... Спасибо... Больно... Холодно... холодно...

Надо внести его въ хату. Согрѣть и перевязать. И потомъ... мы переложимъ его на рессорную площадку — у насъ есть. А главное — докторъ... быть можетъ нужна операція немедленно.

Разыскиваю доктора. Спрашиваю, прошу...

— Да я радъ все сдѣлать . . . Конечно нужно операцію . . . и немедленно. У него контузія въ спинной хребетъ. Но главное сейчасъ не это . . . Осколокъ въ легкомъ . . . Надо удалить немедленно. Но инструменты? Нѣтъ инструментовъ . . . Надо вынуть два ребра . . . Какъ безъ инструментовъ? . . Что я сдѣлаю!

Вотъ гдѣ ужасъ . . .

Переносимъ Алешу. Трудно. Ему все такъ больно. А мы ослабѣли до такой степени, что падаемъ и сами. Сквозь калитку такъ трудно пронести.

Внесли. Хата полнымъ полна. Всѣ такъ замерзли и устали. Куда его положить, бѣднягу? На скамейку?

— Ахъ, больно... Пожалуйста не надо... на полъ лучше... Василій Витальевичъ... спасибо... Вамъ тяжело... не безпокойтесь... ахъ, больно... такъ... да... хорошо... спасибо...

Перевязываютъ. Кругомъ стѣснились. Маленькія хозяйскія дѣти смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ. Сестра дѣлаетъ свое дѣло внимательно, несмотря на предѣлъ утомленія.

Сдѣлано. Чаю теперь — хоть полстакана. Выпилъ. Ему легче немножко. Согрѣлся... пересталъ стонать... благодаритъ...

Да, онъ все такой же... лице у него желтое... онъ очень плохъ. Но благодаритъ. Все такъ же внимателенъ и ласково-твердъ, какъ раньше, какъ всегда, какъ тогда въ походѣ... Какъ часто онъ велъ меня, когда по „старчеству" своему, я изнемогалъ. Онъ не такой, какъ почти всѣ. Это у него не внѣшнее, а въ крови. Вотъ онъ умираетъ. И все тотъ же. Онъ, значитъ... настоящій такой... это его настоящая природа. Онъ никогда себѣ не измѣнитъ... никогда... Да и когда уже? Уже — некогда...

Кругомъ стоятъ, сидятъ, лежатъ. Какъ всѣ страшно устали. Засыпаютъ сейчасъ же... Хоть на мгновеніе.

Почему я держусь? Не знаю: что то меня держитъ изнутри.

Но гдѣ же Ляля? Убитъ? Гдѣ то брошенъ раненый, какъ Алеша? Мать плачетъ тихонько, засыпаетъ, опять плачетъ... Нѣтъ, я не вѣрю. Найдется...

Но надо двигаться. Бѣдный Алеша, опять его надо мучить.

Переносимъ. Уложили на площадку, укрыли тепло... Здѣсь все же будетъ ему легче.

— Спасибо, Василій Витальевичъ... спасибо, Вовка...

Неужели нельзя его спасти? Лицо все такъ же красиво, и выразительны правильныя губы. Брови только свелись надъ закрытыми глазами. Но эта желтизна... восковое лицо.

Нѣтъ инструментовъ... изъ за этого надо, чтобы онъ умеръ.

* * *

— Ляля!..

Да, это былъ онъ. Худой, сгорбленный, — декадентская кривулька больше, чѣмъ когда было, но все съ той же заражающей дѣтской улыбкой.

— Гдѣ же ты былъ?.. глупый!.. Отчего не нашелъ меня? Дайте ему что нибудь... ѣлъ?

— Ѣлъ... Ахъ, очень интересно!... Знаешь, полковникъ Н. — симпатичнѣйшій человѣкъ! и кромѣ того онъ — мой личный другъ!...

— Уже?... говори по порядку!

Разсказываетъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ Алешей сначала. Тамъ было тяжело. Когда Алешу ранило гранатой, онъ бросился къ нему. Сначала думалъ, что убило; лицо было въ крови; онъ былъ въ безпамятствѣ. Потомъ пришелъ въ себя.

— И онъ, когда пришелъ въ себя, увидѣлъ меня, сказалъ: „Ляля, передайте Василію Виталіевичу... что я умираю за Россію“... И потомъ далъ мнѣ портретъ... одинъ... Еще сказалъ... Чтобы я передалъ, и чтобы... Словомъ... онъ завѣщалъ мнѣ... намъ... Это „боевое завѣщаніе“, правда?...

Да, это было „боевое завѣщаніе“... И это завѣщаніе... Въ жизни больше мистическаго, чѣмъ думаютъ... Но это потомъ... Ляля разсказываетъ дальше:

— Потомъ я его относилъ...

— Куда?

— Въ деревню... Я очень безпокоился, гдѣ ты и Димка. Но нельзя было искать... Я опять вернулся...

— Куда?

— Въ цѣпь... Но уже никого не было изъ нашихъ... Я попалъ въ „Союзъ Возрожденія". Тамъ былъ одинъ полковникъ... очень симпатичный... онъ мой личный другъ.

— Гдѣ же вы были?..

— Тамъ, въ этой другой деревнѣ... Мы ихъ далеко загнали. Наконецъ, ночь уже... Знаешь, я тамъ заснулъ... очень хорошо... два часа... и поѣлъ... Они были въ томъ концѣ деревни, а мы въ этомъ...

— Когда же вы вышли?

— Мы — поздно... Позже всѣхъ... только что пришли... Я такъ боялся, гдѣ ты...

Итакъ, онъ живъ, Ляля... На этотъ разъ...

Но въ слѣдующій?...

* * *

Ѣсть хочется до нестерпимости. Отчего ничего нельзя достать? Денегъ не берутъ. Мы съ Владиміромъ Германовичемъ шаримъ по избамъ и наконецъ находимъ нѣсколько фунтовъ кукурузной муки. Баба уступаетъ ее за чашку какую-то, что нашлась у насъ. Насыпаемъ въ ладошку, и такая „понюшка" уже блаженство. Въ сущности говоря человѣкъ можетъ ѣсть удивительно мало. И все же днемъ легче.

И опять идемъ. Безконечно идемъ. Даже непонятно, откуда берутся силы. Вѣдь вотъ ночью я шелъ почти въ полубезсознательномъ состояніи, а сейчасъ иду почти бодрый. Впрочемъ, такъ много значитъ, что Алешу не бросили и Ляля нашелся.

* * *

Плавни. Что такое плавни? Это вотъ что. Очень много камыша, лозы и достаточно старыхъ вербъ. Между этими растеніями большія лужайки изъ льда. На этихъ лужайкахъ мы.

Кто это мы? Собственно говоря, это движется колонна подъ командой генерала Васильева. У него помощникъ — еще какой то генералъ. Генералу Васильеву подчинены нашъ отрядъ, т. е. полковника Стесселя, Союзъ Возрожденія и еще что то. Отрядъ Стесселя состоитъ изъ превращенныхъ въ роты отрядовъ полковника Н., полковника Л., полковника А.,

т. е. моего, гвардейскихъ саперъ и еще чего то. А въ общемъ — одни обозы.

Въ этихъ плавняхъ мы чего то ждемъ. Ждемъ долго. Развлеченіе состоитъ въ томъ, что вода временами проступаетъ сквозь ледъ и дѣлаетъ озера. Тогда приходится перебираться поближе къ вербамъ.

Алеша лежитъ тихо. Но лицо его сильно пожелтѣло и становится восковымъ. Неужели онъ умретъ? Я иногда подхожу и говорю съ нимъ нѣсколько словъ. Онъ отвѣчаетъ какъ всегда. Т. е. совсѣмъ не какъ всегда, потому что онъ умираетъ, но я ясно чувствую, что его сущность, душа его, — та же.

Приходитъ приказаніе бросить всѣ подводы. Мы готовы ко всему, но какъ же быть съ Алешей? Я приказываю дѣлать носилки. Отъ нашей платформы отпиливаютъ оглобли и дѣлаютъ носилки изъ брезента. И это была ошибка. Конечно, надо исполнять приказанія, но иногда, когда поторопишься...

Двинулись. Тропиночками, сквозь камыши выходятъ на Днѣстръ. Алешу несутъ на носилкахъ и выбиваются изъ силъ. Зачѣмъ я приказалъ отпилить эти оглобли! Это приказаніе бросить подводы было исполнено немногими. Обозы движутся и, хотя и съ трудомъ, соскальзываютъ по обрывистымъ берегамъ на ледъ рѣки.

* * *

Итакъ, мы въ Румыніи, т. е. въ Бессарабіи. Перешли ледъ безпрепятственно. Румынской охраны нѣтъ или она ушла. Все какіе то сады, совершенно пустынные. Въ садахъ лѣтніе брошенные шалаши. Движемся, вышли на какую то лужайку.

Что такое? Неужели по насъ?!

Да, повидимому. Пулеметы высвистываютъ мелодію надъ нашими головами, и пули начинаютъ цокать въ землю. Укрываемся въ ложбинкѣ. Удивительно, что дамы совсѣмъ не боятся.

Очевидно, эти румыны такимъ способомъ заявляютъ намъ: „не ходите дальше". Мы и не идемъ. Люди разбились по садамъ, пережидаютъ. Обозы тоже гдѣ то стали.

Я иду на развѣдку, т. е. по дорогѣ, которая повидимому идетъ въ деревню. А деревня эта, очевидно, у подножія этихъ обрывистыхъ горъ, съ которыхъ насъ и поливаютъ изъ пулеметовъ. Меня нагоняетъ экипажъ полковника Стесселя. Онъ приглашаетъ меня сѣсть. Раиса Васильевна говоритъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ. Мы ѣдемъ для переговоровъ съ румынами.

* * *

Домикъ въ деревнѣ. Румынскіе офицеры съ одной стороны, съ другой — генералъ Васильевъ, Стессель и еще кто то...

Генералъ Васильевъ говоритъ переводчику:

— Скажите имъ, что мы совершенно замерзли и умираемъ отъ голода... Что мы безоружны, потому что у насъ нѣтъ патроновъ... Что мы просимъ оказать намъ пріютъ, ибо мы погибнемъ... И что я заявляю имъ, что если мы не будемъ приняты, то мнѣ ничего больше не остается, какъ застрѣлиться тутъ же...

Румынскіе офицеры что то отвѣчаютъ. Это продолжается долго. Мы говоримъ жалкія слова, румыны отказываютъ, но въ концѣ концовъ какъ будто соглашаются на то, чтобы мы заняли нижнюю часть деревни до утра. Иду къ своимъ. Уже въ совершенной темнотѣ привожу ихъ въ деревню, отыскиваемъ какія то хатки...

* * *

Крохотная молдавская хатка. Человѣкъ тридцать. Умирающаго Алешу устроили, какъ могли. Остальные вповалку. Почти всѣ спятъ. Но хозяева готовятъ у круглаго низенькаго столика мамалыгу для насъ. Когда это готово, я бужу всѣхъ, кого могу разбудить. Лялю и Димку добудился. Хочу поднять Олю. Спитъ такъ глубоко, что нѣтъ возможности. Я подымаю ее за руки, ставлю въ вертикальное положеніе и трясу, что есть силы. Но бѣдная дѣвочка не просыпается. Я выпускаю ее, и она безчувственнымъ тѣломъ сваливается на солому. Это сильнѣе всякаго хлороформа.

Ужинаемъ при каганцѣ. Мамалыга, кислые огурцы... Сумасшедшая роскошь...

Что сдѣлать для Алеши? Ничего нельзя сдѣлать. Онъ умираетъ оттого, что у него осколокъ гранаты въ легкомъ. Надо немедленно сдѣлать операцію, причемъ прійдется вынимать два ребра. А эту операцію нельзя сдѣлать, потому что нѣтъ инструментовъ. Завтра будемъ упрашивать румынъ отвезти его въ сосѣднее мѣстечко, гдѣ есть больница. Но доживетъ ли онъ до утра?

Всѣ уже спятъ. Многихъ такъ и не добудились. Хозяева сбились всѣ на кровать. Тамъ старуха, молодыя женщины, дѣти... Весь полъ густо, густо уложенъ тѣлами. Алеша на скамьѣ. Мы устроили его на подушкахъ, какъ могли. Моя жена легла около него на полу. Она спитъ чутко... чтобы помочь... Хата чуть освѣщена каганцомъ...

Я укладываюсь рядомъ съ сыновьями. Усталость сильнѣе всего... Засыпаю, — проваливаюсь въ пропасть...

Но не на долго... Алеша стонетъ... И проситъ воздуха. Въ хатѣ дѣйствительно душно такъ, что и здоровымъ нечѣмъ дышать...

Я говорю, чтобы отворили дверь.

Струя свѣжаго воздуха входитъ въ эту юдоль земную...

— Ахъ, хорошо... хорошо... такъ вотъ... спасибо... хорошо...

Но и здѣсь, даже здѣсь, неизбѣжна „разность интересовъ". Умирающему Алешѣ нужна эта струя кислорода, а живымъ, и въ особенности тѣмъ, что около дверей, она, эта струя холода, мучительна и опасна. Они ропщутъ...

Они тоже правы... Я лавирую между ними... Когда Алеша начинаетъ просить и задыхаться, я приказываю отворить дверь... И онъ тогда говоритъ, порывисто, убѣжденно, благодарно...

— Ахъ, хорошо... хорошо... спасибо...

Черезъ нѣсколько минутъ я тихонько передаю, чтобы дверь затворили...

Наконецъ одинъ разъ открыто заворчали. Я разсердился и повторилъ, чтобы открыли...

Тогда откуда-то изъ груды лежащихъ раздался голосъ:

— Что жъ, Василій Витальевичъ, вѣдь онъ... уходитъ... а мы остаемся...

Жестокія слова!... Къ счастію Алеша ихъ не слышалъ... Онъ минутами забывается. Я сказалъ женѣ, чтобы она перешла на мое мѣсто, и легъ около Алеши...

Онъ иногда проситъ воды... Чаще воздуху... Иногда я перекладываю его...

— Спасибо, Василій Витальевичъ... Спасибо... Ахъ, больно, больно. Вотъ такъ... да, такъ... спасибо... вамъ тяжело?.. не безпокойтесь... да, да... спасибо...

Минутами онъ забывается. Но остальное время въ сознаніи...

— Мнѣ надо операцію... операцію... я знаю... надо сдѣлать...

— Сдѣлаемъ... Вотъ только прійдетъ утро, — сейчасъ отвеземъ Васъ, Алеша, въ сосѣднюю деревню... Тамъ есть больница... Хирурги...

— Разрѣшатъ?... румыны... разрѣшатъ?...

— Конечно, разрѣшатъ... они уже говорили.

Вдругъ онъ дѣлаетъ такое движеніе, что я понимаю: онъ хочетъ мнѣ сказать такъ, чтобы никто не слышалъ.

— Василій Витальевичъ . . . правду . . . скажите только правду . . . я раненъ въ спину . . . въ позвоночникъ . . . если я буду калѣкой . . . не буду ходить . . . не хочу жить . . . не хочу . . . дайте мнѣ револьверъ . . . умоляю Васъ . . . я знаю, вы мнѣ скажете правду . . . я вамъ вѣрю . . . только правду!

Бѣдняжка, я знаю, о чемъ онъ думаетъ . . .

— Слушайте, Алеша... Я Вамъ скажу, какъ есть... Если бы Вы были ранены въ позвоночникъ, это было бы такъ. . . но Вы не ранены, — Вы контужены... отъ этого вылѣчиваются почти всегда... электричествомъ... это въ этихъ случаяхъ удивительно дѣйствуетъ . . . это — пустяки, объ этомъ не думайте . . . это обойдется . . .

— Ну, хорошо . . . спасибо . . . Только душно мнѣ . . . кислорода бы мнѣ . . . Василій Витальевичъ . . . подушку бы если бы, съ кислородомъ, подушку . . .

Я чувствую, какъ сквозь эту мертвящую усталость, которая туманомъ покрыла всю мою воспріимчивость, все таки

пробивается какое то отчаяніе... Господи, ну какъ ему помочь!

Онъ затихаетъ... Кажется уснулъ... Слава Богу... меньше страданій... я тоже не могу... прилягу...

Я заснулъ можетъ быть на нѣсколько минутъ... И вдругъ проснулся сразу... вскочилъ...

Прямо противъ меня на кровати сидѣла старуха... она кивала мнѣ и рукой указывала на Алешу...

Онъ умиралъ... Началась агонія... Онъ хрипѣлъ... Кто то проснулся, что то сказалъ... Старуха замахала на него руками, чтобы было тихо...

Я стоялъ на колѣняхъ около Алеши... Это было недолго... Нѣсколько минутъ, и онъ затихъ... Я закрылъ ему глаза...

Потомъ прочиталъ молитву, какую вспомнилъ... Всѣ спали... Только старуха сидѣла на кровати и смотрѣла на насъ... Окончивъ молитву, я тотчасъ же заснулъ... Я ему больше былъ не нуженъ... Я спалъ крѣпко, до самаго утра...

* * *

Такъ умеръ Алеша... Онъ былъ... бѣлый...

* * *

Ровно въ 8 часовъ утра румыны начали обстрѣливать деревню изъ пулеметовъ: это чтобъ мы ушли...

Пули цокали по заборамъ и стѣнамъ. Я приказалъ пойти за водой и больше не выходить изъ хаты... А самъ пошелъ въ штабъ. Штабъ помѣщался въ домикѣ, выходившемъ въ большой пустырь. На улицѣ никого не было — попрятались... Но у конца улицы, подъ заборомъ, залегло много нашего народа. Я спросилъ, что это такое. Мнѣ объяснили, что это вновь сформировавшійся отрядъ какого то полковника. Этотъ самый полковникъ хотѣлъ запретить итти мнѣ черезъ пустырь; румыны, молъ, обстрѣливаютъ „нарочно", кто показывается...

— На насъ навлечете...

Удивительно, почему во всѣхъ самыхъ трагическихъ случаяхъ жизни бываютъ такія глупости. Ну какое же рѣ-

шеніе вопроса лежать подъ заборомъ, въ то время, какъ румыны стрѣляютъ именно для того, чтобы мы ушли...

Я объяснилъ ему, что иду въ штабъ по приказанію полковника Стесселя. Онъ отсталъ.

Никто конечно меня не обстрѣливалъ „нарочно". Стрѣляли вообще по деревнѣ. Были уже раненые и убитые. Надо было принять рѣшеніе.

У Стесселя были всѣ „начальники частей"... Наканунѣ еще мы собирались у него и почему то (хорошенько не помню почему) „выбрали" его своимъ начальникомъ... Нѣтъ, вспомнилъ, вотъ почему: общій начальникъ генералъ Васильевъ былъ задержанъ румынами и тогда отряды „Союза Возрожденія", полковника Стесселя и другіе рѣшили дѣйствовать отдѣльно, каждый на свой страхъ и рискъ. Тутъ то Стессель и захотѣлъ „провѣрить свои полномочія"... Мы, значитъ, вновь ему присягнули...

Стессель приказалъ: бросить все здѣсь, — больныхъ, раненыхъ, стариковъ, по возможности женщинъ, всѣ обозы, и выйти съ одними винтовками только тѣмъ, кто готовъ на все... Собраться къ десяти часамъ къ штабу... Въ десять часовъ румыны обѣщали начать артиллерійскій обстрѣлъ, если мы не уйдемъ. Стессель послалъ имъ письмо, что мы уйдемъ въ десять.

Съ этимъ я вернулся къ своимъ... Обстрѣлъ изъ пулеметовъ временно прекратился... Алеша уже лежалъ въ садикѣ подъ плетнемъ... Въ хатѣ пили чай...

Въ это время подбѣжали румынскіе солдаты... Они врывались въ хаты и кричали:

— Гайда! На апой!

Это значило: „Вонъ! Назадъ!" Они требовали, чтобы всѣ выходили изъ хатъ и уходили.

Тутъ наступило самое тяжелое. Жена, Ната, Оля — эти не могли больше итти... Я зналъ, что имъ нуженъ отдыхъ во что бы то ни стало, и потомъ... Куда мы идемъ? Если мы и пробьемся, то вѣдь только самые желѣзные. Остальные погибнутъ въ дорогѣ — это неминуемо... Ихъ надо оставить здѣсь; неужели же эти румыны выгонятъ женщинъ и дѣтей?

Я стараюсь объяснить румынскому сержанту, что мы уйдемъ, но что „домны" (дамы) должны остаться... Онъ по-

нимаетъ меня... Но и слышать не хочетъ: „всѣ, всѣ — гайда! на апой!“

Несчастныя женщины выходятъ тоже на улицу. Не понимая ужаса будущаго, онѣ рады не разставаться. Румыны бѣгутъ дальше по хатамъ — выгонять. Но къ намъ набѣгаетъ новая партія. Я опять къ нимъ: „домны должны остаться“...

Этотъ соглашается, но торопитъ насъ — мужчинъ...

И вотъ подъ этими непрерывными „выгоняющими“ криками мы прощаемся. Дѣлимъ деньги, послѣднія наставленія...

— Пробивайтесь въ Сербію. Я буду искать Васъ въ Бѣлградѣ...

„Гайда, на апой!“ — кричатъ румыны...

Да подождите, проклятые! Какъ быть съ Димой? Я беру его въ сторону...

— Димка, останься съ мамой... Она одна...

Я вижу его огорченное поблѣднѣвшее лицо...

— Тебя убьютъ... и Лялю...

— Какія глупости!... выкрутимся... Ляля со мной... ты съ мамой... ну, прощай...

Гайда! На апой!

Кончено. Ушли...

* * *

Мы выступили изъ деревни. Въ рукахъ вели какого то вола (провіантъ) и были очень довольны. Эта деревня, изъ которой мы уходили, называлась Раскайцы.

* * *

Перешли Днѣстръ. Опять плавни. Остановка. И долгая. Что то здѣсь происходитъ. Почему такъ уменьшилась наша рота? Гдѣ кадеты, которыхъ къ намъ присоединили? Мнѣ сообщаютъ, что будто какіе то большевисгскіе делегаты бродятъ кругомъ. Я приказываю выставить посты. Ничего не могу понять. Многихъ нѣтъ...

Неужели?...

Возможно... Въ той сторонѣ, откуда можно „ихъ“ ждать, стоитъ Ляля на посту... Я не теряю его изъ глазъ, а онъ меня...

* * *

Приказаніе двигаться...

Выходимъ изъ перелѣска, изъ зарослей, на какіе то заледенѣвшіе пустыри. Тутъ можно опредѣлить, что мы такое...

Все таки насъ порядочно. Человѣкъ шестьсотъ. Обозовъ дѣйствительно никакихъ... Есть только экипажъ полковника Стесселя, нѣсколько конныхъ... У насъ есть какая то несчастная кляча, которую бородатый фельдфебель ведетъ въ рукахъ.

Меня безпокоитъ Филя... Онъ отъ голода съѣлъ какую то мерзлую луковицу, которую онъ нашелъ на дорогѣ. Теперь онъ жалуется... У него нехорошее лицо... посѣрѣло, и морщины рѣзко легли вокругъ рта... На остановкахъ онъ лежитъ на снѣгу, скорчившись... Что дѣлать, если онъ не сможетъ итти?...

Я подзываю бородатаго фельдфебеля съ клячей... Подсаживаю Филю на клячу безъ сѣдла... Онъ обхватываетъ ея шею руками, голову кладетъ на гриву... Ноги въ городскихъ ботинкахъ и гетрахъ безпомощно болтаются... Такъ его везутъ...

Ляля держится хорошо. Сегодня у него „не малярійный" день. Сегодня меня ломаетъ... Мы съ нимъ на перемѣнку. Но у меня легче. И я чувствую, что я ее переупрямлю при помощи... свѣжаго воздуха... голода... безсоницы... и переходовъ...

* * *

Это былъ садъ, занесенный снѣгомъ, какъ полагается въ Бессарабіи. Отрядъ полковника Стесселя какъ то сбился въ кучу... гдѣ то за деревьями что то происходитъ... Какіе то крики... но выстрѣловъ не слышно. Никто ничего хорошенько не понимаетъ, но идутъ разговоры о томъ, что кто то у кого то взялъ пулеметъ. Я чувствую: что то дѣлается непонятное. Но не могу опредѣлить — что. Ясно, что это связано съ большевиками. Но отчего нѣтъ боя?... отчего мы остановились?

Мои сталпливаются поближе ко мнѣ, поглядываютъ на меня, а я поглядываю на Стесселя. Что это все значитъ?

Вдругъ на лужайкѣ появляются два всадника. Они приближаются, направляясь прямо къ намъ. Они безъ оружія. Подъѣхавъ, они останавливаются и глазами кого то ищутъ.

— Де тутъ полковникъ Стесселевъ?

Стессель отвѣтилъ своимъ характернымъ басомъ, чуть хриплымъ, какъ будто съ одышкой.

— Это я. Что вамъ?

Это были по виду какъ будто унтеръ-офицеры, но безъ погонъ. Одинъ изъ нихъ началъ такъ:

— Ну что жъ, товарищъ полковникъ... Надо кончать... Зачѣмъ вы противъ насъ цѣпи выслали?... Такъ шо вы въ такомъ положеніи, что мы съ вами драться не желаемъ...

— Да кто вы такіе?

— Мы тѣ самые, съ которыми вы позавчера бой вели... дивизіи товарища Катовскаго... Товарищъ Катовскій насъ прислалъ, чтобы значитъ кончать...

Тутъ онъ повернулся ко всѣмъ намъ, къ толпѣ.

— Если которые господа офицеры опасаются, что имъ что будетъ, то пусть не опасаются. Потому товарищъ Катовскій не приказалъ... и вещей отбирать тоже не будутъ... И ежели при господахъ офицерахъ которыя дамочки есть, то тоже пусть не опасаются... Ничего имъ не будетъ... Приказалъ товарищъ Катовскій сказать, чтобъ всѣ до насъ шли и чтобы не опасались.

Въ это время кто то изъ толпы, кажется, единственная сестра милосердія, которая была съ нами, спросила:

— Да кто вы такіе?

— Мы? Мы — большевики!

— Такъ какъ же, если вы большевики... какъ же вы обѣщаете то, другое... а вчера кто убивалъ?.. кто рѣзалъ? кто отнималъ?

— Мы? Нѣтъ, мы не обижали!...

— Какъ не обижали? Вы же коммунисты?!

— Какіе мы коммунисты! Мы большевики, а не коммунисты!... Мы съ коммунистами сами борьбу ведемъ... Вотъ, къ примѣру сказать, господа офицеры... развѣ среди васъ всѣ хорошіе люди?... Есть которые хорошіе, а есть... сами знаете... Такъ и у насъ — коммунисты... Сволочь коммунисты!...

Въ нашей толпѣ произошло замѣтное волненіе. Эти слова производили впечатлѣніе. Делегаты Катовскаго очевидно это поняли.

— Вотъ, господа офицеры, тутъ нашъ штабъ недалеко... И вашъ полковникъ Мамонтовъ тамъ. Вчера его взяли . . . Кто къ намъ — пожалуйста . . . Всѣмъ хорошо будетъ. Кто хочетъ къ намъ на службу — принимаемъ. А кто не хочетъ — такъ себѣ пусть идетъ — домой . . . А не желаете, ну тогда — драться будемъ . . .

Полковникъ Стессель, очевидно, въ эту минуту принялъ рѣшеніе.

— Вотъ что. Вы себѣ поѣзжайте, а мы поговоримъ . . . Неудобно намъ при васъ. А что рѣшимъ, — сообщимъ вамъ...

Тѣ сейчасъ же согласились:

— Пожалуйста, пожалуйста . . .

И поѣхали.

Настала рѣшительная минута. Ко мнѣ подошелъ поручикъ Л. и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Василій Виталіевичъ! Уже пора стрѣляться?

Я отвѣтилъ почти сейчасъ же, но помню, что въ это мгновеніе я какъ то сразу все взвѣсилъ или, вѣрнѣе, взвѣсилъ только одно, именно, что большевики насъ еще не окружили, что въ одну сторону дорога еще свободна. И отвѣтилъ:

— Надо немного подождать . . .

Въ это же мгновенье ко мнѣ подошелъ Владиміръ Германовичъ.

— Мнѣ кажется, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно . . . Сдѣлано все возможное; дальнѣйшее безплодно . . .

Я отвѣтилъ:

— Съ этой минуты я предоставляю каждому свободный выборъ. Самъ же я буду держаться Стесселя до конца . . .

Я подошелъ къ Филѣ. Сказалъ ему, что освобождаю его отъ обязанности слѣдовать за мной въ виду его болѣзни, совѣтую сдаться и пробиваться въ Одессу. Далъ ему денегъ. Мы простились. Онъ слѣзъ съ лошади и легъ на снѣгъ.

Въ эту минуту Стессель своимъ хриплымъ, задыхающимся басомъ обратился къ толпѣ.

— Ну вотъ что... Я къ нимъ не пойду... Кто со мной, тотъ за мной!...

И повернувшись онъ пошелъ по дорогѣ въ сторону отъ большевиковъ.

Тутъ произошли быстрыя сценки, которыхъ передать нельзя. Очевидно каждый колебнулся въ душѣ. Полковникъ А. что то сказалъ нашему отряду не особенно опредѣленное. Впрочемъ это соотвѣтствовало моей инструкціи предоставить всѣмъ свободу.

Я пошелъ вслѣдъ за Стесселемъ. За мной пошло нѣсколько человѣкъ нашего отряда въ томъ числѣ: полковникъ А. съ сыномъ, поручикъ Л., мирный податной инспекторъ, другъ моего дѣтства, и Ляля.

* * *

Лужайка въ лѣсу. Мы сидимъ на снѣгу кружкомъ.

— Начинается „Майнъ-Ридовщина“, — сказалъ кто то. Дѣйствительно мы похожи на какую то шайку „охотниковъ за черепами“ или „искателей слѣдовъ“. Насъ всего пятьдесятъ два человѣка, въ томъ числѣ двѣ дамы: Раиса Васильевна Стессель и та сестра милосердія, что разговаривала съ большевиками. Это все, что осталось отъ отряда полковника Стесселя. Остальные сдались большевикамъ. Впрочемъ, есть еще двѣ лошади. Полковникъ Стессель долго упрямился и не хотѣлъ бросить экипажъ. Но пришлось бросить, потому что переправа черезъ Днѣстръ была слишкомъ крута. Лошади же въ рукахъ сползли по ледяному откосу и теперь служатъ намъ подъ вьюками.

Сейчасъ мы опять въ Румыніи. Полковникъ Стессель разрѣшилъ говорить только шопотомъ. Чуть темнѣетъ. Всѣ мы голодны и у всѣхъ насъ ничего нѣтъ. Кое какіе запасы есть только у самого полковника. Его жена дѣлитъ скудные запасы между всѣми: на долю каждаго выпадаетъ кусочекъ сала и понемножку сахара. Хлѣба нѣтъ. Но и это уже кажется намъ блаженствомъ.

Затѣмъ полковникъ Стессель шепчетъ своимъ задыхающимся голосомъ.

— Будемъ пробиваться... Еще лучше, что насъ такъ мало... Маленькимъ отрядомъ легче пройдемъ. Но вотъ что... У меня есть деньги... казенныя... Что то... словомъ нѣсколько милліоновъ... Я ихъ больше не могу таскать... Экипажъ пришлось бросить. Поэтому сейчасъ раздѣлю ихъ между вами, — поровну.

Началась дѣлежка. Долго мы считали. Въ концѣ концовъ вышло 140 слишкомъ тысячъ на человѣка—„колокольчиками".

Кончили. Встали. Пошли.

Начиналась Майнъ-Ридовщина.

* * *

Ночь. Идемъ лѣсомъ, гуськомъ, слѣдъ въ слѣдъ, стараясь не шумѣть, молча... Кажется это называется ходить „волчьей тропой". Дѣйствительно наша жизнь становится звѣриной. Сколько мы будемъ такъ бродить, не смѣя никуда прибиться?

Куда дѣться? По ту сторону Днѣстра — большевики, по эту — румыны. Планъ полковника Стесселя, очевидно, — скользить между тѣми и другими, пользуясь плавнями, зарослями и лѣсами, вдоль Днѣстра. Но вѣдь ѣсть то надо. И отогрѣваться отъ времени до времени тоже надо. Итти еще можно, но спать въ лѣсу на снѣгу...

Не выдержимъ... Морозъ уже больше десяти градусовъ, вѣроятно.

Неожиданно въ лѣсу въ полной темнотѣ натыкаемся на кого то. Оказывается генералъ Васильевъ. Какимъ образомъ онъ попалъ сюда, невозможно понять. Онъ совершенно истощенъ. У кого то еще находится по счастью кусокъ сала... Впрочемъ, не все ли равно... Дни этого человѣка уже были сочтены...

* * *

Трудный походъ. Поминутно приходится перебираться съ одного берега на другой. Берега обрывистые, крутые, обледенѣлые. На этихъ переправахъ скоро бросаемъ лошадей. Невозможно втащить ихъ на ледяную крутизну: онѣ остаются на льду. Послѣдніе вьюки бросаютъ. Но ординарцы полков-

ника Стесселя навьючиваютъ на себя два узла. У остальныхъ ровно ничего, кромѣ винтовокъ. Впрочемъ у меня, слава Богу, и винтовки нѣтъ, — обхожусь револьверомъ.

* * *

Нѣтъ, положительно изнемогаемъ. Какъ трудно итти ночью черезъ всѣ эти проклятые переправы, канавы, овраги, сады, заборы . . . Проваливаешься, скользишь, падаешь, снова подымаешься, чтобы снова провалиться . . .

Мы, шесть человѣкъ, держимся рядышкомъ, цѣпочкой! Все таки легче, уютнѣе, когда около тебя — свои.

Охъ, эти переправы черезъ Днѣстръ. Когда они кончатся. Раиса Васильевна упала и расшибла високъ. Это становится въ общемъ непереносимо. Надо во что бы то ни стало куда нибудь зайти погрѣться, отдохнуть. Нѣтъ же просто силъ . . .

Сейчасъ мы на большевистскомъ берегу. Это что такое?

Домикъ. Кажется — пустой. Надо зайти. Рѣшаемся. Втягиваемся.

Но не успѣлъ я еще войти — стоялъ въ сѣняхъ, набитыхъ людьми, какъ около дома что то произошло. Я смутно почувствовалъ, что насъ окружаютъ. Бросился изъ сѣней на дворъ.

Дѣйствительно это были какіе то люди съ винтовками. Они кричали своимъ:

— Товарищи, въ цѣпь!

Намъ было категорически запрещено полковникомъ Стесселемъ пускать въ ходъ оружіе, но все же кто то выстрѣлилъ изъ револьвера. Въ то же мгновеніе всѣ наши высыпали изъ хаты, и раздалось приказаніе.

— Къ рѣкѣ! На тотъ берегъ!

Мы стали поспѣшно драпать, по глубокому снѣгу. „Товарищей" было очевидно не много: они насъ не преслѣдовали. Впрочемъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Перебѣжавъ рѣку, мы опять очутились на румынскомъ берегу. Здѣсь мы ждали долго, потому что нѣсколькихъ человѣкъ не хватало. Изъ нихъ кое кто пришелъ, но не всѣ. Въ томъ числѣ не пришелъ генералъ Васильевъ. Позднѣе я узналъ, что онъ не миновалъ своей судьбы и застрѣлился,

какъ обѣщалъ тогда румынамъ. Его трупъ ашли на льду румыны, откуда это и стало извѣстно.

* * *

Нечего дѣлать. Надо устроить спальню въ лѣсу на снѣгу. Отдохнуть необходимо во что бы то ни стало, хоть два— три часа. Полковникъ Стессель приказываетъ сдѣлать привалъ. Холодно невозможно.

Мы думаемъ надъ тѣмъ, какъ улечься. Рѣшаемъ улечься вчетверомъ, пробуемъ такъ: снять двѣ шинели, постелить на снѣгъ. Улечься всѣмъ четыремъ рядомъ, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Накрыться двумя остальными шинелями.

Улеглись. Задремали. Но черезъ короткое время — „кончилось счастье“. Нѣтъ возможности! . . . Средніе еще кое какъ, но крайніе замерзаютъ. Вскакиваемъ, ходимъ, запускаемъ „бѣгъ на мѣстѣ“. Потомъ опять укладываемся, уже каждый одѣтый въ свое, но опять прижавшись другъ къ другъ. Задремали.

Нѣтъ возможности! Опредѣленно замерзнемъ . . .

И такъ до разсвѣта. Что за пытка!

* * *

Разсвѣтъ. Пошли. Осторожно пробираемся въ румынскомъ лѣсу. Вышли на какую то полянку, за которой начинаются сады: Вотъ брошенный шалашъ. Дождемся здѣсь солнца.

Вотъ оно взошло. День ясный. Красиво ложатся синія тѣни на снѣгу. Акъ, если бы это солнце поскорѣе грѣло. Какъ этотъ Ляля выдерживаетъ въ своей несчастной англійской шинели! „Страдающая газель“ съ каждымъ часомъ усиливается въ его лицѣ. Декадентскія ноги безпомощно смотрятъ внутрь. Османлиская шапка плотнѣе наѣхала на брови. Что за несчастная замерзающая кривулька! Но иногда онъ все таки разражается хихиканьемъ . . .

— Ляля, что съ тобой?

Алеша, если бы былъ живъ, сказалъ бы:

— Ляля, plusquamperfecium?
Бѣдный Алеша...

* * *

Полковникъ Стессель все разсматриваетъ карту. Тутъ гдѣ то, неподалеку, должна быть деревня Талмазы, верстахъ въ трехъ. Итти туда нельзя: румыны выгонятъ. Но если бы послать кого нибудь въ одиночномъ порядкѣ за провизіей...

Кстати среди насъ оказывается офицеръ, который говоритъ по румынски. Онъ называется у насъ „поручикъ переводчикъ".

Рѣшаемъ такъ: добраться до первой дороги и послать поручика переводчика въ Талмазы. Остальнымъ ждать его возвращенія въ лѣсу.

* * *

Ждемъ. Ждемъ давно. Уже за полдень. Слава Богу день яркій; на солнцѣ стало тепло. Мы четверо держимъ безсмѣнный караулъ на лужайкѣ, гдѣ солнце особенно грѣетъ. Прислонившись къ дереву можно и подремать. Какое это счастье, въ особенности для Ляли, у котораго опять припадокъ маляріи. Счастье еще усиливается, когда поручикъ Л. приноситъ откуда то полчашки снѣга, смѣшаннаго со спиртомъ. Къ тому же еще оказывается у кого то кусочекъ сахару. О, блаженство...

* * *

Когда солнце заходитъ, становится хуже. Морозъ сразу забираетъ ходъ. Онъ мѣтитъ подобраться къ пятнадцати градусамъ. Поручика переводчика все еще нѣтъ. Темнѣетъ. Все холоднѣе. Что дѣлать. Костра развести нельзя.

Я иду поговорить со Стесселемъ.

— Поручика переводчика не будетъ. Онъ или сбѣжалъ, или его захватили. Надо двигаться... Замерзли...

— Подождемъ до восьми вечера.

Легко сказать... Я жалуюсь ему, что сынъ замерзаетъ.

— Давайте его сюда.

У Стесселя есть большая шуба. Онъ заворачиваетъ Лялю въ нее и укладываетъ его на снѣгъ. Изъ Ляли и шубы образуется соблазнительная подушка, которой немедленно пользуется человѣкъ двадцать пять. Теперь онъ не замерзнетъ!

Мы бродимъ вокругъ этого сосредоточія тѣлъ, жмущихся другъ къ другу. Въ полковникѣ Стесселѣ все таки чувствуется центръ и начальникъ.

Удивительно, какъ держится эта сестра. Совсѣмъ не теряетъ бодрости и подкармливаетъ насъ кусочками сахара, который оказался у нея въ сумкѣ. Двое вѣстовыхъ жадно грызутъ какія то кости. На нихъ ничего нѣтъ, на этихъ костяхъ, но все таки многіе смотрятъ на вѣстовыхъ съ завистью.

Мы пробуемъ съ поручикомъ Л. улечься вдвоемъ. Задремали. Вскочили, — замерзли. Нѣтъ, лучше попробовать тамъ со всѣми въ общей кучѣ. Я кладу голову на чью то спину; кто то въ свою очередъ наваливается на меня и къ моему удовольствію накрываетъ мои ноги. Такъ легче. Я засыпаю.

Просыпаюсь отъ того, что Раиса Васильевна будитъ мужа.

— Пора, — шепчетъ она ему тихонько.

— Еще минуточку...

Онъ, большой полковникъ съ хриплымъ басомъ, въ эту минуту совсѣмъ, какъ ребенокъ...

Что то теплое и человѣческое проходитъ гдѣ-то около сердца, несмотря на пятнадцать градусовъ мороза...

* * *

Нечего дѣлать. Пошли. Поручика переводчика нѣтъ. Сгинулъ куда то. Съ нимъ потеряна и надежда на провизію. Голодъ мучаетъ, но надо итти. А то замерзнемъ.

Куда итти? Стессель рѣшаетъ обойти лѣсомъ Талмазы, въ которыхъ онъ предчувствуетъ румынскую стражу, и добраться до другой деревни, верстахъ въ пяти отъ Талмазъ.

— Но какъ же мы будемъ держать направленіе ночью въ лѣсу?

— По компасу. Вотъ полковникъ пойдетъ впередъ... А вы, пожалуйста, еще возьмите кого нибудь и будьте цѣпочкой между нимъ и остальной колонной. Мы будемъ итти

немножко сзади, потому что передовымъ надо прислушиваться...

Пошли. Теперь я знаю, что значитъ ходитъ по компасу ночью въ лѣсу, да еще зимой. Первая бѣда, что темно: этого самаго компаса не видишь. Вторая бѣда, что держать прямое направленіе черезъ чащу, кусты, овраги, упавшія деревья, болота и рѣчки — совершенно невозможно. Третья бѣда, что постоянно проваливаешься въ снѣгъ. А четвертая бѣда въ томъ, что полковникъ генеральнаго штаба думаетъ, что ведетъ насъ по компасу, а я думаю, что, навѣрное, мы крутимъ на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, мы идемъ. Безконечно идемъ. Богъ его знаетъ, что насъ еще держитъ. Морозъ все усиливается. Но мы становимся какими то неразсуждающе обреченными. Идемъ, и больше ничего.

И вотъ кончается лѣсъ, и начинается серія полузамерзшихъ болотъ и рѣчекъ. Кружимъ тутъ безъ конца. Двадцать разъ переходимъ по тонкому льду, готовому ежеминутно провалиться. Въ другихъ мѣстахъ безконечно обходимъ колѣна ручьевъ не замерзшихъ, отыскивая переправу. Какой тутъ компасъ! Волчокъ, а не компасъ.

И вотъ еще какая то рѣчка. Я долго ищу болѣе или менѣе надежнаго льда. Ну, вотъ нашелъ. Прошелъ. За мной прошелъ Ляля. Потомъ мой податной инспекторъ. За нимъ на ледъ входитъ поручикъ Л. Но въ эту же минуту его нагоняетъ полковникъ Стессель, спѣша почему то къ головѣ колонны. Съ нимъ его жена. И въ то же мгновеніе всѣ трое проваливаются по поясъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы находимъ какой то шалашъ, гдѣ супруги переодѣваются; благодаря Богу, у нихъ что то нашлось сухое. Но у поручика Л. сухого нѣтъ. Пятнадцать градусовъ мороза... Это грозитъ совсѣмъ скверной исторіей.

* * *

Я настаиваю, чтобы бросить этотъ проклятый компасъ, выйти на дорогу и итти въ первую попавшуюся деревню. Если румыны позволятъ намъ остаться хоть до утра, мы все таки на этомъ дѣлѣ выиграемъ, потому что въ противномъ случаѣ мы опредѣленно замерзнемъ...

Стессель соглашается, и скоро мы выбиваемся на дорогу. Хотя трудно сказать, что это въ общемъ, рѣка или дорога, — сплошь ледъ. Нѣтъ, кажется дорога. Вотъ начинаются заборы, сады. Хотя эти сады безконечны, но все же будетъ какая то деревня. Такъ и есть. Несомнѣнно деревня близко.

Стессель приказываетъ мнѣ итти въ развѣдку вчетверомъ. Мы идемъ. Податной инспекторъ, поручикъ Л., Ляля и я. Колонна остается на мѣстѣ.

Да, вотъ деревня. Пора, мы еле передвигаемъ ноги. Положительно это послѣднія силы. Вотъ какой то глубокій оврагъ. Черезъ него мостъ. Мы тихонько пробираемся по мосту.

Что такое? Крикъ, выстрѣлъ... румыны, конечно. Надо драпать.

Мы драпаемъ. Но какъ, Боже мой!... Такъ, какъ ходятъ калѣки или глубокіе старики. Ноги не отдѣляются отъ земли. За нами бѣгутъ, стрѣляютъ. Намъ не уйти. И притомъ куда бѣжать? Къ своимъ? но Стессель запретилъ наводить на колонну. Значитъ, что? Значитъ надо „сдаваться".

Мы останавливаемся, и набѣжавшіе румыны берутъ насъ „въ плѣнъ". Отбираютъ оружіе и почему то часы. Затѣмъ ведутъ черезъ этотъ самый мостъ и вводятъ въ какой то домикъ, очевидно караульное помѣщеніе...

Горячій воздухъ совершенно опьяняетъ насъ блаженствомъ. Это надо испытать, чтобы понять. Тепло послѣ столькихъ безконечныхъ часовъ замерзанія имѣетъ въ себѣ что то чарующее. Къ тому же выясняется, что можно купить хлѣбъ за десять рублей фунтъ царскими деньгами.

Эти люди въ общемъ весьма приличны. Когда мы поѣли, они предложили намъ спать; на полу, конечно, но что то постелили. Сами улеглись на скамейкахъ. Мы заснули свинцовымъ сномъ, снявъ только обувь. Чистое блаженство, если бы только не, не...

Почему то всегда, когда описываются великія вещи, вродѣ войнъ и революцій, забываютъ объ этомъ. Ни у одного писателя вы этого не найдете. А между тѣмъ вши это одинъ изъ факторовъ міровой исторіи, о которомъ не слѣдуетъ

умалчивать. Смѣйтесь, смѣйтесь, — но все же надо твердо себѣ навсегда замѣтить, что и война и революція процессы... „вшивые".

* * *

Странно. Я проснулся и вижу все кругомъ знакомыя лица. Вотъ полковникъ такой то, тамъ поручикъ такой то. Какъ они сюда попали? Соображаю, что очевидно прибились ночью, когда мы спали, можетъ быть пошли насъ искать, а то просто не выдержали мороза.

Постепенно просыпаются. Приходитъ румынскій офицеръ. Мы начинаемъ съ нимъ разговаривать, по французски, конечно. Онъ выражаетъ намъ какое то сочувствіе. Я, по просьбѣ остальныхъ, начинаю писать телеграмму румынскому генералу Коанда, съ которымъ когда то былъ знакомъ. Въ телеграммѣ изложена просьба ходатайствовать передъ властями о разрѣшеніи временно остаться въ Румыніи. Я не дописалъ телеграммы, потому что выяснилось, что ее не пошлютъ.

Но гдѣ полковникъ Стессель? Оказывается, онъ лежитъ гдѣ то неподалеку, совершенно больной. Его жена полузамерзла. Послѣдніе прибившіеся сюда передали просьбу прислать подводу. Я встаю. Къ удивленію моему мои ноги сравнительно благополучны. Но другіе... У Ляли скверно съ ногами — сильно приморожены. То же самое съ поручикомъ Л.

Румыны выпускаютъ меня въ сосѣднюю хату, гдѣ я нахожу поручика-переводчика, захваченнаго наканунѣ. Тутъ же Одинецъ, кіевскій дѣятель. Онъ надѣется, что его не выбросятъ отсюда, такъ какъ онъ бывшій украинскій министръ. Попалъ онъ сюда вмѣстѣ съ отрядомъ „Союза Возрожденія", судьба котораго была очевидно въ родѣ нашей.

Изъ его словъ я понимаю, что насъ ждетъ, повидимому: насъ отправятъ обратно къ большевикамъ.

Съ этой веселой новостью возвращаюсь къ своимъ. День чудный. Солнце ярко свѣтитъ; часовъ двѣнадцать. Въ караулкѣ биткомъ набито; жадно ѣдятъ и пьютъ вино, которое крестьяне приносятъ въ флягахъ военнаго образца, кажется, рублей двѣнадцать за флягу царскими деньгами. Умиляемся дешевизной. Входятъ румынскіе солдаты, офицеры и что то такое говорятъ въ томъ смыслѣ, что насъ отведутъ въ Бен-

деры, гдѣ есть иностранный консулъ, къ которому мы и можемъ обратиться. Это въ отвѣтъ на усиленныя жалобы и просьбы не отправлять къ большевикамъ.

Выстраиваютъ на улицѣ. Человѣкъ тридцать — всѣ тѣ, кого могли поднять. Часть осталась лежать, или слишкомъ истомленная, или съ сильно отмороженными ногами. Румынскій караулъ окружаетъ насъ. Пошли.

Какая же это была деревня? Оказывается, тѣ самыя Талмазы, которыя мы въ теченіе нѣскольких часовъ „обходили"... по компасу.

Идемъ какими то безконечными садами, тропинками, протоптанными въ снѣгу, на которыхъ лежатъ синія тѣни отъ фруктовыхъ деревьевъ...

Куда насъ ведутъ? Это что то не похоже на дорогу на Бендеры...

Звѣзды.

Хатка безъ оконъ и дверей. Хотя солнце ярко свѣтитъ, но въ общемъ порядочный морозъ. Въ хаткѣ развели костеръ. У Ляли сильнѣйшій припадокъ маляріи. Глаза, и такъ имѣющіе наклонность къ стилю „страдающей газели", стали совсѣмъ умирающими. Онъ лежитъ у костра. Я варю ему чай въ жестяной кружкѣ. Я набилъ ее снѣгомъ за неимѣніемъ воды, надѣлъ на палку и держу надъ костромъ. Румынскіе солдаты, которые минутами производятъ впечатлѣніе разбойниковъ, умиляются, узнавъ, что онъ мой сынъ. Они немножко, какъ дѣти, — эти румыны. Ихъ воображеніе очевидно поражаетъ, что вотъ отецъ и сынъ воюютъ вмѣстѣ, и что сынъ тяжело заболѣлъ. По ихъ глазамъ я вижу: они думаютъ, что онъ умретъ. Ляля, какъ будто инстинктивно чувствуя, что изъ этого можетъ произойти что нибудь толковое, артистически закатываетъ глаза; конечно, онъ сильно боленъ, но еще и притворяется на всякій случай.

* * *

Этотъ „всякій случай" представился. Когда наступилъ вечеръ, румыны развернули свою настоящую природу. Они приступили къ намъ съ требованіемъ отдать или мѣнять то,

что у насъ было, т. е. попросту стали грабить. Сопротивляться было безполезно. Одинъ толстый полковникъ пробовалъ устроить скандалъ, вырывался, но его схватили, побили и отняли все, что хотѣли. Брали все, что можно. У однихъ взяли сапоги, давъ лапти, у другихъ взяли штаны, у третьихъ френчи, не говоря о всевозможныхъ мелочахъ, какъ то часы, портсигары, кошельки, деньги, кромѣ „колокольчиковъ". Разумѣется поснимали кольца съ рукъ. Словомъ, произошелъ форменный грабежъ.

Вотъ тутъ то и пригодилось Лялино закатыванiе глазъ. Они настолько умилились нами двумя, что не позволяли другъ другу насъ трогать. Я отдѣлался только тѣмъ, что съ меня стащили обручальныя кольца. Хотѣли снять и третье кольцо, особенно мнѣ дорогое, но когда я показалъ имѣющееся на немъ изображенiе Божiей Матери, не взяли.

* * *

Наступила темнота. Тогда румыны вывели насъ изъ хаты и повели куда то. Куда? Что это такое? Ясно. Это Днѣстръ.

Весьма энергичными жестами они показали намъ, что мы должны итти къ себѣ, въ Россiю. Къ себѣ въ Россiю — значитъ къ большевикамъ.

Дѣлать было нечего Мы пошли. Спустились съ крутого берега, вступили на ледъ. Чтобы мы не вздумали вернуться, очевидно, румыны пустили намъ нѣсколько выстрѣловъ вслѣдъ.

Не скажу, чтобы самочувствiе наше было сладкое. Вправо и влѣво отъ насъ рѣка, напротивъ — чуть виднѣется большевистскiй берегъ. Тамъ . . .

Ясно, что „тамъ" можетъ быть . . .

Что дѣлать? Мы пошли такъ-просто, прямо передъ собой по льду. Ни въ какомъ порядкѣ, а кто куда. Мнѣ вдругъ показалось, что итти такъ, это самое нелѣпое изъ всего. Я позвалъ ихъ и сказалъ имъ, что хотя мы и безъ оружiя, но все таки мы военные, и то мы должны избрать кого нибудь своимъ начальникомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ у насъ все таки больше шансовъ на спасенiе, чѣмъ если каждый будетъ дѣйствовать въ одиночку. Всѣ согласились, и какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ съ „инициаторами", заставили меня „принять бразды правленiя". Я принялъ.

И вотъ мы пошли. Гуськомъ, волчьей тропой, — вверхъ по Днѣстру. Я шелъ впереди. Я рѣшилъ итти по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока можно. Я разсчитывалъ такъ: если появятся большевики, можно броситься на румынскій берегъ, если румыны, — на большевистскій. На всякій случай я запретилъ кому бы то ни было съ кѣмъ бы то ни было разговаривать, сказавъ, что всѣ переговоры буду вести я лично.

Такъ мы и шли. Вдругъ съ праваго отъ насъ берега, т. е. съ большевистскаго, кто то спросилъ изъ темноты:

— А куды жъ це вы такъ идете?...

Я отвѣтилъ:

— А куда жъ намъ итти. Съ одного боку румыны въ насъ стрѣляютъ, съ другого — вы... Вотъ такъ и идемъ рѣкою.....

Послѣ нѣкоторой паузы изъ темноты донесся отвѣтъ:

— Та не вси же въ васъ стрѣльяють...

Я понялъ.

Приказавъ колоннѣ остаться на мѣстѣ, я подошелъ къ человѣку.

— Кто вы будете?

— Здѣшній. Хлѣборобъ.

— Ваша хата далеко?

— Ни, тута...

— Нельзя къ вамъ зайти, погрѣться. Замерзли сильно...

— Та можно... Только чтобы чего не було.

— А что?

— А вчера такъ же до меня зайшлы... такъ прибигли, да роздили до рубашки...

— Кто?

— Да эти... свои... хлопцы...

— Дивизіи Катовскаго?

— Ни, ни... Катовскій хорошій человѣкъ. Катовскій не приказываетъ, чтобы раздѣвали... Ну, заходьте жъ до мене... Много васъ?

— Человѣкъ тридцать.

— Ну, якъ нибудь... Погрѣйтесь...

* * *

Уютная, хотя маленькая хатка. Мы набили ее „до отказа“ — всѣ втиснулись. Молодая хозяйка смотритъ на насъ съ печки добрыми сочувствующими глазами. Я говорю:

— Итакъ, господа, вы ставите мнѣ задачу довести васъ до Катовскаго, чтобы вы могли сдаться ему... Это общее мнѣніе всѣхъ?

Всѣ „соизволяютъ“ единогласно.

— Хорошо... Я выведу васъ къ Катовскому. Но предупреждаю, что лично для себя оставляю свободу дѣйствій... Ну, дорогой хозяинъ, какъ же намъ пройти къ Катовскому?

Оказывается, это очень трудно. Катовскій находится въ Тирасполѣ. Отсюда верстъ двадцать. Двѣ серіозныя опасности на пути. Во первыхъ, вотъ это ближайшее село, на окраинѣ котораго мы сейчасъ находимся. Здѣсь живетъ самый „раздѣвальный народъ“. Всѣ они вооружены и, если попасться къ нимъ, пустятъ нагишомъ по морозу. Вторая опасность — на большомъ шляху, что ведетъ въ Тирасполь: большое село „Слободзея“. Его непремѣнно нужно обминуть: тамъ такіе разбойники живутъ, что никакъ не пройти. Всю ночь караулъ держатъ и грабятъ до нага.

Я предложилъ ему проводить насъ хоть часть пути. Онъ колеблется. Мы упрашиваемъ. У меня есть „керенки“ — послѣдняя выручка „Кіевлянина“. Я предлагаю вознагражденіе.

— Та иди вже. Треба людямъ допомогти, — говоритъ молодица съ печки.

За тысячу „керенокъ“ онъ соглашается.

Отогрѣлись, надо итти. Но вотъ еще одно дѣло, крайне непріятное: надо снимать погоны.

— Недолго я ихъ носилъ. Но все же какъ то ужасно непріятно ихъ спарывать. Опущеніе полученной оплеухи...

* * *

Какими то таинственными садами, останавливаясь, прислушиваясь, соблюдая величайшую осторожность, онъ ведетъ насъ. Крадемся безшумно. Эту деревню прошли благополучно. Вотъ степь. Мы упрашиваемъ его еще немного проводить

насъ; онъ немного идетъ, но наконецъ рѣшительно останавливается,

— Куда жъ теперь намъ итти?

Передъ нами безконечная степь, покрытая снѣгомъ. Яркое звѣздное небо. Сильный морозъ.

— А вотъ я вамъ разскажу. Все идите степомъ . . .

— Да куда жъ степомъ?

— А вотъ такъ, на эту звѣзду возьмите. Городъ будетъ трошки лѣвѣе. А вы — на эту звѣзду . . . Такъ, чтобы большакъ у васъ всегда былъ съ лѣвой руки.

— Да какъ же такъ? Гдѣ же этотъ большакъ? И какъ же мнѣ его не потерять?

— Вы такъ идите, чтобы собаки у васъ завсегда брехали съ лѣвой руки. Близко къ деревнѣ не подходите. А самое главное, чтобы вамъ Слободзею обминуть . . . Це большое село. Верстъ семь будетъ . . . Якъ не будете слышать собакъ, такъ лѣвѣй берыть . . . А якъ зайдете такъ, що село блызко — опять правѣе въ степъ . . . Такъ и идыть, — отъ на цю звѣзду . . . А подъ самымъ городомъ выходыть на большакъ, — тамъ вже ничего . . .

И пошли. Я во главѣ колонны, они всѣ за мной, гуськомъ. Держа пока на звѣзду. Холодно, дьявольски холодно . . .

* * *

Все веду. Мѣняю звѣзды, потому что они движутся — и я „дѣлаю поправки". Кромѣ того, у кого то оказывается компасъ. Все таки онъ даетъ возможность оріентироваться хотя нѣсколько. Это не то, что лѣсъ. Я помню приблизительно карту. Мы находимся въ углу, образуемомъ большакомъ и желѣзной дорогой; если мы уклонимся на западъ, мы рано или поздно наткнемся на большакъ; если уклонимся на востокъ, попадемъ на линію желѣзной дороги. И большакъ, и колея ведутъ къ Тирасполю.

Но почему такъ холодно? Вѣроятно градусовъ около пятнадцати. Поручикъ Л. опредѣленно начинаетъ замерзать. Ляля идетъ какъ сомнабула. Мой податной инспекторъ ничего, — оказывается неожиданная выносливость въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ. Побаиваюсь за одного стараго полковника, какъ бы не упалъ.

Веду. Охъ, эти яркія звѣзды. Блестящія, лучистыя. Это отъ нихъ идетъ этотъ нестерпимый холодъ.

Гдѣ то я видѣлъ уже все это. Да, да. Это было въ Одессѣ. Мнѣ приснились алмазы — огромные, сверкающіе. Это вотъ они были.

* * *

Пересѣкаю какіе то сады. Понять трудно, что это такое. Но, повидимому, это гдѣ то въ степи. Жилья нѣтъ. Впрочемъ, это что? Да, пустая, очевидно лѣтняя хатка безъ оконъ и дверей. Все равно, надо зайти, все таки согрѣемся. Все равно до разсвѣта далеко. Намъ не выгодно приходить въ Тирасполь ночью. А тутъ все же хоть на полчаса избавишься отъ этой ледяной струи, которая незамѣтно, но неумолимо вымораживая душу, вѣетъ надъ степью...

Ночной зефиръ струитъ эфиръ...

Можетъ ли быть еще холоднѣе!...

* * *

Чуточку отогрѣлись въ хаткѣ. Ссоримся, конечно, по русскому обычаю. Одни хотѣли еще погрѣться, другіе все время нервничали и увѣряли, что мы губимъ себя и теряемъ время. Я не слушаю всѣхъ этихъ ламентацій и засыпаю на полчаса.

* * *

Но надо итти. Морозъ сталъ еще рѣзче.

Веду. Нѣтъ, эти звѣзды, положительно нестерпимы. Онѣ становятся такими яркими и огромными... Отъ нихъ тянутся невѣроятные лучи... Эти лучи неяснымъ свѣтомъ освѣщаютъ снѣгъ вокругъ меня... Отчего они свѣтятъ только здѣсь — какое то сіяніе передо мной...

Я просыпаюсь въ канавѣ. Случай маловѣроятный, но фактъ: я велъ ихъ во снѣ. Спалъ весь организмъ, кромѣ глазъ. Глаза были гипнотически прикованы къ этимъ звѣздамъ, и я велъ ихъ вѣрно, но сознаніе остальной дѣйствительности исчезало. И я просыпался то въ канавѣ, то въ ямѣ, то наткнувшись на что нибудь.

Что это такое? Брешутъ собаки слѣва? Да, брешутъ. Ну слава Богу, значитъ идемъ вѣрно . . .

* * *

Вѣрно, вѣрно, а вотъ почему у меня выросла деревня впереди. Сначала не понимаю, а потомъ соображаю. Это должно быть поперечная улица этой самой Слободзеи. Значитъ что? Значитъ надо ее обминуть, взять прямо на востокъ, потомъ на сѣверъ, потомъ на западъ и снова подойти къ большаку.

Обхожу. Увожу довольно далеко въ сторону. Чувствую, что колонна за мной начинаетъ нервничать. Съ правой стороны меня нагоняетъ какой то полковникъ.

— Куда вы насъ ведете? Собакъ больше не слышно . . .

Я поворачиваю на западъ. Черезъ нѣкоторое время собаки начинаютъ заливаться, и смутныя очертанія села вырисовываются. Слышу слѣва отъ себя торопливые шаги. Подбѣгаетъ другой полковникъ.

— Что вы съ нами сдѣлали? Собаки подъ самымъ носомъ!

Беру снова больше въ степь быстрымъ шагомъ. Опять бѣжитъ кто то.

— Слушайте, не у всѣхъ же такія длинныя ноги, какъ у васъ. Не бѣгите такъ!

Замедляю шагъ. Бѣжитъ кто то слѣва. Четвертый полковникъ.

— Ради Бога идите скорѣе! Мы замерзаемъ . . .

Съ меня было довольно. Я разозлился и какой то рѣзкостью прекратилъ балаганъ. Но впрочемъ въ одномъ мѣстѣ — заснулъ ли я опять, глядя на звѣзды, или уже не помню отчего, — но я увидѣлъ деревню передъ собой только тогда, когда вспыхнулъ огонекъ трубки, которую очевидно кто то курилъ. Положительно, я плохой вожакъ по волчьей тропѣ . . .

Но вѣдь эти звѣзды могутъ съ ума свести человѣка . . .

* * *

Какъ бы тамъ ни было, но передъ разсвѣтомъ я ихъ вывелъ на большакъ. Впереди была какая то деревня, очевидно послѣдняя передъ Тирасполемъ. Въ хаткахъ уже свѣ-

тились огни, что называется „на досвитки". Мы теряли последнія силы и буквально замерзали. Я рѣшилъ, что бы съ нами ни случилось, зайти въ эти хатки, такъ тепло зовущія огоньками. Была не была.

* * *

Зашли, и очень хорошо. Никто насъ не тронулъ. Было тепло; пили чай и подремывали до разсвѣта. Хозяева спрашивали, кто мы такіе. Публика усиленно называла другъ друга „товарищи", что было нелѣпо. Ибо мужики вовсе не такіе глупые, какъ иногда кажутся...

Наступилъ разсвѣтъ. Я считалъ свою миссію оконченной.

— Господа, вотъ Тирасполь. Задачу, вами мнѣ поставленную, я выполнилъ... Съ этой минуты снимаю съ себя бразды правленія и совѣтую слѣдующее. Разбиться на мелкія группы и въ такомъ „строю" итти къ Катовскому сдаваться, кто хочетъ. Прошу также отъ меня держаться подальше, ибо у меня съ большевиками счеты особые; я могу совершенно безъ нужды отягчить чью нибудь участь...

Такъ и сдѣлали.

У Катовскаго.

Мы шли вчетверомъ — поручикъ Л., мой податной инспекторъ, Ляля и я. Шли по дорогѣ, залитой солнцемъ. Даже нельзя себѣ представить, что было такъ невыносимо холодно ночью.

Вотъ идетъ какая то конная часть. Очевидно эскадронъ дивизіи Катовскаго. Очень приличный внѣшній видъ. Хорошія лошади, сѣдла, аммуниція — все въ порядкѣ. Если бы они носили погоны, это напоминало бы старую русскую армію.

Мы бредемъ по дорогѣ вдоль плетней.

— Вы кто такіе?

Это спрашиваетъ офицеръ — не офицеръ, ну словомъ то, что у нихъ замѣняетъ офицера, — „товарищъ командиръ".

— Мы... мы плѣнные...

Это тутъ такъ принято отвѣчать. Не въ первый разъ насъ уже спрашиваютъ. Эта дорога въ Тирасполь очень напоминаетъ мнѣ что то такое. Гдѣ это было? Да, это было

въ Галиціи, когда мы брали въ плѣнъ австрійцевъ. Они вотъ такъ шли по дорогамъ, отъ одного этапнаго команданта къ другому. Никто ихъ не трогалъ, шли себѣ. Такъ и мы идемъ. И много такихъ же стаекъ, какъ наша.

— Такъ вы плѣнные... Полковника Стесселя?

— Да.

— Ну, такъ вамъ къ коменданту... Въ Тирасполь — прямо...

* * *

Вошли въ предмѣстье города.

— Товарищи, будемъ мѣняться!

Это онъ ко мнѣ обращался. Въ воротахъ стоялъ мальчишка-красноармеецъ.

— Что мѣнять?

— Вотъ папаху мѣнять...

Я стараюсь сообразить, что можетъ изъ этого выйти. Пожалуй, моя офицерская папаха дѣйствительно мнѣ сейчасъ „безъ надобности".

И въ то же мгновенье мелькнула мысль, вѣрнѣе планъ,— переодѣться этимъ способомъ. Мальчишка какъ бы понялъ мои мысли. Онъ сказалъ:

— Вамъ, товарищъ, въ вашемъ положеніи лучше мѣняться.

Я согласился и вымѣнялъ папаху. То, что онъ мнѣ далъ, было нѣчто сногсшибательное: какая то собачья шапка какой то дикой формы. Моя внѣшность въ „товарищескомъ" смыслѣ отъ этого сразу выиграла.

Мы пошли дальше. Теперь я уже самъ посматривалъ, нельзя ли вымѣнять и бекешу на какое нибудь штатское пальто. Одновременно я сталъ соображать, что все же тутъ не обойдется безъ какого нибудь обыска. Въ всѣхъ воротахъ стояли „товарищи", и въ воздухѣ пахло заставой. Мой податной инспекторъ былъ въ штатскомъ пальтишкѣ. Я рѣшилъ, чтобы онъ отдѣлился отъ насъ и шелъ впередъ самостоятельно, взявъ съ собой всѣ деньги. Его пропустятъ.

Это было сдѣлано во время. Дѣйствительно, къ намъ подошелъ патруль или что то въ этомъ родѣ. Во главѣ

былъ молодой офицеръ — не офицеръ, словомъ, человѣкъ весь въ кожаномъ. Но лицо у него было симпатичное. Я почувствовалъ, что надо взять инціативу и предупредилъ его вопросъ.

— Товарищъ, не хотите ли мѣняться на мою бекешу?

Бекеша была у меня очень недурна. Онъ окинулъ меня взглядомъ и отвѣтилъ:

— А вамъ навѣрное надо штатское пальто... У меня есть, вамъ подойдетъ... черное... Идите со мной.

Мы пошли по улицамъ. День былъ теплый, и солнце ласково грѣло. Не помню, какъ начался разговоръ. Онъ сказалъ:

— Какъ мы всѣ довольны. что товарищъ Катовскій прекратилъ это безобразіе...

— Какое безобразіе? Разстрѣлы?

— Да... Мы всѣ этому рады. Въ бою, это дѣло другое. Вотъ мы нѣсколько дней назадъ съ вами дрались... еще вы адъютанта Катовскаго убили... Ну бой, такъ бой. Ну кончили, а разстрѣливать плѣнныхъ — это безобразіе...

— Катовскій хорошій человѣкъ?

— Очень хорошій... И онъ строго настрого приказалъ... И грабить не разрѣшаетъ... Мѣняться — это можно... У меня хорошее пальто, приличное.

Не знаю почему, разговоръ скользнулъ на Петлюру. Онъ былъ очень противъ него возстановленъ.

— Отчего вы такъ противъ Петлюры?

— Да вѣдь онъ самостійникъ.

— А вы?

— Мы... мы за Единую Недѣлимую.

Я долженъ сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полѣзли на лобъ. Три дня тому назадъ я съ двумя сыновьями съ правой и лѣвой руки, съ друзьями и родственниками, скифски — эпически дрался за Единую Недѣлимую именно съ этой дивизіей Катовскаго. И вотъ, оказывается, произошло легкое недоразумѣніе: они тоже за Единую Недѣлимую.

Мы подходили къ караулкѣ. Тутъ онъ, правда пониженнымъ голосомъ, сталъ чистить коммунистовъ. Къ этому

уже я былъ нѣсколько подготовленъ: я вспомнилъ тѣхъ двухъ делегатовъ Катовскаго на берегу Днѣстра:

— Сволочь коммунисты...

Этотъ говорилъ въ томъ же родѣ. Я посмотрѣлъ на него сбоку: не нашъ ли ты? Нѣтъ, онъ не былъ офицеръ. Это красный командиръ большевистской формаціи.

Мы вошли въ караулку. Какъ я и предвидѣлъ, безъ обыска не обошлось. Наступила рѣшающая минута, когда дѣло дошло до паспортовъ. У меня ихъ была цѣлая куча. Я рѣшилъ пойти напрямикъ. Я сказалъ ему:

— Товарищъ, я скрываться не буду. Вотъ мой настоящій паспортъ... А это подложные... А это совсѣмъ мнѣ не нужный... случайный... а вотъ эти — женскіе паспорта. Ихъ мнѣ надо отдать... Такъ вы этотъ заберите, ненужный, а остальные мнѣ отдайте...

Я внимательно смотрѣлъ ему въ лицо, когда онъ просматривалъ мой настоящій паспортъ.

— Василій Витальевичъ Шульгинъ...

Нѣтъ, онъ повидмиому не зналъ, ничего не слыхалъ обо мнѣ. Проѣхало...

Онъ сдѣлалъ такъ, какъ я ему говорилъ. Взялъ паспортъ, который я объявилъ ненужнымъ, а остальные отдалъ мнѣ. Вещей у меня собственно никакихъ не было. Нѣсколько фотографій. Впрочемъ, тутъ была одна маленькая подробность, которую я не знаю, стоитъ ли разсказать. У меня въ круглой коробкѣ отъ лепешекъ Вальда была цѣлая коллекція иконокъ, подаренныхъ мнѣ въ разное время. Онъ спросилъ:

— Можно взять одну на память?

— Возьмите.

Остальное онъ мнѣ все вернулъ.

Затѣмъ началась мѣна. Я обмѣнялъ бекешу на черное штатское пальто, не очень приличное, но возможное, самое подходящее къ моему положенію; обмѣнялъ френчъ на нѣчто достаточно невозможное. Уже не въ порядкѣ мѣны, а просто потому, что „вамъ, товарищъ, это не подходитъ, и все равно дальше отберутъ", — содрали съ меня кожаные хорошіе краги. Ихъ мнѣ было жалко.

Въ это же время происходила мѣна съ поручикомъ Л. и съ Лялей. Тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ лег-

кихъ недоразумѣній. Поручикъ Л. отказался мѣнять свое пальто, которое было во-первыхъ штатское, во-вторыхъ-теплое. А у „товарищей“ изъ караулки разгорѣлись глаза. Они стали „примушивать“ (чисто украинское слово отъ нѣмецкаго „müssen“).

Тогда „товарищъ командиръ“ вступился.

— Товарищи, нельзя принуждать... Помните, приказано только по соглашенію.

У Ляли оказались „колокольчики“, которыхъ онъ не успѣлъ передать. Ихъ быстро разобрали — „въ карты гулять“.

Въ общемъ — переодѣтые, мы продолжали путь. Ляля впрочемъ плохо переодѣлся; ему дали вмѣсто его англійской новой шинели рваную сѣрую.

Еще произошелъ маленькій инцидентъ. У Ляли была золотая ложечка, которую ему подарила какая то барышня на счастье, почему онъ ею дорожилъ. Одинъ изъ „товарищей“ отобралъ ее у него въ караулкѣ. Но не прошли мы и ста шаговъ, какъ онъ нагналъ насъ.

— Возьмите вашу ложечку, товарищъ. Не хочу...

Все шло благополучно. Но на какомъ то перекресткѣ къ намъ прицѣпились субъекты мрачнаго вида. Въ лаптяхъ, въ шинеляхъ съ обтрепанными полами, худые, видимо голодные.

Они задержали насъ.

— Давайте деньги!

— Какія деньги? Насъ уже обыскали тамъ...

Одинъ изъ нихъ мрачно смотрѣлъ на меня исподлобья.

— А я вамъ говорю, товарищъ, что у васъ есть деньги.

— Почему?

— Потому что вы казначей кадетской партіи...

Почему онъ вообразилъ меня казначеемъ кадетской партіи, врядъ ли можетъ объяснить даже Милюковъ. Но чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно, если бы поручикъ Л. вдругъ не впалъ въ злость. Онъ сталъ кричать на нихъ и показывать какіе то случайно оказавшіеся у него доисторическіе документы совѣтскаго происхожденія. Устрашенные не то печатью, не то его криками, они оставили насъ въ покоѣ.

Мы пошли дальше и вскорѣ встрѣтились съ податнымъ инспекторомъ, который благополучно пронесъ наши деньги сквозь всѣ заставы.

* * *

Грязный еврейскій заѣзжій дворъ въ предмѣстьи Тирасполя. Комнатка крохотная, какъ каюта. Кипитъ самоваръ, сравнительно тепло, сладкій чай, бѣлый хлѣбъ.

Морозныя испытанія, а въ особенности эти ужасныя звѣзды начинаютъ казаться только кошмаромъ. Неужели это было?

Но живой свидѣтель этому, совершенно израненныя ноги, съ почернѣвшими ногтями и гноящимися пальцами. Кромѣ того, это ясно видно по психическому состоянію, въ которое впали молодые — Ляля и поручикъ Л.

Какъ странно. Мы двое старшихъ, почти стариковъ, психически какъ то меньше подались. Очевидно все же наша впечатлительность значительно притуплена. А молодые, которые великолѣпно держались весь походъ, попавъ въ эти безопасныя условія, впали въ какое то состояніе „не въ себѣ“. Ляля совсѣмъ отсутствуетъ. Правда, у него не прекращаются припадки маляріи. Я пичкаю его хиной съ знаменитой ложечки. У него уже глаза не страдающей, а полупомѣшанной газели. Поручикъ Л., котораго пора уже называть Вовкой, хотя бы уже потому, что въ новомъ нашемъ положеніи онъ сталъ моимъ племянникомъ, — тоже слегка помѣшался. Такова реакція тепла, сытости и безопасности послѣ всѣхъ испытаній. Впрочемъ, есть еще одно условіе: грязь и вши. Если бы помыться и надѣть чистое бѣлье, пожалуй, „сомнамбулизмъ“ сразу прошелъ бы...

Но гдѣ наши? Гдѣ остальные?

* * *

Въ Тирасполѣ мы жили десять дней подъ чужими фамиліями. Старорежимные паспорта оказывались хорошими документами пока. Мы ходили свободно по улицамъ, иногда встрѣчая кое кого изъ офицеровъ, участниковъ нашего совмѣстнаго похода. За это время мы присмотрѣлись къ тому, что происходитъ въ городѣ.

Увы, пожалуй сравненіе (а его дѣлали мѣстные жители) было бы не въ пользу „бѣлыхъ"; судя по разсказамъ, наши части, которыя стояли здѣсь раньше, произвели обычный для этой эпохи дебошъ. А дивизія Катовскаго никого не обижала — это нужно засвидѣтельствовать — ни еврейскаго, ни христіанскаго населенія.

Мы нѣсколько разъ ходили къ коменданту, чтобы выяснить, что дѣлается. У коменданта стояла, какъ полагается, безконечная очередь въ два хвоста. Хвосты вели къ столику, гдѣ сидѣло два еврейчика. Субъекты эти записывали имена и фамиліи солдатъ, а также куда они хотятъ ѣхать. Все это были наши солдаты, сдавшіеся въ плѣнъ. Офицеровъ тутъ не было видно. Мы съ Лялей охотно посиживали у коменданта, потому что тамъ было тепло.

Мы отслужили панихиду по Алешѣ и по другимъ. Священникъ служилъ какъ то особенно хорошо, и удивительно пріятно было въ церкви. Церковь среди большевизма имѣетъ какую то особенную непонятную въ обычное время прелесть. Если бы отъ всей нашей земли ничего не осталось среди враждебнаго, чужого моря, а остался бы только маленькій островочекъ, на которомъ все по старому, такъ вотъ это было бы то, что Церковь среди Краснаго Царства.

Да, они пока не обирали, не разстрѣливали, не грабили. Можетъ быть въ такой дивизіи Катовскаго гораздо больше близкаго и родного, чѣмъ мы это думаемъ. Но все это пока... Пока здѣсь работаетъ что то человѣческое, вѣрнѣе сказать, что то общее всѣмъ намъ — русскимъ. Но вѣдь за этимъ стоитъ страшная изувѣрская сектантская сила, кровожадная, злобная, ненавидящая, которой, увы, подчинены всѣ эти „Катовскіе" и близкіе ему по духу...

Кстати о Катовскомъ.

Этотъ человѣкъ окруженъ легендой. Но вотъ, что мнѣ удалось болѣе или менѣе установить.

Онъ родомъ изъ Бессарабіи... Кажется, получилъ какое то среднее агрономическое образованіе. Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ убилъ. Убилъ человѣка, который оскорбилъ его сестру. Былъ сосланъ на каторгу. Бѣжалъ, вернулся въ Бессарабію, подъ чужимъ именемъ. Поступилъ

управляющимъ къ одной помѣщицѣ. Образцово управляя имѣніемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ самыя дерзкія нападенія и грабежи во всей округѣ, причемъ грабилъ только богатыхъ, будто бы, и широко помогалъ бѣднымъ. Долгое время полиція никакъ не могла установить, что этотъ полулегендарный не то Дубровскій, не то Робинъ-Гудъ, и Катовскій, образцовый управляющій, — одинъ и тотъ же человѣкъ. Но наконецъ его выслѣдили; подробности его ареста разсказываются со всякими украшеніями; словомъ, онъ былъ раненъ, арестованъ, снова судимъ и снова сосланъ. Революція 1917 года освободила его и онъ появился въ Одессѣ. Въ городскомъ театрѣ, въ фойе, одна изъ ограбленныхъ имъ дамъ узнала его и упала въ обморокъ. Онъ весьма галантно привелъ ее въ чувство. Затѣмъ отправился на митингъ, который шелъ въ театрѣ, и весьма шикарно продалъ съ аукціона въ пользу чего то, навѣрное свободы, свои кандалы за 5.000 рублей. Какъ онъ сталъ командиромъ дивизіи, я не знаю, но могу засвидѣтельствовать, что онъ содержалъ ее въ строгости и благочестіи, бывшій каторжникъ, — „honny soit, qui mal y pense". Въ особенности замѣчательно его отношеніе къ намъ — „плѣннымъ". Онъ не только категорически приказалъ не обижать плѣнныхъ, но и заставилъ себя слушать. Не только въ Тирасполѣ, но и во всей округѣ разсказывали, что онъ собственноручно застрѣлилъ двухъ красноармейцевъ, которые ограбили нашихъ больныхъ офицеровъ и попались ему на глаза.

— Товарищъ Катовскій не приказалъ, — это было, можно сказать, лозунгомъ въ районѣ Тирасполя. Сколькимъ это спасло жизнь...

Надо отдавать справедливость и врагамъ. Я надѣюсь, что если „товарищъ Катовскій" когда нибудь попадется въ наши руки, ему вспомнятъ не только „зло, имъ содѣянное", но и добро... И за добро заплатятъ добромъ.

* * *

Обѣдать мы ходили въ одну столовую. Это куда то въ подвалъ; тамъ были своды. На кровати лежала больная хозяйка, еще молодая, рыжевато-растрепанная. Она кляла весь міръ, какъ то забавно жалобно ругаясь послѣдними словами.

— Большевики, меньшевики, — чертъ, дьяволъ . . . чтобы они всѣ подохли, проклятые. Лазятъ тутъ... Что имъ надо...

Послѣ этого начинались длиннѣйшія ламентаціи на ту тему, какъ было хорошо при старомъ режимѣ, когда ни большевики, ни меньшевики, ни чертъ, ни дьяволъ не лазили, и все было прекрасно.

Впрочемъ, кормила она насъ хорошо и сравнительно довольно дешево.

Цѣны въ это время въ Тирасполѣ были слѣдующія: бубликъ стоилъ полтинникъ, фунтъ бѣлаго хлѣба десять рублей, чулки сто рублей, сахаръ песокъ сорокъ рублей, перочинный ножикъ сто рублей, обѣдъ изъ двухъ блюдъ обходился намъ 60 рублей; стаканъ чаю 3 рубля.

Но все же оставаться долго въ Тирасполѣ не представлялось возможнымъ. Скрываться въ маленькомъ городкѣ трудно. Пришлось думать о томъ, что съ собой сдѣлать. Рѣшено было пробраться тѣмъ или инымъ способомъ въ Одессу. Для этого прежде всего нуженъ былъ пропускъ.

* * *

Вагонъ гдѣ то на запасномъ пути . . . Около дверей, какъ всюду и вездѣ, очередь. Топчутся на морозѣ часами жаждущіе пропусковъ на выѣздъ изъ Тирасполя. Впрочемъ, нашелся благодѣтель, одинъ изъ „товарищей-красноармейцевъ“, роздалъ билетики, чтобы тѣ, которые сегодня не достоялись, уже завтра не мерзли.

Пришли завтра. Наконецъ вызываютъ. Я былъ подъ фамиліей . . . , но къ чему имена? Nomina odiosa sunt. Если бы этой поговорки не выдумали римляне, то ее слѣдовало бы изобрѣсти въ Совдепіи.

Купэ. У столика сидитъ товарищъ. При мнѣ онъ отказываетъ какой то еврейкѣ въ пропускѣ.

Ну, думаю, — если ей отказали, то что же намъ?

Еврейка ушла, товарищъ вопросительно смотритъ на меня.

— Прошу пропускъ въ Одессу. Обстоятельства слѣдующія.

Тутъ я ему разсказалъ цѣлый романъ о томъ, почему я пробивался въ Румынію и какъ румыны меня выгнали.

Онъ выслушалъ всю мою тираду не прерывая. Затѣмъ взялъ мой паспортъ и сталъ меня экзаменовать. Элементар-

ный пріемъ. Часто люди забываютъ вызубрить фальшивый паспортъ и на этомъ попадаются.

Повидимому, я выдержалъ экзаменъ вполнѣ, но дѣло было не въ этомъ. Весь трюкъ состоялъ въ томъ, что въ этомъ фальшивомъ паспортѣ была румынская виза отъ ноября 1918 года. Эта виза подтверждала вполнѣ мой разсказъ о томъ, почему я пробивался въ Румынію.

Словомъ, товарищъ комиссаръ написалъ мнѣ пропускъ.

„Разрѣшается такому то съ племянникомъ Владиміромъ свободное слѣдованіе въ Одессу“.

Поставилъ печать и подписался.

Это былъ первый совѣтскій документъ, который я получилъ въ моей жизни.

По шпаламъ.

Выѣхать изъ Тирасполя было не такъ просто. Много разъ мы приходили на станцію, ободранную, грязную, словомъ революціоннаго вида. Въ Тирасполѣ было очень много вагоновъ. Конечно, безъ оконъ, разбитыхъ, исковерканныхъ, но масса. Все это столпилось сюда, очевидно, при отступленіи Бредовскихъ частей. Торчали впрочемъ кое гдѣ и роскошные вагоны, заново отдѣланные; это по большой части были „каютъ-компаніи“ бронепоѣздовъ. Тутъ же красовались какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе вагоны штаба Гвардейской дивизіи. Ни надписи, ни гвардейскія андреевскія звѣзды не были даже замазаны. И было какъ то больно на это смотрѣть.

Вотъ эти всякіе вагоны сгоняли въ составы, къ нимъ прицѣплялась какая нибудь калѣка въ видѣ локомотива, и такой караванъ отъ времени до времени посылался куда то по рельсамъ. Надо было втиснуться въ одинъ изъ этихъ съ позволенія сказать поѣздовъ. Да еще билетъ надо было брать, что было уже совершенно возмутительно съ точки зрѣнія соціалистическаго строя.

Мы втискивались. Ждали нѣсколько часовъ въ этихъ нетопленныхъ, искалѣченныхъ коробкахъ. Потомъ приходили товарищи и выгоняли насъ, заявляя, что поѣздъ не пойдетъ. Однажды лежали мы въ вагонахъ полъ ночи. Было конечно совершенно темно, но полно народомъ. Въ одномъ углу шелъ усиленный разговоръ. По голосамъ я понималъ, что это какія

то интеллигентки бесѣдуютъ съ военноплѣнными солдатами прибывшими изъ Франціи. Дикой ненавистью ко всему на свѣтѣ были наполнены разговоры этихъ солдатъ. Я отъ вре, мени до времени засыпалъ и просыпался и сквозь сонъ слышалъ:

-- А я бы его, если бы запопалъ, то такъ бы не убилъ . . . А мучилъ бы, долго мучилъ бы . . . Сначала носъ бы отрѣзалъ . . . а потомъ уши . . . а потомъ глаза бы выкололъ . . .

Интеллигентки возмущались и ахали, впрочемъ осторожно и въ такомъ тонѣ:

— Неужели бы вы такъ сдѣлали, товарищъ?

А онъ отвѣчалъ убѣжденно:

— Сдѣлалъ бы!

Я лежалъ и думалъ о томъ, что если бы его какъ нибудь выманить изъ вагона и пойти съ нимъ въ черную ночь, то я бы его не мучилъ, но застрѣлилъ бы какъ собаку: „хай злое не живе на свити“ . . .

* * *

Наконецъ, отчаявшись въ соціалистическомъ транспортѣ, мы прибѣгли къ историческому русскому передвиженію „пѣхотой“. Словомъ, пошли по шпаламъ.

Шли до вечера. Заночевали въ какой то хаткѣ около какой то станціи. Этотъ день прошелъ безъ приключеній. Впрочемъ, мы встрѣтили два раза конныхъ товарищей, которые двигались по пути, очевидно, въ качествѣ патруля. Видъ у насъ былъ скорѣе всего „мелко-спекулянтскій“. Три субъекта въ штатскихъ „польтахъ“, съ физіономіями достаточно небритыми. Плохъ былъ Ляля. Его какая то страдающая шинель и лицо больного юнкера явно выдавали нѣчто Деникинское. Но насъ выручали „пропуска“. Просмотрѣвъ ихъ, товарищи пропускали.

Приключенія начались утромъ, потому что мы проспали единственный поѣздъ. Однако на станціи былъ еще паровозъ, который собирался въ Кучурганскую, изрыгая бѣлый паръ. Я назвалъ машиниста „товарищемъ-механикомъ“ и онъ пустилъ насъ на паровозъ. А если бы я сказалъ „товарищъ-машинистъ“, — отказалъ бы.

Паровозъ очень стоналъ и кажется собирался совершить „надрывъ“. Въ этихъ случаяхъ онъ пускалъ массу пара, становилось тепло и тогда . . . Впрочемъ объ этомъ довольно.

Я уже сказалъ однажды, что революція и „паразиты“ неразлучны. Не слѣдуетъ повторяться.

Но въ общемъ паровозъ догналъ тотъ поѣздъ. Онъ стоялъ на станціи среди другихъ составовъ, такихъ же разбитыхъ, вопіющихъ къ небу. Мы пошли лазить изъ вагона въ вагонъ, отыскивая мѣсто потеплѣе. Наконецъ нашли. Къ удивленію, въ этомъ вагонѣ были цѣлы всѣ окна, и какія окна! — великолѣпныя, толстыя, зеркальныя. Солнце грѣло сквозь нихъ, и было совсѣмъ ничего. Но внутренность вагона, это было нѣчто ламентабельное. Это, видимо, когда то былъ очень роскошный вагонъ, должно быть служебный, ибо здѣсь были и маленькіе салончики, и купэ, въ былое время снабженные всѣмъ „слипинкаровскимъ“ комфортомъ. Сейчасъ ничего не было кромѣ кое гдѣ торчащихъ пружинъ. Одно купэ показалось мнѣ цѣлѣе другихъ; тутъ можно было хотя сѣсть. Однако, осмотрѣвъ его внимательнѣе, я ушелъ. Тутъ очевидно нѣсколько часовъ тому назадъ произошло убійство или самоубійство. Мозги и кусокъ черепа валялись тутъ же...

* * *

Въ этомъ вагонѣ мы доѣхали до Раздѣльной.

На этой станціи мы нѣсколько часовъ ждали какого нибудь поѣзда. Тутъ стояла цѣлая армія всякихъ составовъ, и цѣлыя воинскія части жили въ поѣздахъ. Кажется это были галичане, въ N-тый разъ кого то предавшіе. Но никакого поѣзда не шло. Мы ходили пить чай въ мѣстечко.

И вдругъ встрѣтились. Да, это былъ Владиміръ Германовичъ. Онъ тогда въ саду у Днѣстра сдался делегатамъ Катовскаго. Солдатъ отпустили, офицеровъ, изъявившихъ желаніе поступить въ красную армію, куда то отправили, а отказавшихся держатъ на положеніи арестованныхъ, заставляютъ что то работать и собираются отправить въ Одессу. Однако надзоръ слабый, что и дало возможность поговорить съ нимъ. Здѣсь же цѣлый рядъ другихъ изъ нашего отряда. Пока никого не разстрѣляли. Но видъ у нихъ всѣхъ былъ ужасный. Недоѣданіе, тяжелая работа... Однако безсмѣнный Владиміръ Германовичъ не терялъ бодрости духа.

* * *

Мы не дождались поѣзда. Пошли пѣшкомъ. Былъ дивный солнечный день. Но когда мы прошли нѣсколько верстъ,

я почувствовалъ ломоту въ пальцахъ. Потомъ какъ будто стало немножко холодно. Итти стало гораздо труднѣе. И заходящее солнце съ его желто-красными переливами почему то было противно. Мы отдыхали гдѣ то на рельсахъ, и противъ насъ бродили индюки. Меня тошнило отъ этихъ индюковъ. Я чувствовалъ, что заболѣваю.

Ночевали въ „казармѣ" у какого то „старшаго рабочаго" — это такой желѣзнодорожный чинъ. Онъ просмотрѣлъ наши пропуски и принялъ насъ очень радушно. Хозяйка сдѣлала намъ ужинъ и чай.

За ужиномъ „старшій рабочій" говорилъ много и вразумительно, ссылаясь на Священное Писаніе. Онъ читалъ Апокалипсисъ вслухъ и объяснялъ намъ, что все, что сейчасъ происходитъ, вся эта рѣзня, и убійства, и грабежи, и ужасы, и ненависть, — что все это предсказано. Потомъ онъ прочелъ изъ Библіи то мѣсто, гдѣ въ пророчествѣ Даніила говорится, что прійдетъ „великій князь Михаилъ". Подъ этимъ онъ подразумѣвалъ Великаго Князя Михаила Александровича. Тогда кончатся всѣ бѣды. Надо сказать, что я уже не въ первый разъ наталкиваюсь на такихъ людей. Сидятъ гдѣ нибудь, въ какой нибудь станціонной будкѣ, и въ Священномъ Писаніи ищутъ утѣшенія и объясненія всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые происходятъ.

* * *

Нѣтъ, это проклятое пятно, бѣлое пятно на солнцѣ среди черныхъ полей, сведетъ меня съ ума.

Идемъ по шпаламъ. Я боленъ. Чувствую жаръ и невѣроятную слабость. Иду отъ версты до версты. На этой прямой, какъ стрѣла, линіи далеко видно верстовой столбикъ. Я иду только потому, что знаю: вотъ этотъ столбикъ съ дощечкой, гдѣ написана верста, — надо дойти до него. Тамъ я лягу на рельсы и буду лежать . . . Пять минутъ по часамъ . . . Потомъ дальше до слѣдующаго . . .

Но вотъ это проклятое пятно справа отъ дороги, тамъ на холмахъ, гдѣ то за нѣсколько верстъ, — это, я знаю, нѣмецкая колонія. Я ее ненавижу всей душой. Потому что сколько мы ни идемъ, она торчитъ тутъ, и кажется, что мы не двигаемся. И кажется, что отъ этой кучки игрушечныхъ домиковъ эта болѣзнь и эта валящая на землю слабость . . . Все равно . . . дойти до столбика только.

Но мы дошли въ этотъ день не только до столбика, но до станціи Карповка . . . Тутъ въ ожиданіи какого нибудь поѣзда мы залегли въ какой то грязной комнатѣ на станціи. Комната была полна всякимъ народомъ. Какой то безрукій, который прекрасно шьетъ обувь одной рукой, какая то разбитная хохлушка съ яйцами и съ цѣлымъ ворохомъ деревенскихъ разсказовъ изъ современной жизни, больше на тему о томъ, что всѣхъ этихъ разбойниковъ надо вырѣзать. Кого она подразумѣвала подъ разбойниками, не всегда можно было опредѣлить, — не то деникинцевъ, не то коммунистовъ. Вообще она видимо за порядокъ и какое то неосмысливаемое, но явственно ею самой понимаемое „благопристойное житіе". Опредѣленной здоровой „мѣщанской" моралью вѣетъ отъ ея „розгепанныхъ" манеръ. И еще много всякаго народа. Я лежу на лавкѣ, жаръ усиливается. Иногда, раза два, три въ сутки проходятъ поѣзда, въ которые мы не можемъ влѣзть, — слишкомъ набито или у насъ слишкомъ мало энергіи. Не надо думать, что это обыкновенные поѣзда нормальнаго типа. Это какой то сбродъ вагоновъ съ издыхающими паровозами . . .

* * *

Ночью мнѣ было нехорошо. Жаръ все усиливался. Я не спалъ. Остальные всѣ спали. Всѣ эти однорукіе, бабы, и много еще какихъ то людей. Я не спалъ и замѣтилъ, что мой податной инспекторъ начинаетъ метаться. Такъ какъ я хорошо знаю его съ дѣтства, то зналъ и то, что онъ сейчасъ начнетъ разговаривать во снѣ и притомъ на всю комнату. У меня мелькнула мысль, не сболтнулъ бы онъ чего нибудь опаснаго, и въ то же мгновенье онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и совершенно ясно и отчетливо произнесъ:

— Да . . . Но я требую, чтобы всѣ пѣли гимнъ . . . Всѣ, всѣ, и женщины . . . Боже Царя Храни! . . .

Я съ ужасомъ растолкалъ его. По счастью всѣ спали. Но мораль сей басни такова: кто говоритъ во снѣ, пусть не спитъ у большевиковъ въ публичныхъ мѣстахъ . . .

* * *

Пропустили еще какой то поѣздъ. Потомъ еще прошелъ одинъ . . . Мы лежали на станціи уже третьи сутки. Почти ничего не ѣли. Наконецъ, „комиссаръ станціи" окончательно

разсердился на нашу никчемность. Онъ насъ ругалъ всякими скверными словами и кричалъ, указывая на меня:

— Ну, а если онъ умретъ у васъ тутъ... Что я съ нимъ буду дѣлать!

Послѣ этого, очевидно устыдившись докучать „товарищу комиссару" въ качествѣ мертваго тѣла, я пересталъ капризничать и влѣзъ на какой то „холодный" паровозъ, по указанію комиссара. Этотъ паровозъ былъ, очевидно, совершенно искалѣченный, а тащилъ его полукалѣка. Послѣдній доставилъ насъ до станціи Одесса Товарная. Тамъ мы лежали до разсвѣта. Было абсолютно темно, очень холодно и противно...

* * *

Одесса. Вотъ она, подъ властью красныхъ. Измѣнилась?

Измѣнилась. Толпа совсѣмъ другая. Да и нѣтъ ея почти. Уныло на улицахъ. А впрочемъ — жаръ усиливается, — можетъ быть это отъ жара такая тоска. Болѣзнь — это болѣзнь...

Recurrens.

Съ первой квартиры, куда мы прибились съ сыномъ, пришлось уходить черезъ нѣсколько часовъ: меня узнали. „Вся улица", т. е. нѣкоторое количество евреевъ, говорили про то, что я вернулся. Мы ушли.

Не забуду этого „перехода." У меня была температура около 41⁰. Мнѣ казалось совершенно немыслимымъ, что я пройду два квартала, которые надо было пройти. Но пробираясь, держась за стѣнки домовъ, я увидѣлъ Владиміра Германовича. Онъ шелъ мнѣ навстрѣчу, и видъ у него былъ тоже нехорошій. Онъ былъ не одинъ, и по лицу его я понялъ, что не надо признаваться: я отвернулся къ стѣнкѣ, и онъ прошелъ около меня. . . Это былъ послѣдній разъ, что я его видѣлъ.

Въ эту же ночь онъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. И въ эту же ночь его арестовали и отвезли въ чрезвычайку. Тамъ онъ и умеръ. Умеръ въ ужасныхъ условіяхъ. Много дней къ нему никто не входилъ, и когда, наконецъ, пустили близкихъ... словомъ, это было ужасно. . .

Въ эту ночь случилось и другое событіе. Былъ внезапный обыскъ въ той квартирѣ, гдѣ я пріютился сначала. Аре-

стовали всѣхъ, кто тамъ былъ. Правда, черезъ нѣкоторое время выпустили. Но меня-бы вѣроятно не выпустили. . .

* * *

Владиміръ Германовичъ I. былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые такъ цѣнны въ русской жизни. Происхожденіемъ нѣмецъ, онъ былъ русскимъ патріотомъ; давно извѣстнымъ типомъ — Штольцомъ среди Обломовыхъ . . .

Послѣднее дѣло, въ которое онъ вложилъ свою удивительную энергію, былъ такъ называемый „Отрядъ В. В. Шульгина", продѣлавшій весь походъ съ полковникомъ Стесселемъ. Весьма возможно, что все это была ошибка и этого отряда не надо было, но нельзя не отмѣтить этой настоящей deutsche Treue, которая побуждала В. Г. стоять до конца, сдѣлать все возможное, исполнить свой долгъ до послѣдней черты. . .

* * *

Всѣ мы четверо (одинъ изъ фрагментовъ Стесселіады) переболѣли возвратнымъ тифомъ. Объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы это не было такъ типично для нашей эпохи. Мало кто изъ русскихъ временъ борьбы Бѣлыхъ съ Красными избѣжалъ того или иного тифа. „Abdominalis", „Exanthamaticus" и „Recurrens" были истинными архангелами русской революціи. Многіе испытали всѣ три тифа. Мы обошлись однимъ.

* * *

Можетъ быть, читателю будетъ интересно знать, что моя семья, съ которой я растался гдѣ то въ румынской деревнѣ и собирался встрѣтиться въ Бѣлградѣ, очутилась . . . въ Одессѣ.

Румынамъ непріятно будетъ, быть можетъ, прочесть эти строки. Но „сами боги не могутъ сдѣлать бывшее небывшимъ", — говоритъ греческая поговорка. На слѣдующій день послѣ нашего ухода румыны выгнали изъ своей страны оставленныхъ нами женщинъ и дѣтей. Напрасно сочинялись пламенныя телеграммы королевѣ румынской о помощи и милосердіи. Конечно, если бы Ея Величество получила эти телеграммы, вѣроятно, что милосердіе было бы оказано. Но въ томъ то и дѣло, что никакихъ телеграммъ румынскіе офи-

церы не принимали, и вотъ произошла эта невозможная исторія: доведенныхъ до послѣдней грани отчаянія и усталости женщинъ выгнали къ большевикамъ. Нѣкоторыя не выдерживали и искали въ своихъ сумочкахъ яду. По счастью у другихъ хватило мужества перенести все до конца и удержать ослабѣвшихъ.

Къ чести „товарища Катовскаго“ надо сказать, что его штабъ принялъ этихъ несчастныхъ прилично. Особыхъ издѣвательствъ не было, онѣ получили даже возможность нанять подводу за „царскія пятисотки“ и пріѣхать въ Одессу.

* * *

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ этомъ я убѣдился. . . Насъ пріютили всѣхъ. . . Когда меня раздѣвали, я пробовалъ бормотать этимъ до той поры мнѣ незнакомымъ людямъ:

— Вы вѣдь не знаете, что у меня. . . Можетъ быть „сыпнякъ“ . . .

На что хозяйка отвѣтила:

— Это будетъ восьмой въ моей квартирѣ. . .

* * *

Recurrens былъ какъ recurrens. . . Четыре приступа. . .

Меня лѣчилъ одинъ врачъ. . . Онъ приходилъ каждый день и очень хорошо зналъ, кто я.

Это я пишу такъ, на всякій случай, для тѣхъ, кто обуянъ жаждой разстрѣливать „комиссаровъ“. . . Смотрите, не разстрѣляйте въ припадкѣ святой мести тѣхъ, кто, ежедневно рискуя головой, спасалъ жизнь вашимъ близкимъ и друзьямъ...

Такіе случаи бывали и будутъ. Ибо не всѣ вѣдаютъ, что творятъ. . .

* * *

Этотъ докторъ былъ окномъ нашей больной комнаты въ міръ, котораго я не могу назвать Божьимъ, ибо онъ былъ большевистскимъ.

Перевязывая сыну отмороженныя ноги, онъ начиналъ говорить о политикѣ. Разговоры эти сводились къ обсужденію тѣхъ слуховъ, которыми питалась Одесса. Каждый день она изобрѣтала что нибудь новое, — безъ промаха лживое... Но все же всѣ вѣрили и надѣялись.

Я обыкновенно въ этихъ случаяхъ свѣтилъ доктору огаркомъ свѣчи, который немедленно гасился, какъ только операція кончалась. Ибо свѣчи были въ то время уже предметомъ роскоши. Тогда разговоръ продолжался въ сумеркахъ масляной коптилки, — инструментъ, бывшій въ эту зиму во всеобщемъ употребленіи въ Одессѣ.

* * *

Recurrens длился приблизительно мартъ мѣсяцъ. Я имѣлъ время подумать. Я думалъ и во время приступовъ, и въ перерывы, и во время выздоровленія.

И странно. . . Жизнь окрашивалась то въ терпимые, то въ мутные, то въ безысходно мрачные тона.

Все отъ точки зрѣнія. . .

Когда я смотрѣлъ назадъ, въ недавнее прошлое, теперешняя наша жизнь казалась чуть ли не раемъ. . . Давно ли мы замерзали на снѣгу ночью, скрываясь какъ волки въ зарosляхъ и лѣсахъ . . . А теперь мы имѣемъ кровъ и пищу... насъ лѣчили, о насъ заботились, сколько возможно. . .

Когда же я сравнивалъ съ далекимъ прошлымъ, давно прошедшимъ, на душѣ становилось сѣро до мути.

Слѣдующія строки я пишу только потому, что вѣдь такъ, какъ мы — жили всѣ, въ этомъ большомъ городѣ. . . А въ другихъ большихъ городахъ жили неизмѣримо хуже.

* * *

Маленькая комната, гдѣ насъ трое или четверо. Не топлено. . . Никто не топилъ этой зимою въ Одессѣ. А измученный послѣ болѣзни организмъ проситъ тепла. Тепло иногда и приходитъ утромъ съ солнцемъ. Проснешься рано и долго ждешь этого красноватаго, перваго луча, который, загорѣвшись краснымъ пятномъ, желтѣя и теплѣя, двигается по стѣнѣ. По его движенію мы научились узнавать и время.

Часовъ вѣдь нѣтъ. . .

Когда немножко нагрѣетъ комнату, начинается комично мерзкое занятіе. Ужасно трудно отъ нихъ избавиться. Для этого надо постоянно мѣнять бѣлье. Если перемѣнъ нѣтъ мыть надо. И моется, но вѣдь въ холодной водѣ. Для горячей надо дровъ. А другія вещи, напримѣръ, которыми укры-

ваешься, разные фрагменты бывшихъ пальто, ихъ надо бы продезинфецировать. Но это не такъ просто. Конечно, въ концѣ концовъ справляются, но путемъ упорной борьбы. Борьба ведется: или просто охотой, или стиркой, или утюгомъ... Сильно горячимъ утюгомъ выгладить вещи по швамъ очень хорошо... Рекомендую всѣмъ впавшимъ въ соціализмъ...

* * *

Затѣмъ слѣдуетъ приготовленіе какого то суррогата чая или кофе на керосинкѣ... Ого, какая это возня!... Фитили не горятъ, вѣчно что то портится... Скучно и грязно... И никакихъ способностей.

Мы вѣдь были артисты, поэты и писатели и...

... Рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

* * *

А тутъ...

Надо стоять въ очереди за керосиномъ нѣсколько часовъ, потомъ бѣжать куда то за хлѣбомъ, потомъ... Потомъ уборка комнаты, мытье посуды, стирка, починка, тысяча этихъ изводящихъ мелкихъ дѣлъ. Потомъ надо взять обѣдъ. Опять бѣжать куда то въ очередь. Съ обѣдомъ мы устроились поразительно дешево. 18 рублей обѣдъ... Но это потому, что... словомъ, черезъ кого то мы стали семьей какого то „спеца". Обѣдъ состоялъ изъ какого то варева въ родѣ супа или борща, безъ мяса, конечно. Кромѣ того каша. Каша перемежалась: гречаная, пшенная и „шрапнель". Шрапнель многіе саботировали. Другіе, болѣе смиренные, съѣдали. Мы брали два обѣда на трехъ.

Общее правило послѣ тифовъ: звѣрскій голодъ. Надо жировъ. Ихъ и покупаютъ. За деньги все можно достать пока. Но вѣдь денегъ хватитъ еще на нѣкоторое время, а дальше что?...

Что дальше?...

Гонишь эту мысль пока свѣтло.

Почитаешь у окна въ креслѣ. Окно низкое и выходитъ на улицу. Видишь людей, иногда они любопытно засматриваютъ въ окошко. Тогда непремѣнно кто нибудь обезпокоится: не выслѣдили-ли уже!...

* * *

Я читалъ, что попало. Но больше всего мнѣ нравился одинъ польскій романъ. Дѣйствующія лица исключительно графы и князья. Описывается великосвѣтская охота, балы и все это remue-menage большого свѣта. Княжна Гальшка Збаражская правитъ четверкой великолѣпныхъ лошадей, окруженная свитой не ниже барона. Ея братъ никакъ не можетъ жениться на дѣвушкѣ колоссальнаго состоянія, потому что она не записана въ какую то родословную книжку.

Мнѣ доставляло искреннее удовольствіе сопоставленіе этого міра съ тѣмъ, что шмыгало у меня за окномъ. . . Для любителя контрастовъ это было весьма недурно. . .

* * *

Сыну, Лялѣ, который лежитъ съ отмороженными ногами и голодаетъ между приступами „развратнаго" тифа, тоже нравится польскій романъ. Но иногда онъ швыряетъ книжку и съ неподражаемымъ выраженіемъ апострофируетъ:

— Буржуи проклятые. . .

Когда же дѣло осложняется какой нибудь психологической драмой, онъ презрительно прибавляетъ:

— Съ „нравственнаго жиру" бѣсятся. . .

* * *

И дѣйствительно. . .

Немножко смѣшными кажутся эти „душевныя страданія", когда всѣ „живы и здоровы" и находятся въ полной безопасности. . .

Мы знаемъ только двѣ „психологическія" муки: когда близкимъ людямъ грозитъ тяжкая болѣзнь или смертельная опасность. . .

* * *

Но онѣ возвращаются, эти мысли о томъ, что будетъ дальше, когда стемнѣетъ. Когда стемнѣетъ, въ комнатѣ почти мракъ. Электричества нѣтъ, керосинъ слишкомъ дорогъ, горитъ коптилка на маслѣ. Она даетъ столько свѣта, сколько лампадка, но послѣдняя — утѣшеніе сердцу, а эта наводитъ мракъ на душу.

* * *

Что впереди? Какой выходъ изъ этого положенія?

Ну, хорошо, — теперь я боленъ. Стесселевскія деньги еще есть. Но дальше?

Служба? . . . У кого? У большевиковъ? Нѣтъ! . . .

Частную найти очень трудно: Гдѣ? Все закрывается и притомъ. . . Не сказать, — кто я, — подвести. . . А сказать. . . кто прійметъ? . . .

* * *

Отъ собственнаго положенія мысли бѣгутъ къ общему.

Что дѣлается?

* * *

Это былъ первый періодъ, когда большевики покончили, какъ они думали, съ Деникинымъ, и пытались, или симулировали попытку, смягчить терроръ. Въ Москвѣ была объявлена амнистія и даже отмѣнена смертная казнь. Правда (и это кажется единственный разъ, когда „украинская соціалистическая совѣтская республика“ воспользовалась своей самостійностью) было разъяснено изъ Харькова, что все это къ Украинѣ не относится: здѣсь молъ продолжается контръ-революція и потому и терроръ долженъ продолжаться. Но все же общее настроеніе сказалось и въ Одессѣ.

Конечно, чрезвычайка должна убивать кого нибудь. Для власти, держащейся только на крови, опасно не упражнять людей въ убійствѣ: отвыкнутъ, пожалуй. Поэтому убивателямъ нашли дѣло. На этотъ разъ, впрочемъ, это еще была наиболѣе благоразумная локализація кровожадности: чрезвычайкамъ приказали убивать „уголовныхъ“.

Одесса съ поконъ вѣковъ славилась, какъ гнѣздо воровъ и налетчиковъ. Здѣсь повидимому съ незапамятныхъ временъ существовала сильная грабительская организація, съ которой болѣе или менѣе малоуспѣшно вели борьбу всѣ пятнадцать (нѣтъ, ихъ было, кажется, 14), — всѣ четырнадцать правительствъ, смѣнившихся въ Одессѣ за время революціи. Но большевики справились весьма быстро. И надо отдать имъ справедливость, въ уголовномъ отношеніи Одесса скоро стала совершенно безопаснымъ городомъ. . .

* * *

Остальныхъ пока не трогали. Въ отношеніи офицеровъ нѣсколько разъ объявлялись сроки, когда всѣ бывшіе бѣлогвардейскіе офицеры могутъ заявить о себѣ, за что не будутъ подвергнуты наказаніямъ. Часть „объявилась“, часть — нѣтъ.

Разумѣется, все это не относилось къ лицамъ, имѣвшимъ съ большевиками особые счеты, вродѣ меня.

* * *

Однако, въ направленіи „смягченія“ были даже довольно странные факты.

Въ одинъ прекрасный день пришелъ циркуляръ изъ Москвы, повидимому отъ Луначарскаго, — предписывавшій читать лекціи рабочимъ и солдатамъ, съ цѣлью развитія въ нихъ „гуманныхъ чувствъ и смягченія классовой ненависти“. Во исполненіе этого тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ, обратились къ цѣлому ряду лицъ съ предложеніемъ читать такого рода лекціи и съ предоставленіемъ полной свободы въ выборѣ темъ и въ ихъ развитіи. Эти лекціи состоялись. Одна изъ нихъ имѣла особенно шумный успѣхъ и была повторена нѣсколько разъ. Это была лекція объ Орлеанской Дѣвѣ. Почему коммунистамъ вдругъ пришла мысль поучать „рабочихъ и крестьянъ“ разсказами о французской патріоткѣ, *спасавшей своего короля*, объяснить трудно. Но это фактъ. . .

* * *

Что же, можно изъ этого сдѣлать какой нибудь выводъ?... Неужели большевики дѣйствительно поумнѣли?...

Вздоръ! Все это на первыхъ порахъ. За „эскападами“ товарища Луначарскаго стоитъ власть, которую такъ ненавидятъ, что ей остается одна дорога: дорога террора. И они начнутъ его опять, непремѣнно начнутъ.

Единственное, что могло бы „измѣнить курсъ“, это если бы кто нибудь изъ нихъ, напр. Ленинъ, понявъ, что они идутъ въ пропасть, разстрѣлялъ бы всѣхъ своихъ друзей и круто повернулъ бы прочь отъ соціализма. . . Но вѣдь это невозможно.

* * *

Гдѣ фронтъ? Существуетъ ли онъ вообще? Какъ будто бы Крымъ еще держится. Но какая слабая надежда, чтобы онъ удержался. Что тамъ происходитъ?

Слухи. . . Да вѣдь какъ вѣрить этимъ слухамъ. Развѣ давно вся Одесса повѣрила тому, что украинцы гдѣ то совсѣмъ близко. Потомъ ихъ замѣнили румыны. Затѣмъ румынъ смѣнили какіе то союзники. Послѣ союзниковъ была очередь сербовъ. Затѣмъ исправили: не сербы, а болгары. Послѣ болгаръ была очередь поляковъ. Наконецъ самое послѣднее изобрѣтеніе: столько то полковъ нѣмцевъ перешло румынскую границу и находится уже въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Все это вздоръ, всѣ эти слухи плодитъ страстная жажда освободиться отъ большевиковъ какою угодно цѣной.

Обыкновенно въ безсонныя ночи я додумывался до трехъ часовъ. Я зналъ, что это три часа, потому что въ это время кто то оглушительно среди мертвой тишины стрѣлялъ изъ Нагана передъ самымъ окномъ. Выстрѣлъ этотъ звучалъ непріятно, какъ то жутко. . .

Иногда глубокой ночью проходили моторы, и всегда казалось, что это ѣдутъ разстрѣливать. . .

Можетъ быть и разстрѣливаютъ — только мы не знаемъ...

* * *

Такъ тянулись дни и ночи. На страстной недѣлѣ я въ первый разъ вышелъ. Какъ трудно было передвигать ноги! Я зашелъ въ церковь. Служили панихиду по комъ то, а послѣ панихиды какая то женщина обносила „церковныхъ старичковъ“ кутьей и колевомъ, какъ принято. И мнѣ дали. Я ѣлъ во первыхъ потому, что былъ голоденъ, а во вторыхъ потому, что я былъ очень радъ, что меня приняли за церковнаго старичка. Значитъ, мнѣ нечего было опасаться: теперь меня никто не узнаетъ. Послѣ этого я поплелся на свиданіе, которое было у меня назначено съ моимъ родственникомъ Ф. А. М. Свиданіе должно было произойти въ Александровскомъ паркѣ у колонны.

Когда я походилъ, я увидѣлъ, что у колонны одинъ человѣкъ. Это долженъ былъ быть онъ. Я подходилъ тоже

совершенно одинъ. Кромѣ насъ двоихъ никого не было. Но мы долго стояли другъ противъ друга, не рѣшаясь подойти. Я никакъ не могъ опредѣлить, онъ это или нѣтъ. А онъ смотрѣлъ на меня очевидно съ той же мыслью. Наконецъ я рѣшился. Да, это былъ онъ. Дѣйствительно, узнать его было невозможно. Онъ же со своей стороны утверждалъ, что никто въ цѣломъ мірѣ меня не узнаетъ.

Когда я шелъ обратно, я хорошо разсмотрѣлъ себя въ большой зеркальной витринѣ.

Да, дѣйствительно. На меня смотрѣлъ человѣкъ лѣтъ около шестидесяти пяти съ большой сѣдой вьющейся бородой. Согнутый, еле двигающій ногами. . . „Церковный старичекъ“ — одно слово.

Это была работа рекурренса. Оказывается, что болѣзнь искусный гримировщикъ. Это, впрочемъ, было до нельзя кстати. . .

* * *

На Пасху, которая была 29 марта, было большое торжество. Очевидно, еврейская власть захотѣла сдѣлать любезность по отношенію къ христіанскому населенію, потому что послѣ цѣлой зимы безпросвѣтнаго мрака на три дня Пасхи дали электричество во всѣ квартиры.

Кромѣ того у насъ былъ роскошный домашній обѣдъ. Главное блюдо составляли мидіи, — ракушки, которыхъ во множествѣ выбросило сжалившееся надъ несчастными бѣлыми доброе Черное Море . . . Вѣра и Ваня (дѣти хозяевъ) цѣлый день ихъ собирали. . .

Страхи.

Ирина Васильевна поступила въ театръ. Объявила у себя „балетную студію“, что по большевистскимъ законамъ давало ей право на лишнюю комнату: большевики покровительствуютъ искусствамъ. Вотъ именно эту комнату замѣсто балеринъ послѣ Пасхи заняли бывшій редакторъ „Кіевлянина“ и поручикъ инженерныхъ войскъ В. А. Л.

Отвыкшіе отъ всякаго комфорта, мы умѣли цѣнить то, что обыкновенно въ прежнія времена даже не замѣчалось.

* * *

Удобная кровать . . . чистыя простыни . . . одѣяла . . . подушки . . . два мягкихъ кресла . . . диванчикъ . . . даже маленькій письменный столъ . . . на дверяхъ портьеры . . . изъ хорошей старорежимной сѣрой парусины . . .

Я помню, сколько разъ, просыпаясь по утрамъ, я мечтательно смотрѣлъ на эти портьеры и думалъ:

— Вотъ рубашка, вотъ гм . . . гм . . . — а впрочемъ вышелъ бы и верхній, лѣтній костюмъ . . .

Полъ былъ паркетный. Я тщательно выметалъ его по утрамъ и мечталъ хоть одинъ разъ „ополотериться", какъ сказалъ бы Игорь Сѣверянинъ, то есть натереть его воскомъ.

И потомъ . . . вѣдь въ этой квартирѣ можно было прилично вымыться . . . Правда, при соціалистическомъ режимѣ вода въ водопроводѣ не всегда идетъ и никогда не идетъ въ верхніе этажи. Въ этомъ домѣ воду можно было получить только во дворѣ. И это была моя обязанность. Я отправлялся въ маленькій садикъ, гдѣ среди цвѣтовъ былъ не фонтанъ, но кранъ, или, какъ говорятъ въ Одессѣ, „крантъ", и таскалъ ведрами воду. Норма была восемь ведеръ, которыя я вливалъ въ ванну, и было всѣмъ благо.

Иногда я пилилъ дрова, но это, такъ сказать, по большимъ праздникамъ.

Но кромѣ всѣхъ этихъ благъ въ этой квартирѣ оказалась еще . . . гитара . . .

Да, смѣйтесь . . .

„Нужда пляшетъ, нужда скачетъ . . ."

Я рѣшилъ, что пора „пѣсенки пѣть" . . .

* * *

Дѣло въ томъ, что деньги быстро таяли . . .

Все мое состояніе заключалось въ двадцати англійскихъ фунтахъ и остаткѣ отъ тѣхъ „колокольчиковъ" (Деникинскія тысячерублевки), которые тогда въ лѣсу были розданы Стесселемъ . . .

Кстати долженъ сказать, что „колокольчики“, несмотря на оффиціальное запрещеніе подъ страхомъ разстрѣла, котировались на подпольной биржѣ Одессы. Стоимость ихъ, кажется, не падала ниже трехсотъ совѣтскихъ рублей, но порою подымалась до „al pari“.

Огромное количество людей въ Одессѣ занималось спекуляціей на деньгахъ. Да и могло ли это быть иначе. Куда же могли дѣваться эти „кошмарическія“ стада всевозможныхъ биржевиковъ, которые наполняли Фанкони и Робина и густой толпой стояли на углу Дерибасовской и Екатерининской, торгуя кокаиномъ, сахаромъ и валютой.

Одесская Чрезвычайка вела съ ними борьбу, многихъ разстрѣляла, но остальные продолжали работать. Но, разумѣется, теперь работа шла въ самомъ строгомъ подпольи. Итакъ деньги таяли. Служить у большевиковъ я не могъ и не хотѣлъ. Пристраиваться къ какимъ нибудь кооперативамъ было трудно: незнакомые меня не приняли бы, а знакомые, боясь не столько за себя, сколько за меня, всячески отговаривали. Что дѣлать? . . .

И вотъ выходомъ изъ положенія явилась гитара.

Старикъ съ сѣдой бородой . . . Ясно, что человѣкъ зналъ лучшія времена . . . какое нибудь небольшое кафе . . . разбитый, надтреснутый голосъ . . . такой же разбитый, какъ и безвозвратное прошлое . . . старинные романсы . . . исключительно старинные, такіе забытые, и такіе незабываемые . . . Жалобный звонъ струнъ . . . очень тонно . . .

И вотъ я дѣйствительно подготовлялъ себѣ такое мѣстечко. Составилъ себѣ уже цѣлый репертуаръ, мобилизовалъ голосъ . . .

Помню, мнѣ когда то П. Н. Милюковъ сдѣлалъ комплиментъ. Я жаловался, что совсѣмъ не могу говорить въ Думѣ изъ за крайней слабости голоса. Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Да, голосъ у васъ очень слабый . . . Но онъ поставленъ какъ у пѣвца. Вы не поете? . . .

И вотъ на старости лѣтъ оказалось, что я пою . . . для развлеченія пролетаріата . . .

„Нужда пѣсенки поетъ“ . . .

— Кто не трудится, тотъ да не ѣстъ . . .

* * *

Ирина Васильевна (настоящее ея имя другое) въ этотъ день очень безпокоилась...

Ей почудилось, что кто то слѣдитъ не то за ней, не то за мной, — вообще что то жуткое. Я кое какъ ее успокоилъ. Но къ вечеру „инцидентъ" всплылъ снова, въ формѣ категорическаго „предчувствія" у Ирины Васильевны, что ночью прійдетъ чрезвычайка, а потому мнѣ совершенно невозможно оставаться въ квартирѣ. И это предчувствіе росло въ такой угрожающей формѣ, что мы съ поручикомъ Л. рѣшили уйти, ибо совершенно было ясно, что все равно въ эту ночь она никому спать не дастъ.

* * *

И мы ушли...

Но это легко уйти, когда знаешь, куда пойти. А вѣдь мы отлично понимали, что во всякой квартирѣ намъ, быть можетъ, и не откажутъ, но особаго счастія не ощутятъ: вѣдь вездѣ каждую ночь можетъ быть обыскъ, и тогда хозяинъ квартиры будетъ отвѣчать за укрывательство контръ-революціонеровъ.

Поэтому мы рѣшили ночевать на улицѣ. Но опять таки это удобно можно было бы сдѣлать „подъ игомъ самодержавія". Но въ свободномъ соціалистическомъ государствѣ всякаго человѣка, который осмѣлится показаться на улицѣ позже извѣстнаго часа, ловятъ, какъ преступника и тащатъ въ участокъ. Почему при соціализмѣ нельзя ходить по ночамъ, никакъ не могу понять.

Мы рѣшили ночевать гдѣ нибудь въ подъѣздѣ.

* * *

Нѣтъ, это слишкомъ холодно. Эти камни обладаютъ удивительной способностью быстро остывать. И притомъ эта ниша, куда мы залѣзли, плохо защищаетъ отъ взоровъ патрулей. А сейчасъ патрули пойдутъ. На улицахъ уже ни одного человѣка. Идетъ тихій, мирный дождь. Удивительно, какъ быстро большевики покончили съ грабителями, налетчиками и всякими уголовными.

Надо пройтись. Ну, въ концѣ концовъ наскочимъ на патруль, какъ нибудь вывернемся. И потомъ — блестящая мысль: пусть патруль насъ забираетъ. Въ концѣ концовъ не разстрѣляютъ же за это, за позднее хожденіе, переночуемъ въ участкѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ теплѣе . . .

Пошли . . . На одномъ изъ перекрестковъ:

— Стой . . .

Мы остановились.

— Откуда такъ поздно, товарищи ? . . .

— Да развѣ жъ поздно ? . . . Вотъ бѣда, часовъ нѣтъ ! . . . Что, будете забирать насъ, товарищи, въ раіонъ ?

— А вы кто такіе ? . . . Далеко вамъ ?

— Да нѣтъ, не далеко намъ . . . Тутъ на Канатной.

Патруль, собравшись вокругъ насъ кучкой, раздумывалъ.

— Ну, идите . . . домой . . . все равно . . .

Вотъ неудача . . .

* * *

Идемъ дальше. Дождикъ пересталъ, — работаетъ луна. Это большое подспорье соціалистическому хозяйству. При соціализмѣ, какъ общее правило, — электричество не горитъ. Совершенно тихо. Вдругъ снова наткнулись на патруль.

Эти насъ взяли. Мы едва успѣли условиться, что сочинять, какъ насъ раздѣлили.

Старшій подошелъ къ Вовкѣ и о чемъ то съ нимъ бесѣдовалъ на ходу. Потомъ подошелъ ко мнѣ.

— Откуда вы идете, товарищъ ?

— Съ Ришельевской.

— А номеръ ?

Я сказалъ условленный номеръ.

— У кого же тамъ были?

Я сдѣлалъ застѣнчивое лицо.

— Да это . . . его знакомые . . . онъ молодой . . . я тамъ въ первый разъ и былъ . . .

— Ну да, а фамилія какъ ?

Я сказалъ нарочно исковерканную фамилію, но похожую на ту, которую долженъ былъ сказать Вовка. При этомъ прибавилъ, что можетъ быть и не такъ, потому что я этихъ барышенъ не знаю, мнѣ старому не интересно . . .

— Значитъ, выпивали, товарищъ?

— А что же я пьяный, что ли?

Я дунулъ ему въ носъ.

— А чѣмъ занимаетесь?

— Артистъ... музыкантъ... Раньше на роялѣ и на скрипкѣ давалъ уроки, а теперь на гитарѣ... Спеціальность „старые романсы“... Ученики ко мнѣ ходятъ... Самъ голосъ я уже потерялъ, не выступаю... Послѣ тифа...

Заинтересовавшись подошелъ другой патрулистъ.

— Такъ вы, товарищъ, гитаристъ?... Я тоже на гитарѣ играю. Хорошая у васъ гитара?

— Ничего себѣ... Только раньше я привыкъ играть на одиннадцатиструнной, а это обыкновенная — семиструнная... Ничего, сходитъ.

— А какіе романсы, товарищъ?

— Исключительно самые старинные. Ну вотъ, напримѣръ, „Тигренокъ“, „А изъ рощи, рощи темной“, „Три созданія небесъ“, — вотъ тоже замѣчательный романсъ... Это не то, товарищъ, что теперь пошло — Вертинскій-Верединскій... „Лиловый негръ ей подаетъ манто“... ну, какой смыслъ!... Почему онъ „лиловый“, когда всѣ негры черные?

Тутъ я рѣшилъ остановить потокъ своего краснорѣчія: кажется, было довольно. Патруль явно убѣдился въ нашей невинности и подлинности. Старшій сказалъ дружелюбно:

— Ну если, товарищи, у васъ документы въ порядкѣ, то вамъ ничего не будетъ... Сейчасъ и отпустятъ...

* * *

Раіонъ... Темень полная. Патруль, ругаясь, поднимается по лѣстницѣ на ощупь. Вводятъ насъ въ какое то помѣщеніе. Тутъ тоже абсолютно темно. Въ темнотѣ старшій кому то докладываетъ про насъ. Происходитъ ругань, въ виду того, что нѣтъ ни свѣта, ни спичекъ. Наконецъ, съ трудомъ находятъ. Зажигаютъ какую то коптилку, которая считается лампой. Участокъ. За перегородкой начальство въ видѣ какого то еврея. Нотабена: патруль, какъ повидимому вся низшая милиція, — изъ русскихъ. А начальство, такъ, приблизительно съ чина околодочнаго надзирателя, — евреи.

Начальство спрашиваетъ, кто мы, гдѣ живемъ, документы. Предъявляемъ . . .

Комиссаръ занялся тѣмъ, что вызвалъ по телефону адресный столъ: провѣрить, живетъ ли такой то по указанному мною адресу. Но видимо съ отвѣтомъ что то не ладилось . . .

— Что? Нѣтъ свѣта въ адресномъ столѣ? . . . Не можете дать справки? Что? Разбили себѣ голову? . . . Обо что? . . . О шкафъ? . . . Что за безобразіе . . .

Въ концѣ концовъ, проэкзаменовавъ насъ еще о родѣ нашихъ занятій, причемъ снова на сцену выплыла гитара и старинные романсы, намъ объявили, что мы свободны. Но это совсѣмъ не входило въ мои планы.

Прежде всего я разсудилъ, что прятаться отъ чрезвычайки выгоднѣе всего въ раіонѣ, ибо карающей рукѣ Совѣтской власти не прійдетъ въ голову искать контръ-революціонеровъ въ своей собственной полиціи. А во вторыхъ, куда же намъ итти? . . . Опять на улицу? . . . Но первый патруль схватитъ насъ снова.

Поэтому я попросилъ разрѣшенія переночевать здѣсь въ раіонѣ, каковое милостиво получилъ.

Мы улеглись на широкомъ подоконникѣ. Начальство „дормировало“ на деревянныхъ скамейкахъ.

* * *

Утромъ мы были разбужены довольно страннымъ инцидентомъ.

Начальство хотя и грозно, но довольно безпомощно взывало:

— Вѣстовой! . . . Что вы не слышите, вѣстовой! . . .

Да, у нихъ есть „вѣстовые“ . . . Въ этомъ государствѣ соціалистовъ, тѣхъ самыхъ соціалистовъ, которые чуть ли не краеугольнымъ камнемъ своей программы ставили борьбу противъ „деньщиковъ“ . . .

— Вѣстовой! . . .

Въ отвѣтъ на послѣдній отчаянный призывъ неожиданно раскрылся . . . шкафъ . . . Большой шкафъ для дѣлъ . . . И съ верхней полки раздалось:

Чого? . . .

Потомъ свѣсились громадные сапоги, которые вмѣстѣ съ нечесанной головой прыгнули въ комнату.

Посмотрѣвъ на насъ „вѣстовой Украинской Совѣтской Соціалистической Республики“ добродушно изрекъ:

— Такая наша квартира...

* * *

Было уже совсѣмъ свѣтло. Мы пошли. Но такъ какъ въ пять часовъ утра возвращаться не приходилось, рѣшили пройтись по базару, благо онъ подъ бокомъ.

Какая красота, этотъ базаръ...

Правда, ничего, кромѣ редиски... Но зато ея то уже вдоволь. Она собрана въ большія корзины, которыя напоминаютъ огромныя чудовища съ сотнями усиковъ — это хвостики редисокъ. Чудовища розовыя, красныя и лиловатыя всѣхъ оттѣнковъ, впрочемъ есть желтыя и бѣлыя.

Мы купили по пучку (50 рублей пучекъ) и лазили по базару, аппетитно закусывая... Захотѣлось бубликовъ. Торговка долго, почему то смотрѣла на Вовку. Наконецъ сказала:

— Извиняюсь, вы русскій?

— Русскій...

Она перекрестилась...

— Вотъ, повѣрите, первый разъ, какъ ушли Деникинцы на русскомъ человѣкѣ студенческую фуражку вижу... Ахъ, жиды проклятые...

* * *

Въ это утро была суббота.

А потому, пробродивъ изрядное количество времени по улицамъ, мы сподобились увидѣть „субботникъ“...

Субботникъ — это послѣднее слово соціалистической изобрѣтательности.

Субботникъ — это значитъ, что каждую субботу, въ такомъ то часу, всѣ истинные сыны Совѣтской Республики должны собраться на такую то улицу... Сегодня они и собрались здѣсь...

Впереди — колоссальный красный плакатъ съ золотой надписью: „Кто не трудится, да не ѣстъ“... За плакатомъ оркестръ военной музыки. За оркестромъ — небольшая во-

енная часть, которой командуетъ товарищъ командиръ, расписанный, какъ картинка. Красные чакчиры, гусарскіе сапоги, голубой доломанъ. . . Безъ погонъ, но на рукавѣ роскошно вышитая золотомъ и серебромъ звѣзда. На головѣ кубанка, ноги пружинятъ, голосъ звенитъ. . . Смотря на него, вспоминается пѣсня:

„Я возьму воровскую дубину. И разграблю я сто городовъ,
„Разукрашу себя, какъ картину". . .

Самъ же „субботникъ" стоитъ вдоль улицы, въ нѣкоторомъ родѣ поротно. Вглядываюсь въ лица — почти сплошь евреи. . . Вглядываюсь подробнѣе, — вижу массу студентовъ, или во всякомъ случаѣ еврейчиковъ въ студенческихъ фуражкахъ. . . Стараюсь сообразить, почему бы это, — и догадываюсь: вѣдь это цвѣтъ націи, это „партійные коммунисты", для которыхъ участіе въ субботникахъ — обязательно. . .

Впереди плакатъ, посрединѣ плакатъ, сзади плакатъ. . .

Музыка играетъ маршъ, товарищъ командиръ въ красныхъ штанахъ командуетъ съ непередаваемой интонаціей наглости и презрѣнія, и субботникъ дефилируетъ. . .

Куда? Зачѣмъ? . . .

Совершать „пресловутое русское дѣло"... Въ завтрашней оффиціальной газетѣ въ отдѣлѣ извѣстій можно прочесть, что сегодняшній субботникъ прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ и что собравшіеся „истинные граждане совѣтской республики" безъ всякаго вознагражденія: „перенесли съ мѣста на мѣсто столько то десятковъ шпалъ, вымели столько то квадратныхъ аршинъ такого то двора, перетолкали безъ помощи паровоза цѣлыхъ пять ужасно тяжело нагруженныхъ вагоновъ" . . .

* * *

Лиловый ирисъ стоялъ на балконѣ. . . Это былъ знакъ, что можно безопасно входить въ квартиру.

Никого, конечно, ночью не было, все это были только призраки.

Но что такое „фактъ"?... Когда онъ свѣтитъ изъ прошедшаго, тогда его называютъ воспоминаніемъ. Когда же его лучъ пробивается сквозь „туманъ будущаго", — это предчувствіе. . .

* * *

„Безпричинные страхи“ Ирины, конечно, были предчувствіемъ факта. Она только не могла справиться съ четвертой координатой, — съ временемъ. . .

То, чего она боялась теперь, случилось нѣсколько позже.

Курьеръ.

Мы знали къ концу апрѣля, что Крымъ держится, что борьба возобновилась, что во главѣ арміи сталъ генералъ Врангель. Однако меня удивляло, почему наши крымскіе друзья не подаютъ никакихъ извѣстій.

Правда, нѣсколько разъ бывало такъ, что по Одессѣ бѣжалъ слухъ: высадилось столько то человѣкъ. Но это обыкновенно сопровождалось черезъ нѣкоторое время разъясненіемъ, что всѣ они или часть попали въ Чрезвычайку и разстрѣляны. . .

* * *

Я получилъ приглашеніе отъ своего родственника Ф. А. М. увидѣться съ нимъ по важному дѣлу. Я пошелъ къ нему ночевать. Онъ жилъ далеко, на Молдаванкѣ.

Былъ май мѣсяцъ, на улицахъ было много цвѣтовъ и много жизни. Правда, особенной жизни. . . Веселящагося, жизнерадостнаго русскаго лица здѣсь нельзя было встрѣтить. Но еврейская молодежь „фетировала“ весну. . .

Я добрался до Молдаванки. Научились мы, контръ-революціонеры, ходить необычайно. Вѣдь лучшее средство, если существуетъ опасность, что за вами слѣдятъ, — это бѣшеная быстрота ходьбы. Ибо тѣ, которые слѣдятъ, тоже должны будутъ неистово нестись, обгоняя всѣхъ, и вамъ скоро это станетъ ясно.

* * *

У Ф. А. я засталъ ошарашивающую новость: курьеръ изъ Севастополя. Онъ былъ тутъ же въ комнатѣ, этотъ человѣкъ, и мало того — онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей . . . словомъ Ф. М. его хорошо зналъ. Его иниціалы Н. Л. Б.

Вотъ наконецъ первыя, болѣе менѣе достовѣрныя извѣстія о Крымѣ.

Да, армія существуетъ. . . Перешейки держатъ крѣпко и не думаютъ уступать. Армію нельзя узнать, — дисциплина возстановлена, грабежи и всякія мерзости прекращены безпощадными, но умѣлыми дѣйствіями генерала Слащева.

Былъ бунтъ капитана Орлова, но онъ подавленъ. Теперь положеніе прочное. Намѣчаются реформы — земельная, волостная. . . Съ рабочими отношенія урегулировались въ Севастополѣ. Вообще въ Крыму полны надеждъ. . .

Онъ пріѣхалъ за информаціей, проситъ дать ему всякія письменныя сообщенія обо всемъ, что мы знаемъ. На дняхъ онъ ѣдетъ обратно, тѣмъ же путемъ, — черезъ Тендру. . .

Было рѣшено, что Ф. А. М. поѣдетъ съ нимъ. . .

* * *

Ф. М. пришелъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ проститься. Выяснилось, что Н. Л. Б. ѣхать еще не можетъ. Но взамѣнъ себя онъ предложилъ одного изъ своихъ товарищей. Они, оказывается, вчетверомъ пріѣхали изъ Крыма. Одинъ изъ этихъ четырехъ, совершенно вѣрный человѣкъ, долженъ былъ сопровождать Ф. М.

* * *

Ф. М. или Эфемъ, какъ онъ иногда подписывался, былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Я любилъ его какъ младшаго брата. Поэтому больно мнѣ было, что онъ такой грустный и даже совсѣмъ какъ то „не въ себѣ“ былъ при нашемъ разставаніи. . .

Я вышелъ провожать его на лѣстницу. . . Онъ спускаясь смотрѣлъ на меня своими красивыми глазами, и были они полны чего то прощальнаго и обреченно-смирившагося, и вся его удаляющаяся, слегка согнутая фигура сжала мнѣ сердце тоской. . .

* * *

Я приписывалъ его состояніе, „не въ себѣ“, тому настроенію, которое было для него характерно послѣднее время. . .

* * *

Это подготовлялось въ немъ давно. Но окончательно утвердилось въ послѣднее время.

Онъ пришелъ къ Богу. Въ особенности къ Христу. . .

Онъ былъ необычайно талантливъ, но очень непостояненъ. Онъ бросилъ политехникумъ для живописи, живопись для беллетристики, беллетристику для скульптуры, скульптуру для Краснаго Креста, Крестъ ради изобрѣтенія какого-то новаго мотора и, наконецъ, во время революціи принялъ участіе въ политической борьбѣ. И вотъ тутъ и сформировалось это. . .

Онъ разувѣрился въ силѣ разума. Онъ понялъ, что идутъ вѣрно только тѣ, кто имѣетъ Бога въ сердцѣ. Онъ сталъ искать вѣры. И она пришла къ нему, пережившему и передумавшему всѣ ухищренія ума, — простая и безхитростная...

На этой почвѣ у него родилась мысль. . . Чисто христіанская. . . Онъ все мечталъ о созданіи, какъ онъ говорилъ, „Политическаго Краснаго Креста“. . . Чтобы было такое учрежденіе въ гражданской войнѣ, которое при Красной власти имѣло бы право „печаловаться“ о бѣлыхъ, а при Бѣлой — о Красныхъ. . . Такое учрежденіе, которое признавали бы обѣ стороны. . . Это учрежденіе онъ мечталъ назвать „Обществомъ имени Св. Николая Мирликійскаго“. . . Чтобы это понять, надо вспомнить картину Рѣпина, гдѣ св. Николай останавливаетъ мечъ, занесенный надъ головой осужденнаго...

* * *

На слѣдующій день мнѣ сообщили, что онъ ушелъ со своей квартиры, — такъ было условлено — вмѣстѣ съ пріятелемъ Н. Л. Б. Они должны были добраться до знакомыхъ рыбаковъ, которые переправятъ ихъ на Тендру. На Тендрѣ уже наши — генералъ Врангель. . . Переходъ моремъ верстъ семьдесятъ. . . Можетъ быть, Богъ поможетъ. . .

* * *

Если бы Эфемъ добрался благополучно и оттуда, изъ Крыма, прислалъ бы деньги и инструкціи, можно было-бы

кое что сдѣлать. Хотя изъ Одессы бѣжали всѣ, кто могъ, но все же кое кто остался, волей или неволей. Мы могли бы работать. . . Этотъ курьеръ изъ Крыма подбодрилъ всѣхъ насъ. . .

Появился просвѣтъ. . . Вѣдь этотъ курьеръ значитъ, что есть еще земля обѣтованная, клочекъ русской земли, гдѣ нѣтъ этихъ проклятыхъ красныхъ знаменъ, гдѣ не слышно гнуснаго интернаціонала, гдѣ люди вольно и легко дышатъ.

Надо работать для нихъ, для тѣхъ, кто борется, кто идетъ намъ на помощь. . .

„Котикъ".

Я помню хорошо этотъ день. Это было начало мая, кажется, 6-ое число. Я по обыкновенію сидѣлъ около раскрытаго окна и пробовалъ набросать на бумагу то, что было очень давно. Въ окошко мнѣ виднѣлась часть города съ садиками и двориками.

Въ этихъ садикахъ всюду шевелились работающіе на землѣ люди. Можно было безъ всякаго колебанія сказать, кто они. Это, конечно, были буржуи, контръ-революціонеры, паріи совѣтскаго режима. Въ соціалистической республикѣ почему то устроено такъ, что чиновники, профессора, писатели, адвокаты, торговцы, офицеры, словомъ, люди интеллигентныхъ профессій должны работать физическимъ трудомъ. А люди мускульнаго труда должны работать головой.

Что же дѣлаютъ эти „буржуи" на хорошенькомъ квадратикѣ, гдѣ зеленые узоры, на желто-коричневомъ фонѣ раскалившейся одесской земли?... Кажется, ухаживаютъ за розами. . . Неужели розы есть въ Совѣтской республикѣ?... Представьте себѣ, — есть. . . Не только розы, — масса цвѣтовъ на улицѣ. Просто удивительно, — почему нѣтъ декретовъ объ уничтоженіи всѣхъ цвѣточныхъ заведеній и запрещеніи продажи цвѣтовъ на улицѣ. Что можетъ быть буржуазнѣе цвѣтовъ . . . Ѣсть, пить, — это вѣдь во всякомъ случаѣ и пролетарское занятіе. Но цвѣты?... Ленинъ и нарциссы. . . Троцкій и фіалка. . .

Глупые люди. . . Я бы на ихъ мѣстѣ этого не потерпѣлъ. . . Какъ они не понимаютъ, что, пройдя по городу, въ которомъ тамъ и здѣсь на углахъ огромныя, яркія пятна массированныхъ въ одномъ мѣстѣ этихъ чудныхъ существъ, — цвѣтовъ, самый жалкій, самый забитый, самый загнанный въ щель буржуй вздохнетъ полной грудью и станетъ напѣвать:

„Ще не вмерла Украина“. . .

* * *

Итакъ, былъ чудный майскій день... Въ окошко, кромѣ мыслей о буржуяхъ, трудящихся надъ розами, врывались звуки военной музыки.

Удивительно, какъ большевики полюбили военный оркестръ. Бѣдна все таки человѣческая изобрѣтательность. Для того, чтобы поддерживать бодрость духа въ арміи, гимнъ которой „отречемся отъ стараго міра“, — не нашли иного средства, кромѣ средства стараго, какъ міръ... мѣдь бряцающую.

Противъ моей квартиры за квадратиками съ розами — большое красивое зданіе. То есть оно, собственно, потому кажется красивымъ, что оно свѣже оштукатурено. Въ соціалистическомъ раю не моются не только люди, но и дома. Это подлинное царство „неумытыхъ рылъ“, и по весьма простымъ причинамъ. . . нѣтъ воды для лицъ, нѣтъ денегъ для ремонта домовъ. Кто будетъ ремонтировать?... Частная собственность уничтожена. Дома управляются „домкомами“, т. е. комиссіями, избранными населеніемъ дома. „Избранный“ домкомъ, разумѣется, не можетъ потребовать съ „избирателей“ такой платы за квартиру, которая дала бы возможность ремонтировать домъ. И потому дома постепенно разрушаются, и ужъ конечно не до того, чтобы штукатурить фасады. . .

И вотъ посреди этихъ угрюмыхъ, постарѣвшихъ, покрывшихся преждевременными морщинами домовъ нарядненькой, чуть голубоватой свѣжей штукатурочкой кокетничаетъ это большое зданіе. . .

Что это такое?... Ну, разумѣется, это то, чѣмъ только интересуются въ царствѣ „трудящихся“ . . . Это — штабъ.

Т. е. мѣсто, гдѣ разрабатываются способы, какъ принудить 150 милліоновъ народа трудиться не покладая рукъ, для того, чтобы 150 тысячъ бездѣльниковъ, именующихъ себя „пролетаріатомъ“, могли бы ничего не дѣлать. (Этотъ строй, какъ извѣстно, называется „диктатурой пролетаріата“ . . .)

Такъ вотъ, противъ наряднаго совѣтскаго штаба, влѣзшаго въ зданіе, которое было построено до революціи для Военнаго Округа, всегда происходятъ какіе то парады.

Парадоманія у большевиковъ ничуть не меньше, чѣмъ въ эпоху Павла I. Вотъ играютъ „встрѣчу“. Кого это встрѣчаютъ? . . . Ахъ, да . . . нашъ городъ посѣтилъ высокій гость, — товарищъ Луначарскій . . . Питомецъ Кіевской Императорской Александровской Гимназіи, нынѣ нѣчто въ родѣ министра искусствъ соціалистической республики. Почему ему устраиваютъ *военную* встрѣчу, — понять трудно: это пахнетъ Гоголемъ. . .

Музыка замолкаетъ. Слышны какіе то отдѣльные нечленораздѣльные звуки, какъ изъ испорченнаго, поставленнаго на чердакѣ, граммофона. Очевидно товарищъ Луначарскій говоритъ рѣчь. Затѣмъ . . . ахъ, что это такое?! . . . Да, — это оно. . . Знакомое, могучее, непобѣдимое. . . Ахъ, глупые, глупые люди, несчастное русское стадо! . . . Кричатъ „ура“. . . Волной перекатываясь, затихая и снова взмывая, волнующее, щемящее. . .

Есть ли предѣлъ русской дури. . .

Кому кричатъ „ура“, завѣтное, русское „ура“, прокатившееся по всему міру, отъ Парижа до Пекина, отъ Швеціи до Персіи? . . . Кому? Одному изъ тѣхъ негодяевъ, которые заставили русскую громаду рѣзать другъ друга и въ награду за море крови подарили имъ голодъ, холодъ и темноту. . .

И кричатъ „ура“ . . .

Значитъ, еще не конецъ. . . Значитъ, дурацкія головы, судьба будетъ еще хлестать васъ по щекамъ до тѣхъ поръ, пока не поумнѣете. . .

* * *

— Васъ желаетъ видѣть какая то дама. . .

Слѣдуетъ продолжительное совѣщаніе. Общее правило въ соціалистической республикѣ, что каждый незнакомый человѣкъ можетъ быть шпіонъ. Я вдругъ начинаю понимать,

почему образовался этотъ обычай при встрѣчахъ протягивать открытую руку. . .

Это вотъ почему. . . Въ вѣкъ звѣриный, когда по мрачной землѣ бродили люди, видѣвшіе за каждымъ стволомъ дерева смертельную опасность, люди свирѣпѣе скифовъ, они все-же иногда встрѣчались. . . И если у нихъ не было враждебныхъ намѣреній, что бывало не часто, они показывали другъ другу открытую ладонь, въ доказательство того, что въ рукѣ нѣтъ камня. Затѣмъ тихонько съ опаской подходили другъ къ другу, ближе и ближе и, наконецъ, чтобы убѣдиться окончательно, ощупывали другъ другу руки. И съ теченіемъ времени это превратилось въ дружественное рукопожатіе.

Такъ и сейчасъ. . . Въ этомъ царствѣ XX вѣка, нео-звѣриномъ, люди опять ощущаютъ справедливость старинной поговорки: homo homini lupus est. И они не смѣютъ прямо и просто подойти другъ къ другу. Подозрительно и долго, по разнымъ, неуловимымъ для свѣжаго человѣка, но явственнымъ для истаго контръ-революціонера признакамъ, опредѣляется — не изъ чрезвычайки-ли этотъ человѣкъ, въ данномъ случаѣ эта дама.

Но скоро я понялъ, что это просто Вѣра Михайловна. . .

* * *

Когда я съ нея познакомился, мы очень быстро сблизились . . . какъ это бываетъ только у большевиковъ, на почвѣ общей опасности и взаимопомощи. Оттѣнки вѣдь въ Совдепіи не въ модѣ. Наказаніе, напримѣръ, одно — „къ стѣнкѣ". . . Такъ и въ человѣческихъ отношеніяхъ. . .

Вчера вы не были знакомы . . . сегодня у васъ дружба въ буквальномъ смыслѣ слова не на жизнь, а на смерть . . . ибо завтра вы спасли ее, или она васъ . . . а послѣзавтра васъ вмѣстѣ разстрѣляютъ. . .

И вотъ она сказала мнѣ. . .

— Вы знаете, что, кажется, изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, я больше всего ненавидѣла васъ. . .

— За что?

— За ваши рѣчи въ Государственной Думѣ. . . Вѣдь я — убѣжденная эсъ-эрка . . . т. е. была. . .

— А теперь? . . .

— И теперь тоже . . . то есть нѣтъ . . . то есть не знаю . . . во всякомъ случаѣ. . .

Я не сталъ разспрашивать объ этомъ „всякомъ случаѣ“... Дѣло было и такъ ясно. . .

* * *

Какъ много теперь такихъ на свѣтѣ . . . сознавшихся . . . несознавшихся . . . и полусознавшихся, какъ Вѣра Михайловна. . .

* * *

Вѣра Михайловна была очень взволнована.

Вотъ что произошло.

Въ кафе, куда она случайно зашла, пришелъ какой то субъектъ. Онъ обратился къ прислуживающей въ этомъ кафе дамѣ. Извѣстно, что революція произвела въ Россіи революцію также и въ кафе. Образовался цѣлый рядъ предпріятій, содержимыхъ такъ называемыми „дамами изъ общества“. Поэтому вы никогда не можете быть увѣреннымъ, что барышня, которая подаетъ вамъ кофе или пирожокъ, не какая нибудь звонкая русская фамилія или что нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, профессія, именуемая на Западѣ кельнершами, почти цѣликомъ перешла къ интеллигентнымъ русскимъ женщинамъ.

Это кафе было въ этомъ родѣ. Между столиками бродили придымленной походкой „бывшія дамы“.

Этотъ субъектъ пилъ кофе и говорилъ непонятныя вещи. Онъ, молъ, пріѣхалъ изъ Крыма и имѣетъ важное порученіе. Отъ кого?... Отъ „Слова“? Къ кому? . . . Къ „Вѣди? . . . Усталыя дамы съ придымленной походкой ничего не поняли въ этой таинственности. Онѣ не знаютъ никакого „Слова“ и никакого „Вѣди“. . .

Тогда субъектъ сталъ говорить прямѣе. Онъ присланъ къ В. В. Шульгину, и въ Крыму ему сказали, что онъ доберется до него черезъ это кафе. . .

На блѣдныхъ лицахъ бывшихъ дамъ отразилось изумленіе и страхъ. Конечно, онѣ слыхали мою фамилію и очень понимали, что вести со мною знакомство въ настоящую ми-

нуту не безопасно. Но вѣдь онѣ по настоящему никакого понятія обо мнѣ не имѣли. А вдругъ этотъ человѣкъ провокаторъ. . .

Вѣра Михайловна слушала все это, не подавая виду. И вотъ прибѣжала сообщить мнѣ. Субъектъ говорилъ о томъ, что онъ имѣетъ очень важное порученіе изъ Крыма, что ему совершенно необходимо меня повидать, что онъ привезъ деньги для меня. Онъ будетъ ожидать завтра цѣлый день въ такой то квартирѣ. Онъ называлъ себя „котикомъ".

Вѣра Михайловна сидѣла на подоконникѣ. Обвивая ее съ двухъ сторонъ, врывались желтые звуки мѣдныхъ инструментовъ. Какому еще великому человѣку играли встрѣчу?...

Въ эту минуту, несмотря на запрещеніе, въ комнату вошла Ирина. У нея былъ румянецъ на щекахъ и голубые глаза явственно доказывали, что она или скажетъ дерзость или будетъ плакать. За ней съ виноватымъ и хмурымъ видомъ вошелъ Вовка — поручикъ Л. Очевидно ему не удалось ее удержать, какъ ему было приказано. Я понялъ, что ничего не подѣлаешь, и познакомилъ этихъ дамъ.

Обсужденіе положенія началось вчетверомъ.

Ирина сразу приняла агрессивное положеніе.

— Ясно, что этотъ „Котикъ" провокаторъ... Отъ „Слова" къ „Вѣди"!... Вѣдь это прямо очевидно... Ваши письма были озаглавлены отъ „Вѣди" къ „Слову"... Естественно, что провокаторъ, чтобы заслужить довѣріе, употребитъ тѣ же выраженія въ обратномъ порядкѣ... И потомъ этотъ разсказъ...

Она запнулась, потому что этотъ разсказъ обозначалъ, что Эфема схватили... Разсказъ былъ такой. Будто въ день, когда онъ долженъ былъ уѣхать съ товарищемъ того курьера, который былъ присланъ изъ Крыма, его видѣли на улицѣ на извощикѣ съ какими то вооруженными красноармейцами. Этотъ разсказъ страшно взволновалъ меня, и я далъ сейчасъ же ордеръ по всей линіи, узнать черезъ наши связи, — не попалъ ли Эфемъ въ одно изъ мѣстъ заключенія, которыхъ было нѣсколько. Главное было на Маразліевской, огромный домъ, который одной стороной выходилъ на Канатную 29. Потомъ была еще чрезвычайка на Екатерининской, потомъ

была тюрьма и еще нѣсколько мѣстъ... Всюду были наведены точныя справки, ибо списки во всѣхъ этихъ мѣстахъ ведутся. Но нигдѣ его не было обнаружено. Это меня успокоило, и мы объяснили то, что его видѣли на извощикѣ съ красноармейцами такъ, что его спутникъ переодѣлся красноармейцемъ для безопасности. Ирина В. утверждала, что субъектъ, появившійся въ кафе, — провокаторъ. Но вѣдь можно было предположить и другое... Именно, что Эфемъ благополучно доѣхалъ, дѣйствительно передалъ письмо „Вѣди" — „Слову" и что „Котикъ" привезъ отвѣтъ.

Расчетъ времени, правда, плохо выходилъ. Прошла вѣдь только одна недѣля со дня отъѣзда Эфема. За это время ему — доѣхать до Севастополя, а „Котику" пріѣхать изъ Севастополя въ Одессу было почти невозможно. Но „почти" нѐ есть полная увѣренность... А вдругъ Эфемъ все-же доѣхалъ, тамъ мои друзья переполошились и въ тотъ же день послали въ Одессу мнѣ на помощь...

Мы долго обсуждали этотъ вопросъ. Шансы почти уравнивались. Можетъ быть и настоящій курьеръ, можетъ быть и провокаторъ.

Въ концѣ концовъ я рѣшилъ пойти на свиданіе съ этимъ Котикомъ... Благо онъ устроилъ это очень удобно — завтра онъ будетъ ждать меня цѣлый день.

* * *

„Завтра" съ утра собиралась гроза. И разразилась она тогда, когда Ирина съ Вовкой ушли.

Планъ компаніи былъ таковъ. Вовкѣ было поручено войти въ ту квартиру, которая была указана, подъ предлогомъ, что онъ отыскиваетъ комнату. Сдѣлать рекогносцировку, такъ сказать, на взглядъ, насколько квартира подозрительна и если возможно, не спрашивая ничего, а только „ловкостью рукъ" повидать этого „Котика", какъ онъ себя назвалъ. Сдѣлавъ рекогносцировку, прійти въ одну квартиру, гдѣ я его буду ждать.

Иринѣ было приказано (именно приказано, — она только что вступила въ „организацію" и психологически душа ея жаждала приказанія) неотступно слѣдить за Вовкой, когда онъ

будетъ выходить изъ той квартиры и вообще на всякій случай. Самому человѣку очень трудно опредѣлить, слѣдятъ ли за нимъ. Для этого случая обязательно долженъ быть сопровождающій, который легко выслѣдитъ слѣдящихъ. Это слѣжка за слѣжкой.

Они ушли и пошелъ дождь, какъ говорится въ какомъ то глупомъ каламбурѣ. Этотъ дождь сыгралъ роль во всей этой исторіи.

Я слушалъ въ продолженіи часа, какъ онъ барабанилъ по крышамъ, потомъ надѣлъ какое то непромокаемое пальто, которое я случайно нащупалъ въ полутемной передней, свою черную фетровую шляпу, и вышелъ.

„Люблю грозу въ началѣ мая“ . . .

* * *

Дождь стихъ и очень пахло свѣжестью и цвѣтами. Я страшно люблю эту минуту, когда послѣ пустынности разогнанной дождемъ улицы вновь съ феерической быстротой закипаетъ жизнь. Люди почему то въ эти минуты какіе то веселые и молодые . . . Я думаю, всѣмъ, даже самымъ старымъ, хочется пошлепать по лужамъ . . .

Я поднялся въ эту квартиру.

Двѣ молоденькія барышни . . . Онѣ были предупреждены, что я прійду. Но имъ не было сказано, кто я. Имъ было сказано, что прійдетъ господинъ, которому надо видѣться съ Вовкой. И это было для нихъ достаточно.

Я сказалъ съ ними нѣсколько словъ. Обѣ были кіевлянки . . . У нихъ не было почти никакой мебели въ комнатѣ. Одна лежала на полу и что то учила. Другая сказала мнѣ, что она сестра милосердія. Обѣ были въ большой нуждѣ, но бодрыя и радостныя радостью молодости. И улыбались такъ, какъ могутъ улыбаться только кіевлянки . . .

Узнали ли онѣ меня? . . . Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ.

Говорятъ, что женщины болтливы . . . Но какъ бы онѣ могли, если бы это было, такъ обманывать? Ни одинъ мужчина, самый скрытный, не такъ скрытенъ, какъ самая откровенная женщина. Это у нихъ въ крови.

* * *

Пришелъ Вовка. Онъ вошелъ въ квартиру и нашелъ, что все въ порядкѣ, спросилъ Котика и даже привелъ его сюда...

— Какъ... Гдѣ же онъ?...

— Въ передней...

Мы попросили барышенъ „очистить помѣщеніе“, и Вовка ввелъ этого человѣка.

Это былъ человѣкъ маленькаго роста, неопредѣленныхъ лѣтъ, отъ 25 до 40... Совершенно бритый, голова и лицо. Характерно было слѣдующее: онъ производилъ впечатлѣніе мертвой головы съ этими глубоко втянутыми щеками и запавшими глазами.

— Вы — „Вѣди“?... Я присланъ отъ „Слова“ къ „Вѣди“...

— Да, я — „Вѣди“... Садитесь пожалуйста...

По классическому обычаю всѣхъ Шерлоковъ Хольмсовъ я опустился въ кресло спиной къ свѣту, чтобы мое лицо было въ тѣни. То есть я это сдѣлалъ потому, что мои глаза не выносятъ свѣта, но онъ то вѣроятно подумалъ, что я это дѣлаю изъ предосторожности. Онъ сидѣлъ около стола, маленькій, незначительный, одѣтый въ темно синій люстриновый костюмъ. Такіе стали почему то входить въ моду среди совѣтскаго чиновничества (очевидно прислали какую то партію). Это мнѣ не понравилось. Но вѣдь развѣ онъ не могъ переодѣться здѣсь...

Онъ началъ:

— Я очень боюсь... какъ бы меня не выслѣдили... Правда, я переодѣлся совершенно...

Вотъ и отвѣтъ...

— У васъ есть ко мнѣ письмо?...

— Нѣтъ, письма не успѣли написать. Меня спѣшно вызвали къ капитану Александросу, то есть къ моему начальнику...

— Гдѣ?...

— Въ Севастополѣ... Я служу въ военной развѣдкѣ... Вдругъ меня зовутъ и приказываютъ спѣшно ѣхать въ Одессу, найти васъ... Вѣдь вы господинъ Шульгинъ?

— Да, я Шульгинъ.

— Найти васъ и передать вамъ хоть на первое время деньги. Эги деньги лично для васъ... Немного... Тутъ же былъ и „Слово“... господинъ Л...

„Слово“ вовсе не господинъ Л... Это на мгновенье возобновило мои подозрѣнія... Но съ другой стороны, — откуда бы онъ могъ знать, кто такой „Слово“... Очень естественно, что „Слова“ не оказалось въ Севастополѣ, Л. вскрылъ письмо и поспѣшилъ прислать мнѣ прежде всего деньги... Но подозрительно было, почему нѣтъ хоть бы маленькой записки, какъ это у насъ было принято... Но съ другой стороны, вѣдь деньги не имѣютъ запаха, а записка... записка всегда можетъ погубить курьера.

— Хотите получить кушъ?..

Меня это выраженіе „кушъ“, подъ которымъ онъ подразумѣвалъ присланныя деньги, покоробило. Но вѣдь мало-ли какой у нихъ жаргонъ, въ этихъ развѣдкахъ.

— Пожалуйста.

Онъ вынулъ пачку денегъ.

— Тутъ немного... Лично для васъ... Сейчасъ же послѣ меня или я самъ, или другой курьеръ, привезутъ вамъ деньги на „дѣло“. Вы только напишите, что вы предполагаете дѣлать, ваши планы и размѣръ организаціи и сколько вамъ приблизительно нужно... А тутъ разными деньгами... Царскими, совѣтскими... понасобирали...

— Это же собственно чьи деньги?...

— Это... право не знаю... Мнѣ передалъ Александросъ, но я думаю, что это деньги господина Л... Вы мнѣ расписку можете написать?

— Пожалуйста...

— Еще одно...

По его лицу прошло нѣчто, что я сразу понялъ... Онъ будетъ просить какое нибудь вознагражденіе.

— Если вы можете, я вамъ часть этихъ „царскихъ“ дамъ „совѣтскими“.

Дѣло было ясно... „Царскія“ стоили во много разъ дороже, чѣмъ „совѣтскія“. На этомъ обмѣнѣ онъ зарабатывалъ порядочную сумму... Я его сразу понялъ, но рѣшилъ

ему не отказывать, — человѣкъ сто разъ рисковалъ своей жизнью, чтобы добраться до меня, какъ ему не дать.

Я далъ ему расписку, сообразивъ, что и послѣ этого вычета останется порядочная сумма по нашимъ средствамъ. Деньги перешли въ мой карманъ.

Я сталъ распрашивать его о Крымѣ . . .

— Какъ армія? . . . Дисциплина возстановлена? . . .

— Возстановлена. Въ нѣкоторыхъ частяхъ очень хорошо . . . Былъ бунтъ Орлова, но это кончилось . . . Земельная реформа производится. Съ рабочими теперь стало лучше . . . Дорого, но хлѣбъ есть . . .

— Что же, есть какое нибудь правительство?...

— Да . . . во главѣ стоитъ какъ . . . егофамилія! . . . онъ еще былъ при старомъ режимѣ министромъ. . .

— Кривошеинъ? — подсказалъ Вовка.

— Да, да, Кривошеинъ. . .

— Какъ вы ѣхали?

— Черезъ Тендру. . . на Тендрѣ — тамъ пунктъ. . . а оттуда знакомые рыбаки переправили.

— Сколько времени вы ѣхали? . .

— Три дня. . . тамъ очень просятъ, чтобы вы какъ можно скорѣе прислали планъ вашей работы. . . Что вы предполагаете дѣлать и все прочее. . . какъ можно скорѣе. . . я завтра хочу ѣхать обратно, — я бы и отвезъ. . .

Я принялъ рѣшеніе. Мнѣ онъ казался настоящимъ курьеромъ. Держалъ онъ себя просто, интеллигентности былъ средней. Я спросилъ его еще.

— Вы офицеръ? . . .

— Нѣтъ. . . я изъ рабочихъ. . . Ропитовецъ. . .

Значитъ, и въ этомъ пунктѣ не вретъ: мнѣ ясно было, что онъ не офицеръ. Среди же Ропитовцевъ, т. е. рабочихъ „Русскаго Общества Пароходства и Торговли", дѣйствительно было очень много сочувствующихъ намъ элементовъ.

И я рѣшилъ такъ. То, что онъ отъ меня проситъ, я дамъ ему завтра. За сутки что нибудь выяснится. Нужно назначить ему второе свиданіе. Если выяснится что нибудь подозрительное, я не пойду.

И я сказалъ ему:

— Вотъ что. . . я приготовлю планъ. Онъ будетъ изложенъ коротко, но по возможности полно; я задѣлаю его такъ, чтобы вамъ легко было его везти. Напримѣръ, вы получите завтра коробку съ папиросами и въ одной изъ папиросъ будетъ все, что вамъ нужно. Вы передадите папиросы „Слову“.

— Хорошо. . . только пожалуйста отмѣтьте хотя бы точкой, какая будетъ папироса.

Эта фраза сильно усыпила мои подозрѣнія. Если онъ провокаторъ, неужели онъ будетъ заботиться о какой то точкѣ на папиросѣ. Очевидно въ немъ говоритъ добросовѣстность добросовѣстнаго развѣдчика. Къ тому же для провокатора онъ поразительно спокоенъ. Вѣдь онъ одинъ въ квартирѣ, въ совершенно незнакомой ему квартирѣ, и въ сущности въ нашихъ рукахъ. Допустимъ, какимъ нибудь образомъ мы узнаемъ, что онъ провокаторъ. Намъ нечего терять, потому что мы въ мышеловкѣ, — навѣрное подъѣздъ окруженъ—и тогда въ отчаяніи изъ злобы и мести можемъ и отправить его на тотъ свѣтъ. Провокаторъ все таки бы волновался. А этотъ абсолютно спокоенъ.

Въ это мгновенье распахнулась дверь и въ комнату ворвалась. . . Ирина. Именно ворвалась. Однаго взгляда было достаточно, чтобы опредѣлить, что она сильно взволнована.

— Простите, что я такъ вошла. . . Мнѣ нужно поговорить съ вами, Владиміръ Александровичъ.

Мы встали при ея появленіи. Всталъ и „Котикъ“. Она подала ему руку и по привычкѣ и въ растерянности ткнула ее ему въ губы. Тутъ произошло мгновенное замѣшательство. Котикъ, можетъ быть не привыкшій цѣловать дамамъ ручку, сильно покраснѣлъ, смутился. . .

— Владиміръ Александровичъ, можно васъ на минутку...

Они ушли въ корридоръ.

Я остался вдвоемъ съ Котикомъ и, пытаясь сообразить, что обозначаетъ появленіе Ирины, продолжалъ распросы о Крымѣ. Но предварительно я сказалъ ему на всякій случай:

— Вы простите, пожалуйста. . . и не опасайтесь. . . Она ни во что не посвящена и совершенно даже не догадывается. . . Очевидно какая то исторія. . .

При этомъ я сдѣлалъ такое выраженіе лица, чтобы можно было подумать, что Ирина закатываетъ какую то сцену молодому студенту, т. е. Вовкѣ.

Мы поговорили еще о Крымѣ. Котикъ оправился отъ смущенія и отвѣчалъ на распросы толково. Для меня было ясно, что онъ во всякомъ случаѣ былъ въ Крыму.

Вошелъ Вовка.

—Необходимо вамъ сказать два слова.

Я извинился передъ Котикомъ съ видомъ „о Господи, Боже". Я чувствовалъ, что что то случилось.

Въ темномъ корридорѣ Ирина взволнованно шептала.

— Я слѣдила за Вовкой. . . онъ вошелъ въ квартиру „Котика". . . Былъ сильный дождь. . . никого не было на улицѣ. . . А у подъѣзда, куда онъ вошелъ, я увидѣлъ двухъ. . . бритые. . . должно быть жиды. . . Одинъ побольше, другой — поменьше. . . и толстый. . . Высокій въ желтыхъ ботинкахъ, низкій въ черныхъ лакированныхъ. . . Они не уходили, несмотря на дождь. Я тоже не уходила. . . Стояла напротивъ. . . Они меня замѣтили. . . я дѣлала видъ, что пережидаю дождь. . . Вовка вышелъ. . . съ „Котикомъ"... желтые и лакированные пошли за ними. . . на углу къ нимъ подошло еще двое — ихъ четверо. . . я не могла больше слѣдить, потому что всѣ они меня хорошо замѣтили. . . этотъ мой клѣтчатый костюмъ бросается въ глаза. . . и золотые волосы. . . я должна была уйти. . . я обѣжала нѣсколько кварталовъ, чтобы ихъ сбить и пришла сюда . . . Но они тутъ!... у подъѣзда. . . желтые и лакированные!. . . Что мнѣ было дѣлать?!. . . Они васъ схватятъ, какъ только вы выйдете, они васъ схватятъ.

Я понялъ, что опасность дѣйствительно есть. Въ сущности мы были въ мышеловкѣ. . . Но надо выкручиваться какъ нибудь. . .

— Позовите сюда этихъ барышенъ. . . Пусть переодѣнутъ Ирину.

Все съ этой минуты пошло очень быстро. Я вернулся къ Котику, сообразивъ, что надо быть особенно осторожнымъ сейчасъ. Конечно, онъ провокаторъ. Какимъ образомъ эти „желтые" и „лакированные" могли очутиться здѣсь у

подъѣзда этой квартиры послѣ того, какъ они стаціонировали у квартиры Котика. Совпаденіе. . . Нѣтъ, такихъ совпаденій не бываетъ.

Я сказалъ ему:

— Вы знаете, эти барышни, въ комнатѣ которыхъ мы сейчасъ, онѣ глупенькія барышни, которыя по счастію ничего не понимаютъ. . . Но онѣ начинаютъ волноваться. . . Вѣдь я имъ даже не знакомъ, Вы — тоже. . . Какое то таинственное засѣданіе у нихъ въ комнатѣ. . . Онѣ боятся. . . Вотъ почему приходится ихъ успокаивать. . .

Сказавъ ему еще нѣсколько фразъ, я опять вышелъ въ корридоръ. Ирина была уже готова. Передо мною стояло незначительное существо, въ какомъ то длинномъ старенькомъ бурнусѣ, закутанное въ темную вуаль . . . Неопредѣленнаго возраста женщина, скорѣе пожилая, и бѣдная . . .

Я сказалъ барышнямъ:

— Проводите ее чернымъ ходомъ .. Ирина, выходите черезъ ворота . . . И не возвращайтесь домой . . . Ночуйте у знакомыхъ.

Теперь очередь была за Вовкой. Вовку „желтые и лакированные“ хорошо видѣли. И надо было, чтобы онъ ушелъ незамѣтно во что бы то ни стало, ибо если его и не схватятъ, то за нимъ будутъ слѣдить, пока не откроютъ нашу квартиру. Вотъ тутъ то сыграло роль то непромокаемое пальто, которое я случайно захватилъ, такъ какъ шелъ дождь. Я одѣлъ въ него Вовку и нахлобучилъ на него свою черную фетровую шляпу. Изъ студента, если и не наряднаго, то во всякомъ случаѣ вполнѣ студента, вдругъ получился какой то молодой еврейчикъ, не то скрипачъ, въ дешевенькомъ ресторанѣ, не то мальчикъ для подозрительныхъ порученій.

Въ это время барышни донесли, что Ирина выбралась благополучно.

— Ну, поручикъ. . . ваша очередь. . .

Онъ ушелъ. А я пошелъ къ провокатору.

Теперь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ мнѣ уйти. . . Но это меня мало затрудняло. Изъ насъ трехъ я былъ единственный, котораго „желтые и лакированные“ не видѣли. Узнать же меня, какъ Шульгина, если даже они меня и знали

раньше, почти невозможно. Они увидятъ передъ собой старика съ большой сѣдой бородой въ какой то фуфаечкѣ, не то шарманщика, странствующаго по дворамъ, не то мастерового. Эта вязанная куртка, что была на мнѣ, она очень меня выручала.

Главный вопросъ состоялъ въ томъ, дастъ ли мнѣ Котикъ выйти первымъ. Если онъ уйдетъ первымъ, онъ конечно укажетъ меня, и меня уже не выпустятъ. Но если я уйду первымъ, то „желтые и лакированные" не могутъ знать, что я — я. . .

Я сказалъ ему:

— Знаете что. . . Я немножко побаиваюсь за васъ. . . Какъ бы васъ не выслѣдили . . . Поэтому, подождите еще четверть часа, пока стемнѣетъ. И выходите чернымъ ходомъ... васъ проводятъ . . . А я пойду . . . Завтра къ вамъ прійдутъ съ папиросами, и если успѣете, я бы хотѣлъ еще васъ повидать . . . Вы тогда условитесь съ тѣмъ, кто вамъ принесетъ папиросы.

Къ удивленію моему, онъ согласился. Значитъ онъ выпускалъ меня. Или онъ былъ увѣренъ въ своихъ „желтыхъ и лакированныхъ", или испугался и боялся себя выдать. Чувствовалъ ли онъ, что открытъ и, если не исполнитъ того, что я ему говорю, то съ нимъ поступятъ плохо . . . Во всякомъ случаѣ, онъ остался сидѣть въ комнатѣ, а я спустился по лѣстницѣ и вышелъ на улицу.

Тутъ только я сообразилъ, что мнѣ нечего надѣть на голову. Въ рукахъ у меня была Вовкина студенческая фуражка, но не могъ же я ее надѣть съ сѣдой бородой. Шелъ мелкій дождь. Я сдѣлалъ видъ, что мнѣ жарко и я подставляю голову „освѣжающей влагѣ". Растирая голову рукой, одновременно, я маскировалъ верхнюю часть лица, то есть собственно глаза. Говорятъ, по глазамъ легче всего узнать . . . Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ пересѣкать улицу.

Въ это мгновенье съ другой стороны улицы ко мнѣ бросилось двое. У меня было опредѣленное ощущеніе, что они меня схватятъ за руки. Я опустилъ глаза и увидѣлъ справа отъ себя „желтые". . . а слѣва „лакированные" . . . Это были они . . .

Это продолжалось одно мгновенье . . . Они заглянули мнѣ въ самое лицо съ двухъ сторонъ. Тогда я поднялъ глаза и изумленно посмотрѣлъ на одного и другого. Этотъ взглядъ рѣшилъ дѣло.

Очевидно они оба сказали себѣ: „Нѣтъ, не можетъ быть“... Они пропустили меня, и я прошелъ между ними. Мнѣ даже не хотѣлось оглянуться. Я такъ сильно чувствовалъ, что я старикъ мастеровой, которому никакого дѣла нѣтъ до этихъ господъ.

Я обернулся, пройдя два квартала. Повидимому никто за мной не слѣдилъ. Въ это мгновенье я натолкнулся на переодѣтаго Вовку, который бродилъ около, опасаясь, что со мною. Изъ предосторожности я не подошелъ къ нему, а только сказалъ:

— Идите прямо... я нагоню васъ . . .

* * *

Я нагналъ Вовку, который внимательно читалъ у какого то тамбурина.

— Вовка, этого не слѣдуетъ дѣлать . . . Эти объявленія наклеены три мѣсяца тому назадъ . . .

Онъ вздрогнулъ и обрадовался.

— Ну, погуляемъ . . . Если эти господа слѣдятъ, то пусть поработаютъ.

И мы гуляли . . . хорошимъ шагомъ . . . контрреволюціоннымъ . . . Наконецъ, мы вышли на длинную улицу, которая была хорошо видна и на которой не было ни одного человѣка. Тогда я сказалъ Вовкѣ:

— Теперь мы гарантированы . . . начисто . . .

Рекомендую вниманію тѣхъ, кому приходится скрываться отъ слѣжки, что это единственный способъ дѣйствительно быть увѣреннымъ, что за вами не слѣдятъ. Если на улицѣ есть хоть нѣсколько человѣкъ, каковы съ виду они-бы ни были, у васъ нѣтъ увѣренности. Но если вы выйдете въ такое мѣсто, гдѣ, насколько доступно оку, нѣтъ ни единаго человѣческаго существа, ваша игра отыграна . . .

Въ этотъ вечеръ по совершенно пустыннымъ улицамъ, среди дождя и темноты, мы все же разыскали Ирину. Она

ночевала у какой то своей подруги и утверждала, что за ней не слѣдили. У нея на этотъ счетъ былъ очень хорошій пріемъ, но объ немъ умалчиваю, можетъ быть пригодится еще когда нибудь . . .

Мы же съ Вовкой вернулись домой.

Мы выскочили на этотъ разъ... Но что же съ Ф. М.?! Если этотъ человѣкъ провокаторъ, то значитъ Эфема схватили. Откуда они могли знать „Вѣди" и „Слово", какъ не изъ писемъ, которыя были на немъ . . .

Письмо отъ Главнокомандующаго.

Вѣра Михайловна вызвала меня на свиданіе. Она назначила мнѣ Соборъ. Я пошелъ туда. За мной на такомъ разстояніи, чтобы не терять меня изъ глазъ шелъ сынъ — Ляля.

Я чувствовалъ, что вокругъ меня и всѣхъ насъ шарятъ ищущія руки Чрезвычайки. И потому надо было принимать мѣры. Мы никогда не выходили изъ дому, не осмотрѣвшись хорошенько, и взяли себѣ за правило всегда обращать вниманіе, не слѣдитъ ли кто нибудь. Но вдвоемъ это гораздо легче.

Мнѣ предстояло пройти черезъ большой кусокъ города. По дорогѣ вышла задержка. Впереди раздались какіе то выстрѣлы. Люди шарахнулись во всѣ подъѣзды. Улица опустѣла.

Я сначала не понялъ, что это такое, но потомъ сообразилъ. Это было въ своемъ родѣ поучительное зрѣлище.

Сначала показалась цѣпь красноармейцевъ, она захватила улицу поперекъ и отъ время до времени палила въ воздухъ. За этой цѣпью шла толпа людей съ маленькими узелочками, мужчины и женщины. Одного взгляда мнѣ было ясно, чтобы понять, что это нашъ братъ, — контръ-революціонеры . . . Ихъ переводили изъ Центральной Чрезвычайки куда то въ другое мѣсто, должно быть въ тюрьму. Очевидно, это были важные преступники, если судить съ какой помпой ихъ вели. Не только передняя цѣпь красноармейцевъ, но и боковыя, которыя шли по тротуарамъ, вдоль самыхъ домовъ, палили въ воздухъ. Для чего это они дѣлали?... Чтобы въ паникѣ насе-

леніе разбѣгалось по домамъ, и было имъ свободно вести добычу . . .

Я думалъ о томъ, что вотъ и Эфемъ можетъ быть среди нихъ? Но его не было.

* * *

Было еще приключеніе . . .

Мы наткнулись на облаву. Облава — это одно изъ обычныхъ явленій „соціалистическаго рая“. Идутъ люди по улицѣ, тихо, мирно, все, какъ всегда . . . Но вдругъ начинается бѣгство. Навстрѣчу мчатся люди . . . Это значитъ, они тамъ, впереди, наткнулись на цѣпь. Часть этихъ бѣгущихъ успѣетъ проскочить. Остальныхъ поймаютъ. Ибо такія же цѣпи внезапно вынырнутъ въ противоположномъ концѣ улицы и на всѣхъ боковыхъ. Эти цѣпи постепенно сближаются и сгоняютъ людей въ одно мѣсто. Тогда начинается процедура пересмотра „улова“. Иногда такимъ образомъ ловятъ тысячу — двѣ, одинъ разъ поймали 8.000 человѣкъ. Тутъ же, на улицѣ, начинается провѣрка документовъ, ибо цѣль этихъ облавъ поймать контръ-революціонеровъ, дезертировъ, спекулянтовъ и всяческихъ враговъ совѣтской республики.

Облавы эти колоссально глупы потому, что у настоящихъ враговъ совѣтской власти, активныхъ, документы всегда въ блестящемъ порядкѣ. Длится это процедура много часовъ, затѣмъ подозрительныхъ ведутъ въ Чрезвычайку. Естественно, что подозрительными оказываются главнымъ образомъ тѣ, у кого есть деньги. Деньги остаются въ Чрезвычайкѣ.

Мы съ Лялей удачно юркнули въ переулокъ. Какъ только мы прошли, онъ замкнулся цѣпью. Но мы уже выскочили.

Эти люди имѣли совершенно особый видъ и наводили панику. Разсказывали, что Одесская Чрезвычайка получила изъ Москвы 400 абсолютно вѣрныхъ и прекрасно выдрессированныхъ людей. Было ли это такъ, не знаю, но внѣшній видъ ихъ былъ дѣйствительно, если не устрашающій, то дѣйствующій на воображеніе. На головахъ у нихъ были только что примѣненные тогда новые головные уборы. Они нѣсколько напоминали шеломы былинныхъ русскихъ витязей, но были сдѣланы изъ сукна защитнаго цвѣта, на какомъ то каркасѣ. На шлемѣ была нашита большая красная звѣзда. Остальная

одежда была обычная — форменная, одинаковая у всѣхъ и хорошаго качества. Люди имѣли сытый и довольный видъ. Очевидно, этихъ вѣрныхъ псовъ Чрезвычайки холили и лелѣяли . . . На взглядъ все это были русскіе, — но великороссы, не здѣшніе . . .

* * *

Бѣлый Одесскій Соборъ. Народу немного . . . Сейчасъ нѣтъ богослуженія.

Я сѣлъ на скамейкѣ. Вѣра Михайловна долго не приходила. И пріятно мнѣ было, страшно пріятно въ храмѣ . . .

Мнѣ припомнилось, какъ передъ эвакуаціей Одессы я былъ въ митрополичьихъ покояхъ и думалъ:

— Ну что же... прійдутъ большевики, а это останется...

И вотъ „это“ осталось. Стоитъ этотъ соборъ, какъ и остальныя церкви въ Одессѣ, и всѣмъ своимъ существомъ невидимо, ненащупываемо противится красному міру.

Отчего большевики перемѣнили свою политику въ отношеніи религіи — я не знаю. Я даже не знаю, перемѣнили ли они ее тамъ, въ Великороссіи, въ Москвѣ . . . Но здѣсь, въ Одессѣ, я долженъ засвидѣтельствовать, что отправленіе богослуженія, какъ таковаго, не преслѣдовалось. Всѣ храмы открыты, кромѣ домовыхъ церквей. Домовыя почему то закрыты.

Отчего это произошло? Оттого ли, что большевики не посмѣли тронуть религію вообще, или потому, что пришлось бы тронуть *одну* религію. Вѣдь невозможно было бы закрыть церкви, но не закрыть синагогъ . . .

* * *

Наконецъ она пришла . . . блѣдная, разстроенная . . .

Это ужасное извѣстіе подтверждалось. Нашлись люди, она говорила съ ними лично, которые видѣли, какъ несчастнаго Эфема везли. Это были Чрезвычайщики. Они держали револьверы у его висковъ, онъ былъ очень блѣденъ и повидимому узнавъ тѣхъ людей, его знакомыхъ, что стояли на тротуарѣ, отвелъ глаза . . .

И вмѣстѣ съ тѣмъ она принесла еще другое.

„Котикъ“ опять былъ. Онъ очень обиженъ, что повидимому ему не повѣрили и прервали съ нимъ сношенія; ему совершенно необходимо со мной увидѣться еще разъ. Онъ побывалъ у Варвары Петровны — дамы, у которой жилъ Эфемъ. И совершенно убѣдилъ ее въ томъ, что онъ настоящій, а не провокаторъ. Варвара Петровна въ ажіотажѣ и умоляетъ съ ней повидаться.

* * *

Я вышелъ изъ Собора, но не увидѣлъ сына, который долженъ былъ меня дожидаться. Зная, что мальчикъ ни за что не уйдетъ со своего „поста“, я началъ сильно безпокоиться. Примѣръ Эфема дѣйствовалъ на меня и мнѣ мерещилось, что Лялю схватили. Я долго его разыскивалъ и пережилъ нѣсколько ужасныхъ часовъ.

Но дѣло объяснилось... Къ вечеру онъ пришелъ на одну изъ нашихъ квартиръ. Онъ потерялъ меня изъ виду, когда я вошелъ въ Соборъ, бросился разыскивать въ сосѣднія улицы, пропустилъ меня поэтому, когда я уходилъ, и, вѣрный „долгу службы“, метался до вечера вокругъ Собора, пока ему не пришло въ голову искать по квартирамъ.

Проклятая жизнь... Это вѣчное безпокойство, дрожаніе за жизнь людей... Хоть мы и привыкли къ этому, но все же...

* * *

Я увидѣлся съ Варварой Петровной . . .

— Помилуйте, Василій Витальевичъ . . .

— Сколько разъ я вамъ говорилъ, что я не Василій Витальевичъ, а Иванъ Дмитріевичъ . . .

— Ну, Иванъ Дмитріевичъ . . . Подумайте . . . что это въ самомъ дѣлѣ . . . Да вѣдь онъ честнѣйшій человѣкъ.

— Кто? . . .

— Да „Котикъ“ . . . Я же его прекрасно знаю . . . онъ десять дней каждый день ко мнѣ приходилъ . . .

— Какъ? когда? почему?

— Да потому, что онъ тотъ самый, съ которымъ Ф. М. уѣхалъ. Господи!... Да я ихъ сама выправляла въ дорогу. И то, что у нихъ было, всѣ эти бумаги и письма, все я Котику собственными руками позашивала. Да что вы, Василій Витальевичъ... Честнѣйшій онъ человѣкъ...

— А вы знаете, что Ф. М. арестованъ?

— Да что вы!... Врутъ они всѣ... вругъ, всѣ врутъ... а ваша Вѣра Михайловна сумасшедшая... и ничего этого не было... я вотъ перекрещусь вамъ, чтобы вотъ такъ моимъ сыновьямъ было, какъ сейчасъ Ф. М... такъ ему хорошо, какъ никогда не было... я и на карты бросила... вѣрно говорю вамъ...

— „Котикъ" былъ у васъ теперь?

— Да былъ...

— Что же онъ говоритъ?...

— Да говоритъ, что довезъ благополучно Ф. М. до этого острова, какъ онъ называется... Тендра... И тамъ передалъ его нашимъ... а самъ вернулся.

— Какъ вернулся?... да вѣдь мнѣ онъ сказалъ, что онъ прямо изъ Севастополя... А деньги, какъ онъ получилъ?... Тоже на Тендрѣ?... А господина Л. тоже видѣлъ на Тендрѣ?...

— Да я ужъ не знаю... Можетъ быть и перепуталъ онъ что, какъ увидѣлъ, что ему не вѣрятъ...

— А почему же онъ не сказалъ, что это именно онъ ѣздилъ съ Эфемомъ?

— Да вѣдь вы его не спрашивали.

— Я не спрашивалъ... но Владиміръ Александровичъ спрашивалъ, и онъ сказалъ, что не знаетъ никакого Ф. М.

— А какъ же онъ могъ сказать неизвѣстному студенту?... Если бы вы его спросили, онъ бы сказалъ. А вы не спросили... Василій Витальевичъ.

— Иванъ Дмитріевичъ... Въ сосѣдней комнатѣ слушаютъ...

— Иванъ Дмитріевичъ, не губите вы дѣло... Подумайте, вамъ письмо, личное письмо отъ самого Врангеля...

— Какъ, это еще что?...

— А то, что вслѣдъ за Котикомъ прислали они второго курьера. Съ письмомъ отъ Врангеля къ вамъ и съ деньгами,

чтобы вы работу открыли... Иванъ Дмитріевичъ, не слушайте вы тѣхъ... Большое дѣло можете сдѣлать...

Мнѣ было совершенно очевидно, что „Котикъ" провокаторъ и что онъ погубилъ Эфема. И что этотъ второй курьеръ съ письмомъ отъ Врангеля тоже провокаторъ. И все таки...

И все таки... Когда женщина смотритъ вамъ въ глаза и вы читаете въ нихъ, что не скажемъ прямо трусость, а просто „излишняя осторожность" можетъ погубить дѣло, — это плохая атмосфера для принятія благоразумныхъ рѣшеній.

Я рѣшилъ рискнуть... Она оказывается видѣла уже этого второго курьера.

— Честнѣйшій человѣкъ... Офицеръ... фронтовикъ... такъ и видно... Цѣлый день у меня васъ ждалъ... Приходите завтра, я имъ скажу, въ семь часовъ...

Я согласился.

* * *

Я шелъ обратно черезъ какой то базаръ. Ахъ какія тамъ за 200 рублей можно было поѣсть щи!... Мнѣ очень хотѣлось. Но это было слишкомъ дорого для меня.

Но зато я не отказалъ себѣ въ удовольствіи пощупать гитару... Хорошая гитара продавалась на базарѣ. И сверкала такъ на солнцѣ мѣдными струнами, какъ золото. 10,000 рублей...

И когда я взялъ нѣсколько аккордовъ на этой золотострунной гитарѣ, внутренній голосъ совершенно явственно и отчетливо зашепталъ:

— Берегись... берегись... берегись...

Мнѣ не было страшно, и онъ не отговаривалъ меня отъ моего рѣшенія... Онъ только настойчиво твердилъ:

— Берегись... берегись... берегись...

* * *

Бываютъ же такіе случайности...

Когда я шелъ при бѣломъ свѣтѣ солнца по N-ской улицѣ, я столкнулся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который былъ тогда въ „желтыхъ". Теперь я разсмотрѣлъ его вполнѣ. Онъ былъ одѣтъ иначе: въ темносинемъ люстри-

новомъ, а на головѣ форменная фуражка, вродѣ какъ у заграничныхъ моряковъ. И вообще въ его обликѣ было что то заграничное. Онъ былъ еврей, — это несомнѣнно. Но я бы сказалъ — иностранный еврей.

Встрѣтивъ его, я подумалъ:

— А не будетъ сейчасъ маленькій толстый, что былъ въ черныхъ лакированныхъ. . .

И черезъ нѣсколько шаговъ столкнулся съ этимъ послѣднимъ. И этотъ несомнѣнно былъ тоже евреемъ. Онъ былъ одѣтъ одинаково съ тѣмъ первымъ, съ тѣмъ же заграничнымъ отпечаткомъ. Теперь я ихъ великолѣпно разсмотрѣлъ. . .

* * *

Отправляясь на свиданіе съ почти завѣдомымъ провокаторомъ я долженъ былъ принять нѣкоторыя мѣры. Я сдѣлалъ такъ.

Во первыхъ я рѣшилъ опоздать на часъ. Я понималъ, что провокаторъ приведетъ за собой свой хвостъ, который расположится на улицѣ. И мнѣ было выгодно, чтобы они пришли раньше меня, потому что если бы мнѣ удалось установить наличность агентовъ чрезвычайки у дома, я бы просто не вошелъ.

Но для этого мнѣ нужно было имѣть свою полицію. Такъ и было сдѣлано. Я рѣшилъ поставитъ дѣло семейнымъ образомъ. Я поручилъ главное начальство Лялѣ. У него подъ началомъ былъ младшій сынъ — Димка, а въ резервѣ моя жена. Она очень безпокоилась, и я чувствовалъ, что ей легче будетъ на „полѣ сраженія“.

Они должны были занять свои мѣста раньше условленнаго времени. Ляля — противъ дома, Димка — черезъ кварталъ, такъ, чтобы видѣть Лялю и исполнять его телеграфныя приказанія, жена около ограды одной церкви поблизости. Я долженъ былъ прійти съ опозданіемъ на часъ къ церковной оградѣ. Здѣсь мнѣ бы сообщили, что тамъ дѣлается около дома.

* * *

Я пришелъ къ оградѣ, какъ было условлено. Знакомая фигура жены, которую никакъ нельзя было подогнать подъ

защитный цвѣтъ, стояла у воротъ. Ея внѣшность, такъ же, какъ и видъ обоихъ сыновей, всегда меня безпокоилъ. За три улицы отъ нихъ вѣяло бѣлогвардейщиной.

— Мальчики не приходили?

— Нѣтъ. . .

Значитъ все благополучно. Я пошелъ, думая о томъ, какой жестокой пыткѣ я подвергаю близкихъ. Но какъ то мы всѣ дисциплинировались. Надо, такъ надо. Ни протестовъ, ни упрашиваній. . . Въ общемъ мы научились понимать, что въ трудныхъ положеніяхъ только отчетливое исполненіе того, что надо, спасаетъ дѣло.

* * *

На условленномъ углу я нашелъ Димку. Онъ въ своей красной рубашкѣ и съ вьющейся шевелюрой совсѣмъ напоминалъ Ваню изъ „Жизни за Царя".Опера не совсѣмъ подходящая къ случаю, хотя. . .

— Благополучно? . .

— Можно итти. . . Вонъ Ляля. . .

* * *

Ляля по классическому обычаю, примѣняемому въ такихъ случаяхъ, лускалъ сѣмечки. Удивительно, какъ сѣмечки дѣйствуютъ успокаивающимъ образомъ на Чрезвычайку. А еще говорятъ вѣрный способъ, если кто нибудь васъ подозрѣваетъ, — пройти мимо и пустить ему дымъ въ лицо. Впрочемъ, не пробовалъ — не курящій. . . Но знаю, что очень хорошо почаще сплевывать. . . Плевки и до сихъ поръ служатъ гарантіей демократичности. . .

— Ну, какъ дѣла? . . .

— Тѣхъ нѣтъ.

Подъ словомъ „тѣ" онъ подразумѣвалъ бывшихъ „желтыхъ и лакированныхъ", нынѣ называемыхъ „заграничные жиды въ морскихъ фуражкахъ". Благодаря сегодняшней встрѣчѣ я могъ съ совершеннѣйшей точностью описать ихъ наружность.

— А кто нибудь входилъ въ домъ?

— Входили, многіе . . . Но невозможно опредѣлить. . . На улицѣ никто не дежуритъ, это я знаю. . .

— Ну я пойду. . . Тебѣ хорошо виденъ балконъ?

— Виденъ. . .

— Я буду сидѣть на этомъ балконѣ. Въ случаѣ чего — нашъ условленный знакъ. . . Если со мной что нибудь случится, — я запрещаю дѣлать глупости. . . Понимаешь?. . .

Онъ приложился головой къ моему виску и нѣсколько разъ какъ то особенно постукалъ. Это съ дѣтства было у него выраженіемъ нѣжности, повиновенія и безпомощнаго протеста. . .

* *

Расположеніе было такое.

Входъ былъ только черезъ ворота. Нужный мнѣ домъ стоялъ во дворѣ, квартира была въ третьемъ этажѣ. Съ балкона хорошо было видно улицу, потому что по фасаду были только одноэтажныя зданія.

Я вошелъ въ квартиру. Варвара Петровна встрѣтила меня:

— Нѣтъ его еще . . .

Это было скверно. Они меня перехитрили. Я опаздывалъ на часъ, они очевидно рѣшили опаздывать на два . . . Теперь я въ западнѣ, если сейчасъ не уйду отсюда. Когда онъ прійдетъ, то, разумѣется, оставитъ свой хвостъ у воротъ. А вѣдь это единственный выходъ. Значитъ онъ будетъ у меня отрѣзанъ. Впрочемъ, я замѣтилъ рядомъ съ воротами лавочку. Лавочка навѣрное имѣетъ черный выходъ во дворъ, а значитъ въ крайнемъ случаѣ можно будетъ выйти черезъ нее.

Я сталъ ожидать. Варвара Петровна продолжала убѣждать меня въ томъ, какой хорошій человѣкъ „Котикъ", и что новый курьеръ — тоже хорошій. Я сидѣлъ на балконѣ и ясно видѣлъ Лялю на скамеечкѣ, напротивъ. Я даже видѣлъ Диму, черезъ кварталъ, по крайней мѣрѣ его красную рубашку. Ляля сидѣлъ смирно, изрѣдка мелькомъ взглядывая въ мою сторону, такъ что я понялъ, что онъ меня видитъ. Но онъ не подавалъ никакихъ тревожныхъ знаковъ.

Во дворѣ подъ нами появилась высокая фигура въ сѣромъ.

— Это онъ, — сказала Варвара Петровна.

* * *

— Вы господинъ Шульгинъ? ...

— Да ... съ кѣмъ имѣю честь? ...

Это былъ непріятный человѣкъ. Очень испорченные передніе зубы, маленькая сильно морщинистая голова. Морщины шли кругомъ, черезъ весь лобъ, переходя на щеки и подбородокъ. Зеленоватый цвѣтъ лица, лицо — порочное, злое.

— Моя фамилія Петровъ. Но это вамъ ничего не скажетъ ... На самомъ дѣлѣ моя фамилія другая ... У меня есть удостовѣреніе, которое я предъявлю ... Я присланъ къ вамъ отъ военной партіи ... надо вамъ сказать, что въ Крыму двѣ партіи. Во главѣ военной стоитъ генералъ Слащевъ ... У меня письмо къ вамъ отъ Слащева ... Я ... я — фронтовикъ ... ничего въ политикѣ не понимаю ... Но мнѣ приказали доставить письмо вамъ ... Приказали ѣхать въ Севастополь ... тамъ явиться въ развѣдку ... я такъ и сдѣлалъ, и мнѣ тамъ указали, какъ добраться сюда ... Есть кромѣ того „кушъ" ...

Опять этотъ „кушъ" ...

— Кушъ — кушомъ, но прежде всего письмо ...

Тутъ я сдѣлалъ ошибку. Конечно, прежде всего надо было получить деньги ... Но меня такъ интересовало это письмо, что я даже мало обратилъ вниманія на одно обстоятельство: Варвара Петровна говорила мнѣ о письмѣ отъ Врангеля, а этотъ говоритъ о письмѣ отъ Слащева.

— Итакъ письмо?

— Письмо... вотъ видите... его сейчасъ нѣтъ при мнѣ...

— Вы забыли? ...

— Нѣтъ. Я не забылъ ... я вамъ скажу откровенно ... Мнѣ приказано вручить письмо лично Шульгину ...

Я посмотрѣлъ на него не понимая.

— Вотъ видите ... не угодно ли вамъ взглянуть ... вотъ мое удостовѣреніе ...

Онъ протянулъ мнѣ клочекъ холста, на которомъ было написано удостовѣреніе отъ какого то штаба. Была и печать. Для меня, разумѣется это не могло служить никакимъ доказательствомъ. Столько такихъ же удостовѣреній, только

большевистскихъ, было изготовлено въ свое время по моему порученію.

Но я сдѣлалъ видъ, что это для меня вполнѣ убѣдительно.

— Да, все въ порядкѣ . . . А дальше? . . .

— Такъ вотъ, видите ли, я значитъ удостовѣряю свою личность . . . а чѣмъ вы можете удостовѣрить, что вы именно и есть Шульгинъ? . . .

Этого поворота я меньше всего ожидалъ. Очевидно я, дѣйствительно, такъ измѣнился, что не только меня не могутъ узнать, но даже когда я самъ заявляю, что я — *я*, мнѣ не вѣрятъ.

— Потому что, видите ли, — продолжалъ онъ, — я получилъ свѣдѣнія, что Шульгинъ, или, что то же, „Вѣди", великолѣпно скрывается или маскируется, и что онъ очень остороженъ. И въ особенности послѣ того, что произошло вчера, Варвара Петровна, я въ особенности . . .

— А что же произошло вчера? . . . — удивилась Варвара Петровна.

— А вотъ что . . . Я, какъ вы знаете, цѣлый день ждалъ у васъ прихода „Вѣди", но онъ не пришелъ . . . Но когда вы поздно вечеромъ меня провожали, то около воротъ я увидѣлъ высокую темную фигуру, которая тамъ притаилась . . . Это, конечно, и былъ „Вѣди" . . . И правильно, такъ и надо поступать . . .

Въ теченіе этого разговора я не терялъ Лялю изъ глазъ. Мнѣ казалось, что онъ проявляетъ признаки безпокойства. Наконецъ я опредѣленно увидѣлъ, что онъ дѣлаетъ мнѣ тревожный знакъ большой опасности . . . Этотъ знакъ былъ въ томъ, что онъ подноситъ платокъ къ носу, будто бы у него насморкъ . . . Онъ нѣсколько разъ сдѣлалъ этотъ жестъ, сидя на скамейкѣ, потомъ, очевидно боясь, что я не замѣтилъ этого жеста, онъ перешелъ черезъ улицу, все время держа платокъ у лица.

Какая могла быть эта опасность, о которой мальчикъ такъ опредѣленно сигнализировалъ? Для меня это было очевидно. Это значитъ, что агенты чрезвычайки у воротъ, и что предо мною сидитъ подлинный провокаторъ. Это значитъ

что надо попытаться вырваться отсюда ... Для этого нужно: съ одной стороны дотянуть до темноты, чтобы облегчить себѣ бѣгство, если оно понадобится, а съ другой, надо поддержать въ немъ сомнѣнія, что человѣкъ съ сѣдой бородой, который сидитъ передъ нимъ, не Шульгинъ, а подставное лицо. Тогда ему будетъ полный расчетъ меня выпустить, чтобы прослѣдить меня и такимъ образомъ добраться до настоящаго „Вѣди“ ...

Въ это время Варвара Петровна рѣшила прійти мнѣ на помощь.

— Да что вы голубчикъ ... Я Василія Витальевича десять лѣтъ знаю. Самый онъ и есть, настоящій, передъ вами... Что вы выдумываете! ...

Эта женщина была необычайно сообразительна ...

Я сказалъ:

— Вполнѣ васъ понимаю ... Но если хотите, давайте сдѣлаемъ такъ ... Все равно у васъ нѣтъ письма съ собою, такъ давайте сойдемся еще разъ ... ну завтра ... вы принесете письмо, а я достану вамъ доказательства ... Ну, хотите, напримѣръ, паспортъ Шульгина? ...

— Нѣтъ, какое же это доказательство ... Паспортъ ...

— Вы что же думаете, что вы, какъ не спеціалистъ, не сумѣете отличить подложнаго паспорта отъ настоящаго? ...

— Нѣтъ, я-то спеціалистъ ...

Тутъ я подумалъ: „Странный фронтовикъ, который въ то же время спеціалистъ по подложнымъ паспортамъ“.

— Нѣтъ я-то спеціалистъ, но это такъ вѣдь просто ... Шульгинъ дастъ вамъ настоящій свой паспортъ, и вы съ нимъ и прійдете ... Какое же это доказательство!

— А какое же вы хотите? ...

— Да вотъ давайте поговоримъ. Напримѣръ, если бы вы могли мнѣ разсказать что нибудь о лицахъ несомнѣнно близкихъ къ Шульгину ... Вотъ напримѣръ, у васъ былъ племянникъ, редакторъ газеты ...

Я понялъ, что онъ хочетъ ...

— Вы говорите о Ф. А. М.?

— Да ... Онъ же Петръ Ивановичъ З — овъ ...

Онъ хотѣлъ этимъ еще больше увѣрить меня въ своей подлинности, называя мнѣ фальшивое имя Эфема, то самое имя, подъ которымъ онъ жилъ здѣсь у Варвары Петровны, вонъ тамъ, черезъ эту столовую, гдѣ уже становилось сильно темно . . .

Но не въ моихъ интересахъ было убѣдить его, что я — я . . . Я сказалъ:

— Ну, какое же это доказательство! . . . Полъ Одессы знаетъ, что Ф. М. племянникъ Шульгина . . . Знаю это конечно и я, — и могу знать и въ томъ случаѣ, если я — не я, то есть не Шульгинъ, а кто-то другой . . .

* * *

Я не видѣлъ больше Ляли . . . Онъ, очевидно, перемѣнилъ позицію. Я перевелъ разговоръ и сталъ распрашивать о Крымѣ, чтобы затянуть время . . . Быстро темнѣло . . . Больше напряженными нервами, чѣмъ слухомъ, я почувствовалъ стукъ въ входную дверь. Варвара Петровна, которая передъ тѣмъ ушла въ глубину квартиры, вернулась на балконъ.

— Тамъ вашъ Ляля пришелъ. Въ передней . . .

Я извинился передъ „фронтовикомъ — Петровымъ" и вышелъ въ переднюю. Тамъ была абсолютная темнота. Ляля не заговорилъ до тѣхъ поръ, пока я не нащупалъ его руками. Онъ боялся говорить въ этой квартирѣ.

— Ну что? . . .

— Никакихъ сомнѣній . . . Это они . . .

— Кто? . . .

— „Заграничные жиды въ морскихъ фуражкахъ" . . . Я ихъ хорошо разсмотрѣлъ . . . Они пришли за этимъ сѣрымъ, высокимъ . . . и стоятъ у воротъ.

— Это они — навѣрное? . . .

— Навѣрное . . . Одинъ большой, другой меньше — толстый . . . Оба бритые, въ морскихъ фуражкахъ . . . совсѣмъ какъ ты разсказалъ, это они . . .

— Ну, хорошо . . . Бѣги, Ляля . . . Я сейчасъ за тобой . . . тоже буду бѣжать . . .

Онъ постукался лбомъ о мой високъ . . .

— Я подожду тебя у скамейки . . .

Ему нельзя было отказать.

— Ну, жди . . .

* * *

Я не пошелъ больше на балконъ.

Я сталъ шарить по квартирѣ въ полной темнотѣ, отыскивая спальню Варвары Петровны. Въ спальнѣ я искалъ туалетный столикъ. На туалетномъ столикѣ я нашелъ ножницы... Потомъ нашелъ умывальникъ. И надъ умывальникомъ на ощупь сталъ снимать свою знаменитую сѣдую бороду.

Въ это время входную дверь кто то открылъ ключемъ. Я сообразилъ, что это, должно быть, сестра Варвары Петровны. Что съ нею будетъ, если она войдетъ сюда со свѣтомъ и увидитъ эту дикую картину. Перепугается на смерть, подыметъ сумасшедшій крикъ. А она чиркнула спичку и идетъ сюда... Тогда я пустилъ въ ходъ фразу почти что изъ „Пиковой Дамы".

— Ради Бога не пугайтесь . . .

Она испугалась, но не крикнула. Въ это время покончивъ съ бородой я измѣнялъ свой туалетъ . . . Я сбросилъ пиджакъ и пустилъ, рубашку на выпускъ.

— Дайте мнѣ какой нибудь поясокъ.

Она послушно стала шарить, запаливъ ночничекъ, и подала мнѣ огрызокъ какого то ремешка. Онъ не сходился наполовину, но терять времени больше не стоило. Я схватилъ огрызокъ и вышелъ изъ квартиры . . .

Сбѣжалъ по лѣстницѣ во дворъ. Тутъ мнѣ пришла въ голову лавочка. Вотъ какой то ходъ, очевидно сюда. Спрошу папиросъ . . . И выйду черезъ тотъ ходъ на улицу . . .

Вошелъ . . . У нихъ свѣтло . . . По страннымъ лицамъ какихъ то дѣвушекъ, которыя что то кому то продавали, я сообразилъ свой видъ. Вѣроятно борода пострижена невозможно, и потомъ эта рубаха на выпускъ, лиловая ночная . . . Однако онѣ продали мнѣ папиросы. Но когда я хотѣлъ выйти на улицу, сказали:

— Нѣтъ, заперто . . . выходите черезъ дворъ . . .

Если бы эти женщины знали, какъ мнѣ неудобно, какъ

меня „не устраиваетъ“ выходить черезъ дворъ... Но дѣлать нечего... надо выходить.

Я закурилъ папиросу для большей ноншалантности и переступилъ порогъ.

* * *

Я рѣшилъ уходить не вправо и не влѣво, а прямо передъ собой, поперекъ улицы и затѣмъ по улицѣ, упирающейся въ эту.

Прямо отъ воротъ я пошелъ очень быстрымъ шагомъ. Было полутемно, но очевидно меня выдала походка. Я не успѣлъ перейти улицу, какъ почувствовалъ за собой спѣшащихъ людей. Должно быть я на одно мгновенье обернулся, мнѣ кажется, я видѣлъ, какъ они отдѣлились отъ стѣнки. Я ускорилъ свой шагъ и, быстро проходя мимо Ляли на скамейкѣ, пыхнулъ папиросой, чтобы онъ увидѣлъ мое лицо... Народу было мало на улицѣ, и я чувствовалъ за собой торопливые шаги. Я зналъ, что за этимъ кварталомъ будетъ улица налѣво, та еще пустыннѣй... Дойдя до угла, я брошусь влѣво и побѣгу. Чертъ съ ними! Неужели я дамся этимъ мерзавцамъ, не испробовавши быстроту ногъ! Въ молодости я бѣгалъ, не какъ Ахилессъ — конечно, но все же недурно...

* * *

За собой я слышу бѣгъ этихъ людей, кажется, какіе то крики... Я пробѣжалъ улицу, бросился вправо, влѣво, еще куда то... не слышно больше? Да... Потеряли?... или задохлись?...

— „Заграничные жиды въ морскихъ фуражкахъ“!... вѣдь онъ былъ толстый, этотъ маленькій; очевидно, задохся... А русскіе контръ-революціонеры, вышколенные на голодныхъ хлѣбахъ, легки на бѣгу...

„Потворствуй русской силѣ“!...

* * *

Покрутившись еще по улицамъ, я пошелъ на условленное мѣсто сбора. Оно было у ограды этой церкви. Ни жены, ни Димки уже не было. Меня безпокоилъ Ляля...

Но вотъ изъ темноты вынырнула его бѣлая рубашка.

Тѣ, кто не жили въ совѣтскомъ раю, не знаютъ, что значитъ выраженіе: „живъ и невредимъ“... „Кто на морѣ не бывалъ — Богу не маливался“... Кто ищетъ сильныхъ ощущеній, напримѣръ, скучающіе англійскіе денди или эксцентричные янки, могли бы излѣчиться отъ сплина и скуки... Меня удивляетъ, отчего они не совершаютъ увеселительныхъ прогулокъ въ Совдепію съ женами и дѣтьми...

— Ахъ... какъ они бѣжали!...

— Ты видѣлъ?...

— Да, видѣлъ все!... Я въ восторгъ пришелъ, когда ты помчался... а они за тобой... большой и толстый... но какъ ты бѣжалъ!...

— Да ты же какъ за этимъ слѣдилъ?...

— А я бѣжалъ за вами... они за тобою, а я за ними... Будто бы я тоже преслѣдую... Но они не могли... тотъ толстый скоро задохся, остановился и сталъ по жидовски ругать того большого и кулаками ему въ носъ... это они такъ разозлились, что выпустили... А потомъ ко мнѣ бросились... поняли... Я побѣжалъ отъ нихъ не очень скоро, такъ, чтобы посмотрѣть, что они сдѣлаютъ... Но они сейчасъ-же отстали...

Положительно было жарко въ этотъ теплый майскій вечеръ. Онъ даже былъ душный: какъ бываетъ, когда звѣздъ нѣтъ, а тучи какъ бы ватнымъ одѣяломъ прикрываютъ городъ. Это было 28 Мая по старому стилю...

Мы пошли съ Лялей... Уже было совсѣмъ темно. И эта темнота была пріятна, какъ безопасность. На одномъ углу, свѣтился рундукъ. Я купилъ Лялѣ... не сѣмячекъ, а шоколада... за „спасеніе отца“... Онъ былъ очень тронутъ...

* * *

Намъ предстояло еще очень много дѣла въ этотъ вечеръ.

Теперь чрезвычайка ясно понимаетъ, что я вижу ихъ карты. Бѣгъ за мною „заграничныхъ жидовъ“ ясно доказалъ, что и Котикъ, и этой второй, „фронтовикъ-Петровъ“, — провокаторы... Значитъ, я больше не пойду на эти удочки; имъ остается одно: захватить тѣхъ лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣютъ съ нами связь. Надо было предупредить теперь же

ихъ, какой оборотъ приняло дѣло и посовѣтовать кой кому въ эту же ночь перемѣнить квартиры.

Но ничего этого намъ не удалось сдѣлать. Ибо никакъ нельзя было добиться въ квартиру. По совѣтскому декрету въ то время въ десять часовъ закрывались всѣ ворота и добиться какого нибудь толка отъ смотрителей двора (новый титулъ дворниковъ) было въ высшей степени трудно.

Мы ходили долго, наблюдая, какъ быстро замираетъ жизнь среди темныхъ, только кое гдѣ отдѣльными фонарями освѣщенныхъ улицъ.

Впрочемъ все вышло по иному.

* * *

Но надо было еще добраться на квартиру, гдѣ жилъ Ляля съ матерью и братомъ. Какъ они должны были безпокоиться! Эта квартира была очень удобная. Она выходила окнами на улицу и подоконники ея были аршинъ отъ земли. При этихъ условіяхъ сдать Лялю черезъ окошко въ темную комнату, откуда несся взволнованный шопотъ и протягивались дрожащія руки, не представляло затрудненій.

* * *

Я пошелъ одинъ . . . Время становилось совсѣмъ позднее, я чувствовалъ, что наскочу на патруль. Если бы не мой туалетъ и эта ужасно обстриженная борода, это мнѣ было бы безразлично. Я уже ночевалъ въ раіонѣ за позднее хожденіе и зналъ, что тамъ дѣлается. Но тутъ, въ такомъ видѣ...

Совсѣмъ недалеко отъ дома я таки „влипъ“. . .

— Кто идетъ? . . .

Что имъ отвѣтить? . . .

— Человѣкъ идетъ . . . вольный . . .

Слово „вольный“ обозначаетъ штатскій. Кто могъ быть въ этомъ патрулѣ? Конечно, солдаты.

— Отчего такъ поздно, товарищъ? . . .

— Да развѣ поздно? . . .

— Три часа било . . .

Совѣтскіе часы переведены на три часа впередъ. Три часа обозначаютъ полночь.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ . . . Я же имъ говорю, что поздно . . . а они все: успѣете, да успѣете! . . . Вотъ и успѣлъ . . . Часовъ нѣтъ. Если бы я еще необразованный человѣкъ, а вѣдь я же знаю, что надо законъ исполнять . . . Сказано нельзя, — значитъ нельзя . . .

— Да откуда вы, товарищъ, идете?... Изъ больницы что-ли? . . .

— Почему изъ больницы? . . . отъ знакомыхъ . . .

— Въ рубашкѣ? а поясъ гдѣ? . . .

По счастью огрызокъ былъ у меня до сихъ поръ въ рукахъ.

— Поясъ вотъ! . . . оборвался . . .

Они пощупали ремень . . .

— Документъ есть? . . .

— Есть . . .

— Какой? . . .

— Паспортъ . . .

— Только? . . . а совѣтскій документъ? . . ,

— Ну, на что мнѣ совѣтскій документъ?... Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, значитъ я не дезертиръ, на должности не состою, — на что мнѣ совѣтскій документъ? . . .

— Какъ же такъ, товарищъ . . . Столько времени, какъ совѣтская власть настала, а у васъ документа совѣтскаго нѣтъ . . . Пойдемъ въ раіонъ! . . .

— Товарищи, ей Богу, тутъ живу, совсѣмъ близко . . . Мнѣ что, — въ раіонъ, — такъ въ раіонъ, — да дома безпокоиться будутъ, сами знаете, — время какое . . .

— Да нельзя никакъ, товарищъ . . . Вы же понимать должны, что мы службу должны исполнять . . .

— Я къ вамъ и не имѣю претензій. Эхъ чортъ! . . . Вотъ такъ всегда русскій человѣкъ . . . Все авось, да авось, дойду, да дойду, вотъ и дошелъ . . .

— Да вы чѣмъ собственно занимаетесь?...

Тутъ меня осѣнило вдохновеніе... Патруль обступилъ меня кругомъ вродѣ, какъ публика. И я внезапно „впалъ въ роль“.

— Чѣмъ я занимаюсь? . . . ведите меня въ раіонъ — вотъ что! . . . мнѣ все равно . . . чѣмъ я занимаюсь? какъ вы

меня спросили, — такъ лучше бы не спрашивали! . . . Потому, — я человѣкъ пропащій . . . Мнѣ все равно — въ раіонъ, такъ въ раіонъ! . . .

Наступила почти драматическая пауза . . .

— Чѣмъ я занимаюсь? . . . Какъ бы не такъ! . . . Чѣмъ я *занимался!* . . . Скрипачемъ былъ, скрипку имѣлъ хорошую . . . Вотъ въ оркестръ договорился . . . Такъ вотъ на те . . . заболѣлъ! . . . Сыпнякъ . . . Денегъ нѣтъ . . . Продалъ скрипку . . . Теперь, какой я человѣкъ?! скрипачъ безъ скрипки . . . Гдѣ ее возьму? . . . Что мнѣ съ этой чертовой гитары! . . . Гитара у меня осталась . . . Учу романсы распѣвать. . . Такъ много ли ихъ, дураковъ, ко мнѣ ходитъ? Сытъ съ этого будешь?! . . .

Длинная пауза. Кажется они были растроганы . . . Изъ задняго ряда кто то сказалъ:

— Отпустить бы . . .

Тогда старшій, почувствовавъ „гласъ народа“, который дѣйствительно былъ для меня въ данномъ случаѣ почти что „гласомъ Божьимъ“, сказалъ:

— Ну, какъ вы скрипачъ, товарищъ . . .

И прибавилъ:

— Только не попадитесь другому патрулю . . . Тихонько идите, не шумите . . .

* * *

О, русскій народъ . . . Звѣрь то ты, звѣрь . . . Но самый добрый изъ звѣрей . . .

* * *

Добрался домой благополучно . . . но безъ „письма Главнокомандующаго“, конечно . . .

У моря.

Вкратцѣ говоря, наступилъ періодъ, который можно было бы обозначить:

„Мной овладѣло безпокойство —
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство. . .“

Чрезвычайка какимъ то образомъ выслѣдила, гдѣ я живу, и узнала фамилію, подъ которой я скрываюсь. По этому поводу пришлось мѣнять не только квартиру, но и имена, и пройти практическій курсъ поддѣлыванія паспортовъ, метрикъ и другихъ документовъ, какъ для меня, такъ и для другихъ лицъ, запутавшихся въ эту исторію. Итакъ, я жилъ сначала у одного украинца, потомъ у одной гречанки, затѣмъ у нѣмки и въ другихъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ меня едва не избрали предсѣдателемъ Домкома, въ другомъ хотѣли привлечь за кражу (по счастью истинный воръ во-время нашелся). Профессіи мои также мѣнялись: я былъ музыкантомъ, артистомъ, учителемъ, библіотекаремъ... Изъ одного дома мнѣ пришлось спѣшно выѣхать, потому-что... j'ai touché du piano неосторожно... По особенностямъ моего „туше" сосѣди безошибочно опредѣлили, что я человѣкъ весьма подозрительный. Въ концѣ концовъ я перешелъ къ системѣ жить въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно подъ разными фамиліями. Но эта система требуетъ нѣкотораго напряженія памяти, чтобы не перепутывать своихъ прежнихъ жизней, а также ясно помнить исторію и жизнь всѣхъ сродниковъ каждаго отдѣльнаго „я". Но въ общемъ я справлялся.

* * *

Квартира у нѣмки была мрачная. Она дѣйствовала на меня угнетающе. Вѣчная мысль о судьбѣ несчастнаго Эфема довела меня до поступка достаточно безсмысленнаго.

Я зналъ адресъ „Котика". Зналъ также, что тамъ бываетъ „фронтовикъ-Петровъ" и „заграничные жиды". Я послалъ по этому адресу письмо приблизительно слѣдующаго содержанія.

„Высшимъ Представителямъ Совѣтской Власти въ Одессѣ.

Милостивые Государи. Обращаюсь къ вамъ по нижеслѣдующему поводу. Распоряженіемъ Чрезвычайной Комиссіи арестованъ Петръ Ивановичъ З — овъ, въ судьбѣ котораго я принимаю ближайшее участіе. Я предлагаю Вамъ обмѣнъ: я готовъ явиться въ Чрез. Ком. въ томъ случаѣ, если вы выразите согласіе возвратить П. И. З — ву свободу. Если вы согласны на этотъ обмѣнъ, напечатайте въ „Извѣстіяхъ" въ

отдѣлѣ справокъ нижеслѣдующую фразу: „Товарища Веденецкаго просятъ явиться немедленно". Если это будетъ напечатано, я буду считать это вашимъ согласіемъ освободить З — ова и въ теченіе трехъ дней послѣ напечатанія явлюсь въ Ч. К.

Я знаю, что у соціалистовъ совершенно иныя понятія о чести, чѣмъ у насъ. Поэтому я не исключаю возможности, что вы меня обманете. Но съ другой стороны я думаю, что несмотря на всю разницу, существующую между нами, не все человѣческое вамъ чуждо. Для того же, чтобы вамъ было ясно, почему я рѣшаюсь на этотъ шагъ, я долженъ объяснить, что З — овъ арестованъ исключительно изъ за меня, такъ какъ лично онъ имѣетъ весьма мало отношенія ко всему этому дѣлу. Я буду ждать вашего отвѣта въ теченіе трехъ недѣль. (Подпись)".

* * *

Къ безпокойству за Эфема присоединился страхъ за другихъ. Дѣло въ томъ, что Чрезвычайка, добравшись до моей первой квартиры (мнѣ повезло: я ушелъ съ этой квартиры утромъ того дня, когда они явились) захватила въ свои когти Ирину Васильевну. Правда, они не арестовали ее, но подвергали утонченнымъ пыткамъ въ видѣ ежедневныхъ допросовъ и окружили непрерывной слѣжкой.

Мнѣ удалось при помощи цѣлаго ряда хитроумныхъ комбинацій поддерживать съ ней связь. Между прочимъ, она успѣла сообщить, что если она будетъ вызывать насъ на свиданія или что нибудь подобное, не вѣрить ни единому ея слову. Это было не особенно понятно, но главное состояло въ томъ, чтобы она всегда знала мой адресъ, для того, чтобы въ нужную минуту знать, куда бѣжать.

* * *

И безсознательно, и сознательно я все время стремился устроиться поближе къ морю. Я чувствовалъ, что при сложившихся обстоятельствахъ я безсиленъ помочь Эфему, что я съ каждымъ днемъ вовлекаю въ опасность новыхъ лицъ, помогавшихъ мнѣ такъ или иначе, что иниціатива вырвана изъ моихъ рукъ и перешла къ Чрезвычайкѣ, что борьба

становится совершенно неравной, главнымъ образомъ изъ за отсутствія денегъ. Я пробовалъ дѣйствовать подкупомъ черезъ третьихъ лицъ, но скоро мнѣ стало ясно, что тѣ суммы, которыя я бы могъ собрать, недостаточны.

Какъ слѣдствіе всего этого, вырисовывалось одно опредѣленное рѣшеніе: надо бѣжать въ Крымъ. Надо бѣжать и попробовать сдѣлать что нибудь оттуда.

Сухопутный путь былъ на Александровскъ въ то время. Ибо у насъ было предчувствіе, что его рано или поздно возьмутъ войска генерала Врангеля. Но здѣсь было много трудностей. Мои друзья работали по подготовкѣ соотвѣтствующихъ документовъ, удостовѣреній и командировокъ. Рядомъ съ этимъ разрабатывался „морской драпъ", какъ мы выражались.

Въ связи съ этимъ, но и по другимъ причинамъ, я очутился „у самаго синяго моря" . . .

* * *

Да, оно было плѣнительно синее. . . Никогда, кажется, за всю жизнь оно такъ не манило меня. Море всегда — „зовущее". Даже въ самое спокойное, золотое, „старорежимное" время. А теперь. . .

Теперь вѣдь за этой синей пустыней лежитъ спасеніе, — земля обѣтованная. . .

* * *

У „самаго синяго моря" я устроился весьма удобно. Я изображалъ изъ себя совѣтскаго служащаго одного изъ безчисленныхъ совѣтскихъ учрежденій, получившаго отпускъ для поправленія здоровья и нуждающагося въ морскихъ купаньяхъ. На этотъ предметъ у меня былъ документъ, въ которомъ были поддѣланы подписи, а бланкъ и печати были самые подлинные.

Дѣлается это такъ. Впрочемъ оставимъ это... вспомнимъ съ благодарностью тѣхъ, кто это дѣлалъ, а рецептъ оставимъ про себя: пригодится . . .

* * *

Мы жили съ сыномъ — Лялей вдвоемъ. Неудобство этой квартиры было въ томъ, что кромѣ садовыхъ скамеекъ никакой другой меблировки не имѣлось. Къ тому же у насъ къ этому времени совершенно не стало вещей, почему мы

спали на голомъ полу. Кромѣ того у насъ была одна выходная рубашка на двоихъ. Но это уже относится къ разряду удобствъ, ибо вслѣдствіе этого мы никогда не выходили вмѣстѣ, а только поочередно и слѣдовательно меньше привлекали вниманія.

Къ неудобствамъ этой квартиры можно пожалуй отнести то обстоятельство, что у насъ систематически не хватало денегъ. Но въ самую трудную минуту обыкновенно судьба выручала.

Иногда бывали инциденты, которые меня глубоко трогали. Почему люди, совершенно мнѣ далекіе, о которыхъ я даже не зналъ, вдругъ оказывались такими близкими, заботились обо мнѣ, доставали мнѣ все необходимое . . .

* * *

Однажды я особенно долго лежалъ на высокихъ обрывахъ. . . Ахъ, оно въ этотъ день было особенно приглашающее. . . Типичное „драпъ-море". Легкій вѣтерокъ, чтобы не было жарко и чтобы не было большой волны. Ничего грознаго, опаснаго въ немъ, только что большое. Пора . . . положительно пора . . .

Когда я вернулся домой подъ вечеръ, Ляля встрѣтилъ меня въ саду.

— У насъ гости . . . одна дама, она говоритъ, что ты ее знаешь, но она не хочетъ себя назвать. . .

Я вошелъ и поздоровался съ этой молоденькой женщиной, которая дѣйствительно казалась мнѣ нѣсколько знакомой. Но только когда она не выдержала и разсмѣялась, я узналъ Ирину Васильевну: она была въ темномъ парикѣ и загримирована „четвертымъ номеромъ", т. е подъ смуглянку. . .

* * *

— Когда вы ушли, они пришли въ тотъ же день. . .

— Кто они? . . .

— „Заграничные жиды". . .

— Какъ они узнали?

— Они выслѣдили меня должно быть. . . но меня не было дома, когда они пришли. Они пришли подъ видомъ

служащихъ Жилотдѣла. . . На самомъ дѣлѣ это были чрезвычайщики, мнѣ хозяинъ лома сказалъ. И черезъ два дня я получила повѣстку явиться въ „Чрезвычайную комиссію“. . . Я пошла. Сначала хотѣла бѣжать. . . А потомъ рѣшила пойти. Онъ сталъ меня спрашивать.

— Кто онъ?

— Слѣдователь, которому было поручено все это дѣло. Онъ меня спросилъ, куда исчезли мои жильцы. Я сказала, что я не знаю и что сама очень безпокоюсь. Онъ спросилъ фамиліи, хотя онъ ихъ зналъ отъ хозяина и дворника, но сталъ васъ называть почтительно Иванъ Дмитріевичъ и Владиміръ Александровичъ. . . Тогда я ему стала разсказывать все, какъ мы условились . . . Онъ всему какъ будто вѣрилъ. И потомъ вдругъ спросилъ: „А зачѣмъ вы 7-го мая были въ квартирѣ такой то?“. Тутъ онъ меня поймалъ. Потому что онъ спрашивалъ о той квартирѣ, гдѣ было свиданіе съ Котикомъ. . . Я видѣла, что я сейчасъ запутаюсь и будетъ мнѣ конецъ, и чувствовала, что надо сдѣлать что нибудь особенное. А надо сказать, что насъ вызвали вдвоемъ съ мужемъ . . . и вдругъ мнѣ мелькнуло . . . Я сказала ему тихонько: „Удалите мужа. . .“ Онъ подъ какимъ то предлогомъ выслалъ Владислава. . . Когда мы остались одни, я стала сильно плакать и сказала, что если онъ меня не выдастъ мужу, то я все скажу. . . Онъ обѣщалъ, и я ему созналась, что у меня въ этой квартирѣ было любовное свиданіе съ Владиміромъ Александровичемъ, а что Иванъ Дмитріевичъ покровительствовалъ намъ. . . Послѣ этого мы стали какъ бы друзьями. . . Онъ мнѣ сказалъ, что Иванъ Дмитріевичъ и Владиміръ Александровичъ, — честнѣйшіе люди, но что надъ ними повисло обвиненіе въ злостной спекуляціи и такъ какъ это карается очень строго, то они и сбѣжали. . . Но на самомъ дѣлѣ Чрезвычайной комиссіи извѣстно, что они не виноваты и что имъ надо вернуться, чтобы себя обѣлить. . . Больше въ этотъ день ничего не было. Онъ отпустилъ меня домой. На слѣдующій день онъ ко мнѣ пріѣхалъ. . . Тутъ опять была масса разговоровъ, я еще больше плакала. И немножко стала возмущаться Владиміромъ Александровичемъ, что онъ меня бросилъ и ничего не сообщилъ, и что я не знаю даже адреса. И даже

я стала чуточку сомнѣваться, любитъ ли онъ меня... А если любитъ, то вѣроятно постарается увидѣться, хотя бы это и грозило опасностью. Потомъ я настойчиво спрашивала, можетъ быть онъ настоящій спекулянтъ, такъ я не хочу имѣть съ нимъ дѣла... Онъ меня разубѣждалъ и говорилъ, что В. А. честнѣйшій человѣкъ... Въ концѣ концовъ я согласилась помогать ему въ его дѣлѣ „обѣлѣнія В. А. и И. Д." и сказала, что сдѣлаю все возможное, чтобы какъ нибудь отыскать слѣдъ В. А. Но передъ этимъ я устроила бенефисъ слезъ и повела его къ иконѣ.

— Да вѣдь онъ жидъ?...

— Нѣтъ, русскій... Я его заставила клясться передъ иконой, что онъ никакого зла Ив. Дм. и Вл. Ал. не сдѣлаетъ. Онъ говорилъ: „Да почему вы такъ о насъ думаете?". Я отвѣтила: „вы все таки чрезвычайка, вы людей убиваете и пытаете"... Онъ мнѣ клялся, что никого они не пытаютъ уже больше...

Такъ продолжалось нѣсколько дней... наконецъ, онъ сталъ уже нетерпѣливый... нѣкоторое время мнѣ удавалось смягчать его тѣмъ, что я ѣздила съ нимъ кататься по Французскому бульвару (у него своя лошадь), потому что онъ почему-то былъ убѣжденъ, что Ив. Дм. живетъ гдѣ то на Французскомъ Бульварѣ. Про каждаго высокаго сѣдого онъ спрашивалъ: „А это не Иванъ Дмитріевичъ?"... А я дрожала: а вдругъ я дѣйствительно васъ увижу и выдамъ, — онъ вѣдь мнѣ въ самое лицо смотрѣлъ... и ловилъ выраженіе...

Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что если я до такого то дня ничего не сдѣлаю, онъ меня арестуетъ, а если я сбѣгу, арестуетъ мужа... Тогда я стала думать о томъ, что надо услать куда нибудь мужа... Это удалось, онъ получилъ командировку. А я... мнѣ очень помогло то письмо, которое вы мнѣ написали... Оно было такъ написано, что я могла показать ему. Онъ былъ очень обрадованъ, узнавъ, что Вл. Ал. проситъ свиданія... Я написала вамъ письмо, назначая свиданіе, и ему показала... Свиданіе было назначено въ одномъ скверикѣ... Я сидѣла какъ дура на скамейкѣ три часа... Я насчитала, что вокругъ меня было семь сыщиковъ... Одинъ изъ нихъ одно время даже сѣлъ на ту же скамейку, на ко-

торой я была, и изъ кармана его торчалъ револьверъ... Конечно никто не пришелъ, и онъ страшно разсердился... Но я ему сказала, что если онъ будетъ ставить такихъ дураковъ — сыщиковъ, которые будутъ садиться на ту же самую скамейку, то Вл. Ал. совсѣмъ не прійдетъ, потому что онъ то не дуракъ: онъ навѣрное былъ, но увидѣлъ мой антуражъ и ушелъ. И теперь навѣрное будетъ мнѣ не вѣрить. И я опять плакала. Онъ очень ругался и говорилъ, что съ „этими болванами" ничего нельзя сдѣлать...

* * *

— Ну и такъ далѣе... Все это продолжалось въ этомъ духѣ... То онъ заставлялъ меня приходить къ себѣ, то ко мнѣ приходилъ... То онъ мнѣ вѣрилъ, то начиналъ подозрѣвать... Труднѣе всего мнѣ было изображать, что я — дурочка... А на этомъ все шло... Между прочимъ, этотъ человѣкъ...

— Онъ идейный по вашему?...

— Идейный... нѣтъ... Но онъ и не продажный... Между прочимъ я видѣла, какъ онъ самъ себѣ рубашку стиралъ... У него не было много денегъ... Но честолюбецъ... упрямый... и безъ всякой жалости... О, я дрожала... онъ бы всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ васъ разстрѣлялъ... совершенно спокойно... Страшный человѣкъ.

— Какъ вы думаете, — они пытаютъ попрежнему?

— Нѣтъ... не думаю... не изъ жалости... а просто сочли должно быть невыгоднымъ... Я страшно боялась, что они будутъ меня пытать. А вдругъ я не выдержу... мнѣ даже не хотѣлось, чтобы мнѣ сообщали вашъ адресъ... Но нѣтъ... видимо у нихъ другіе способы, болѣе совершенные... Разъ онъ разсердился, вышелъ изъ себя и сказалъ: „Знайте, что я нѣсколько мѣсяцевъ буду работать, но я ихъ поймаю всѣхъ..." Они думаютъ о насъ, что мы — сильнѣйшая организація... Они не знаютъ, что у насъ нѣтъ денегъ. Между прочимъ онъ знаетъ про ваше письмо „высшимъ представителямъ совѣтской власти"... Онъ мнѣ сказалъ: „Иванъ Дмитріевичъ съ нами въ перепискѣ"...

— Почему же они ничего не отвѣтили, не напечатали?

— Не вѣрятъ. . . боятся ловушки. . . Они думаютъ, что если они это напечатаютъ, то подадутъ кому-то условный знакъ, котораго вы хотите. . . Они ни за что не могутъ повѣрить, что вы прійдете. . . Между прочимъ. . . Эфемъ живъ... Я знаю навѣрное . . . Они его держатъ подъ страшнымъ секретомъ, но одна дама, которую выпустили изъ чрезвычайки, его видѣла, съ нимъ говорила. Онъ совершенно помирился со своей участью. . . и готовъ къ смерти... Но бодръ. . . И всѣхъ тамъ поддерживаетъ. . .

* * *

— Какъ то они меня позвали на Екатерининскую № 3... Тамъ у нихъ было что то въ родѣ вечеринки. . .

— Зачѣмъ же они васъ позвали?

— Дѣло въ томъ, что онъ мнѣ все таки вѣрилъ . . . Но другіе, видимо, надъ нимъ смѣялись. . . И вотъ онъ привелъ меня, чтобы имъ показать, чтобы и они убѣдились, что я дура. . . Это былъ вечеръ! . . . Тамъ и жены ихъ были, и любовницы. . . И эти были, „заграничные жиды". . . они дѣйствительно — заграничные. . . Они изъ Германіи. . . Даже по русски плохо говорятъ. Одного изъ нихъ зовутъ Максъ... Ахъ, это былъ вечеръ, пили вино. . . играли. . . веселились... я думаю, что черезъ этихъ дамъ можно было бы кое что сдѣлать. . . имъ легче всего всунуть взятку. . . имъ хочется одѣваться. . .

* * *

— Мнѣ очень трудно было бѣжать. . . За мной слѣдили неотступно. . . но я ихъ все таки обманула. . . Правда, меня нельзя узнать. . . Не даромъ я въ театрѣ. . . Но гдѣ же я буду спать. . .

* * *

Иринѣ Васильевнѣ не прошло даромъ это напряженіе нервовъ. Игра въ „кошки-мышки" съ Чрезвычайкой сказалась теперь, когда она очутилась въ сравнительной безопасности. . .

Днемъ все было хорошо. На дачѣ никого не было кромѣ насъ, она никуда не выходила за предѣлы сада. Но ночью...

Но ночью дѣло принимало скверный оборотъ.

Ночь мы проводили надъ знакомъ — „идутъ!“ . . .

Ей все казалось, что агенты чрезвычайки идутъ насъ арестовывать. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Она всегда придумывала новый способъ, какимъ насъ могли бы „выслѣдить“. На несчастіе дача имѣла два выхода, такъ что можно было бѣжать даже въ случаѣ, если бы вошли въ однѣ изъ воротъ. Но можно было бѣжать даже въ томъ случаѣ, если бы окружили съ двухъ улицъ, — черезъ другія дачи. И вотъ изъ за этого все и происходило: если возможно спастись, то преступно проспать! По этому она и не спала всю ночь на пролетъ, прислушиваясь, приглядываясь, постоянно вскакивая и обходя садъ по всѣмъ дорожкамъ въ ночной темнотѣ. Чтобы ее успокоить, я пробовалъ устраивать дежурства, наконецъ, ложиться въ разныхъ мѣстахъ сада, откуда могли войти, но бѣда въ томъ, что у нея слухъ и зрѣніе обострились до такой степени, что она слышала шаги на такомъ разстояніи, съ котораго мой слухъ совершенно ничего не улавливалъ и видѣла тамъ, гдѣ зоркіе глаза Ляли ничего не усматривали. Поэтому она никому не вѣрила, кромѣ какъ самой себѣ. Никогда не спала и не давала никому спать.

— Слышите . . . тише . . . да какъ же вы не слышите!... идутъ! . . .

— Ну допустимъ, идутъ . . . Ну пусть себѣ идутъ . . .

Но она не успокаивалась, пока, пройдя мимо, шаги не затихали. Черезъ десять минутъ она слышала новые шаги и такъ до безконечности . . .

Это въ концѣ концовъ переходило въ пытку. Но кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Изведенный я сказалъ ей однажды:

— Неужели вы такъ боитесь смерти? . . . Ну хорошо, идутъ, прійдутъ, возьмутъ, разстрѣляютъ . . . Ну, чертъ съ ними! . . . Вѣдь хуже смерти ничего не бываетъ . . .

И это странное разсужденіе подѣйствовало. Повидимому она боялась чего-то, что хуже смерти. Когда она ясно поняла, что рискуетъ только этимъ — она заснула. Заснула, хотя совершенно негдѣ было спать. Ничего, кромѣ садовыхъ скамеекъ . . .

* * *

Надо было поскорѣе устраивать „морской драпъ". Для этого я рѣшился на одно путешествіе: надо было пройти верстъ 35 по берегу моря. Конечно, мнѣ нужны были документы. И мнѣ смастерили превосходные. Я получилъ приказаніе отъ соотвѣтствующаго совѣтскаго учрежденія „осмотрѣть помѣщенія для разстановки конныхъ постовъ" по берегу.

Какъ необычайно ретивый службистъ, я вышелъ въ тотъ же день. Вѣдь Врангель каждую минуту можетъ сдѣлать десантъ, разстановка постовъ дѣло важное и спѣшное.

* * *

По дорогѣ я встрѣтилъ траги-комичное и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное зрѣлище.

Навстрѣчу мнѣ, по шоссе, шла группа людей; не то большая артель рабочихъ, не то арестанты. Когда они приблизились, я увидѣлъ, что это среднее между тѣмъ и другимъ: это государственные рабы совѣтской власти.

Въ это время декретомъ совѣтской власти въ Одессѣ всѣ вообще люди были раздѣлены на нѣсколько разрядовъ или категорій. Первая категорія — это привиллегированная, получающая полный паекъ отъ совѣтской власти. Вторая категорія — это тѣ, которые почти ничего не получаютъ, — имъ предоставляется околѣвать съ голоду, но на свободѣ. Третья же категорія, которыхъ кормятъ впроголодь, но лишаютъ свободы.

За какое нибудь преступленіе? Нѣтъ. Просто извѣстная часть Одесскаго населенія, не имѣвшая по мнѣнію Совѣтской власти достаточно почтенныхъ занятій, была заключена въ концентраціонные лагери и гонялась партіями на работу.

Одна изъ такихъ партій шла мнѣ навстрѣчу. Поучительность этого зрѣлища была въ томъ, что вся партія состояла сплошь изъ евреевъ.

Что это были за люди? Самые разнообразные. По всей вѣроятности наибольшій процентъ здѣсь былъ изъ тѣхъ спекулянтовъ, что тучами бродили около кофейни Робина въ былое время. Теперь всѣхъ этихъ гешефтмахеровъ дюжіе

солдаты гнали по пыльной жаркой дорогѣ на какія то сельско-хозяйственныя работы.

Воображаю, что они тамъ наработаютъ! Для того, что бы судить объ этомъ, я какъ бы нарочно встрѣтилъ другую партію, тоже исключительно изъ евреевъ. Эту уже пригнали на мѣсто. Они починяли мостовую. Поистинѣ жалки до комизма были эти типичныя еврейскія никчемныя въ физическомъ трудѣ фигуры съ кирками и лопатами въ рукахъ. Они впятеромъ ковыряли ровно столько, сколько сдѣлалъ бы одинъ деревенскій парнишка.

* * *

Я думалъ . . .

Вы, безсмысленно ковыряющіе одесскую мостовую подъ лучами палящаго солнца, поняли ли вы наконецъ? . . . При „самодержавіи“ вы торговали всласть, кушая мороженое у Фанкони, а теперь, — не угодно ли . . . Долбите камень, приготовляйте щебень и прославляйте Великую Русскую Революцію, которая принесла вамъ равноправіе . . .

* * *

Когда я прошелъ верстъ 25, мнѣ стало жарко до нестерпимости. Вотъ какая то деревня. Зайду, попрошу пить.

Зашелъ. Спиной ко мнѣ сидѣлъ человѣкъ. Я попросилъ его воды. Онъ обернулся и оказался красноармейцемъ. И вмѣсто воды оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и потребовалъ у меня . . . документъ.

Я счелъ за лучшее разсердиться.

— Я по казенной надобности иду, а вы мнѣ документъ! . . . А вы сами, кто такой?

Онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ смотрятъ солдаты. И сказалъ:

— Ну, такъ пожалуйте . . .

Я понялъ, что надо итти за нимъ. Онъ ввелъ меня въ хату. Очевидно это было караульное помѣщеніе.

За большимъ столомъ сидѣло человѣкъ пятнадцать красноармейцевъ. Мой солдатъ вытянувшись обратился къ одному изъ нихъ:

— Товарищъ командиръ, разрѣшите доложить: вотъ не хотятъ документы предъявлять.

Товарищъ командиръ перевелъ на меня вопросительный взглядъ. Я сказалъ:

— Вамъ, товарищъ командиръ, я конечно предъявлю документъ. Только пожалуйста, — про себя . . .

Это значило, что у меня секретная командировка, которую я не могу предъявлять всякому. Но ему, въ видѣ особаго довѣрія, предъявляю.

Онъ взялъ документъ и внимательно прочиталъ. И посмотрѣвъ на меня, отдалъ мнѣ документъ.

— Вы свободны, товарищъ. . . Только я вамъ совѣтую итти не большой дорогой, а тропинкой . . . ближе. . .

Онъ сталъ объяснять мнѣ куда итти, причемъ я въ глазахъ его ясно прочелъ: „Вотъ эти старорежимные. Контръреволюціонеры они — всѣ, а службу знаютъ; вѣдь вотъ дѣйствительно секретная командировка, — правильно поступаетъ“.

Въ отвѣтъ мои глаза говорили: „Ну, конечно, я буржуй... и не скрываю; но разъ я у васъ на службѣ, я ее исполняю за совѣсть“.

Онъ приказалъ солдату проводить меня, и тотъ, наконецъ, напоилъ меня водой. Но когда я вышелъ оттуда, мнѣ все таки было жарко.

* * *

Къ вечеру я пришелъ туда, куда мнѣ нужно было. Когда я переступилъ порогъ хаты, пожилая хохлушка-хозяйка встрѣтила меня фразой:

— Отчего вы такъ согнулись?... Отчего вы ходите всѣ такъ, въ землю смотрите?. . . А они вотъ такъ! . . .

И она выпрямилась . . .

Этой загадочной фразой она давала мнѣ понять, что она прекрасно знаетъ, изъ какого я рода племени и чего мнѣ нужно.

Впрочемъ она прибавила:

— За полверсты, какъ я васъ увидѣла — вы [illegible] по берегу, то уже знала, кто вы и зачѣмъ идете . . . Только

плохо . . . сейчасъ нельзя отсюда, стерегутъ . . . по ночамъ всѣ шаланды въ одно мѣсто собираютъ . . . и солдата ставятъ... сейчасъ у насъ нельзя. Вотъ на дняхъ разстрѣляли нашихъ четырехъ ... свои выдали .... Но ужъ мы то доберемся до нихъ . . .

* * *

Я остался у нея ночевать. Она угостила меня великолѣпнымъ ужиномъ, и наслушался я отъ нея . . .

— Когда деникинцы были, жилъ тутъ у меня одинъ полковникъ. Я ему все жаловалась, что неправильно деникинцы поступаютъ . . . Надо снисхожденіе имѣть къ народу . . . Такъ нельзя... А онъ мнѣ все говорилъ: „Вѣрно, вѣрно, хозяйка... неправильно мы поступаемъ . . . нехорошо . . . а вотъ какъ мы уйдемъ . . . будете по насъ плакать“ . . . А я не вѣрила . . . думала, какъ неправильно поступаютъ, чего же я плакать буду... А вотъ теперь плачу . . . День и ночь всѣ плачемъ за деникинцами . . .

Ея сынъ, 17-ти-лѣтній хлопецъ, слушалъ этотъ разговоръ. И когда я случайно взглянулъ ему въ лицо, я увидѣлъ такое выраженіе . . .

Нѣтъ, я бы не хотѣлъ быть на мѣстѣ большевиковъ, попавшихся въ руки этихъ людей.

* * *

Утромъ я возвращался. У меня еще было нѣсколько встрѣчъ съ разными людьми, преимущественно „простыми“. Они узнавали меня сразу, съ одного взгляда, то есть узнавали мое бывшее „соціальное положеніе“. Правда, я уже давно растался со своей знаменитой сѣдой бородой и являлъ міру обыкновенное лицо бритаго интеллигента.

И вотъ что я ощутилъ. Трудно формулируемый, но несомнѣнный токъ симпатіи, который все время меня окружалъ. Всѣ эти люди оказывали мнѣ всякія услуги съ такой готовностью, которая говорила безъ словъ.

И все мнѣ вспоминались слова старой хохлушки, у которой я ночевалъ:

— А я вамъ правильно говорю: съ Гершки да со Стецька не будетъ намъ того, что намъ нужно . . . Надо намъ людей

какъ слѣдуетъ, образованныхъ, чтобъ знали свое дѣло... Только чтобы... снисхожденіе имѣли къ народу...

* * *

Тамъ у насъ на дачѣ въ тѣни каштана иногда собиралось избранное общество. Избранное оно было уже потому, что безбоязненно вело со мной знакомство. Нашъ кружокъ, т. е. люди, которые знали другъ друга и на которыхъ можно было положиться, надо было считать человѣкъ въ пятьдесятъ. Все это были люди вѣрные, испытанные, съ которыми можно было бы работать. Если бы не несчастный случай съ Эфемомъ, мы дѣйствительно могли бы быть сильной организаціей, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ развѣдки. И тѣмъ болѣе было это обидно, что несчастіе произошло не по нашей винѣ, а потому, что изъ Севастополя въ Одессу присылали вмѣстѣ съ дѣйствительными курьерами большевистскихъ шпіоновъ, служившихъ въ Севастопольской развѣдкѣ. Вѣдь „Котикъ" былъ однимъ изъ такихъ.

Объ этомъ случаѣ слѣдовало бы кой кому подумать. Стремленіе во что бы то ни стало „развернуть штаты" приводитъ къ тому, что на службу берутъ людей, не имѣющихъ достаточныхъ рекомендацій. И вотъ результатъ: такая развѣдка ничего не развѣдываетъ, но губитъ жизни.

* * *

Разумѣется, у меня подъ каштаномъ никогда не собиралось много. Я видѣлъ всегда двухъ-трехъ людей, черезъ которыхъ и передавалъ все, что нужно.

На одномъ изъ такихъ собраній выяснилось, что двѣ барышни, путешествовавшія по нашему порученію, нащупали случай купить шлюпку...

* * *

Въ это время терроръ уже опять возобновился. Въ газетахъ появились списки разстрѣлянныхъ. Но туда не всѣ попадали. Между прочимъ, погибъ сынъ члена Государственной Думы А. И. Савенко — Вася Савенко. Ему было лѣтъ двадцать. Его разстрѣляли за то, что онъ былъ сыномъ своего

отца. Погибъ и тотъ настоящій курьеръ, съ которымъ прибылъ Котикъ. Разумѣется, его погубилъ этотъ послѣдній. Эфема пока щадили. Чего то ждали...

* * *

Однажды до насъ донеслись звуки отдаленной бомбардировки. Эти глухіе удары шли съ моря, и ясно было, что работаютъ тяжелые калибры. Что это могло быть.

Скоро мы узнали: это эскадра генерала Врангеля бомбардируетъ Очаковъ.

Мы слушали это съ непередаваемымъ чувствомъ. И каждый ударъ сжималъ сердце радостью и волненіемъ...

* * *

Тамъ, за горизонтомъ, вотъ въ этомъ направленіи, длинный, какъ змѣя, островъ Тендра. Тамъ, у сѣверной его оконечности, стоянка эскадры Напрямикъ — верстъ семьдесятъ... Тамъ — свои... свобода... безопасность... и борьба за тѣхъ, кто не можетъ вырваться отсюда...

„Speranza“.

Надо было бѣжать. Море звало, манило и приглашало опредѣленно... Въ этомъ не могло быть сомнѣній.

Однако, разсуждая хладнокровно, пересѣкать море въ небольшой шлюпкѣ было все же очень рисковано... и трудно было рѣшить въ концѣ концовъ, что опаснѣе: бѣжать или оставаться... Поэтому я рѣшилъ: пусть жребій укажетъ каждому его судьбу.

Подъ тѣнистымъ каштаномъ Ирина Васильевна вытаскивала бумажки изъ шапки. И вытащила: себя, моихъ двухъ сыновей, Вл. Ал. и меня. Надо къ этому прибавить, что моей женѣ уже удалось выѣхать совсѣмъ особымъ способомъ.

* * *

Подъ видомъ купальщика я осмотрѣлъ эту шлюпку. Она была совсѣмъ маленькая, но на четыре весла. Паруса не было. Но и выбора не было. Или эту или ничего.

Я сушилъ на ней только что выстиранное въ морѣ бѣлье и раздумывалъ: быть или не быть. И рѣшилъ — быть...

Иногда судьба людей рѣшается за время гораздо болѣе короткое, чѣмъ сколько нужно іюльскому солнцу, чтобы высушить рубашку. . .

Въ тотъ же вечеръ она была куплена. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тутъ былъ Ляля. Онъ уже нѣсколько дней ходилъ въ эту семью и присматривался. Надо сказать, что эта операція — покупка шлюпки при совѣтскомъ режимѣ — дѣло, требующее большой осторожности. Ляля, какъ многіе русскіе, очень застѣнчивъ. Еще не такъ давно, если его послать въ аптеку за аспириномъ или хиной, то онъ спрашивалъ: „А какъ я войду? А какъ я скажу?"

Но шлюпку онъ купилъ ловко. Заплатилъ онъ при этомъ двадцать девять серебряниковъ (двадцать девять серебряныхъ рублей — все состояніе Ирины) и царскую пятисотку. И еще какую то не то фуфайку, не то кацавейку . . .

* * *

Теперь надо было подумать о провизіи. У меня была карта, по которой я видѣлъ, что намъ итти верстъ 70. Это можно было сдѣлать при тихой погодѣ за сутки. Но надо было расчитывать на все, такъ какъ мы выходили въ открытое море. Я рѣшилъ пересѣкать напрямикъ, благо у меня былъ компасъ. Не малыхъ трудовъ стоило его достать. Я взялъ провизіи на три, четыре дня. Столько же и прѣсной воды.

Тутъ кстати упомянуть о цѣнахъ, которыя стояли въ то время. Хлѣбъ — 150 рублей фунтъ, сахаръ — 1000 рублей фунтъ, сало — 1000 рублей фунтъ. Удивительно дешевы были дыни: онѣ начинались отъ 5 руб., а за 50 можно было купить прекрасную дыню.

* * *

Наконецъ это совершилось. . .

Мой планъ былъ таковъ: дѣйствовать совершенно открыто при полномъ свѣтѣ дня, такъ, чтобы большевикамъ въ голову не пришло, что это можетъ быть . . .

Въ 10 часовъ утра шлюпка, которую мы назвали „Speranza“ (по нѣкоторымъ причинамъ, не подлежащимъ пока оглашенію), отошла отъ того мѣста, гдѣ она была куплена, а въ 10½ часовъ утра подъ „мощными взмахами“ веселъ Ляли и Вовки подошла къ пустынному берегу, гдѣ должна была состояться посадка. Къ этому времени Димка привелъ туда Ирину Васильевну, а я принесъ огромный мѣшокъ съ этими проклятыми дынями.

„Пустынный берегъ“ очень хорошо былъ виденъ съ большевистскаго поста береговой охраны. Это меня вполнѣ устраивало: мы, молъ, не скрываемся. Море было на высотѣ: легкій вѣтерокъ, чтобы не было жарко, почти никакого прибоя.

Посадка не задержала насъ. Грузъ состоялъ изъ мѣшка съ дынями и двухъ сулей воды.

Перекрестившись, ровно въ одиннадцать мы отошли.

На берегу осталась маленькая хрупкая фигура одной русской женщины съ большимъ сердцемъ. Мы хорошо отходили, и бѣлая статуэтка на обрывистомъ берегу становилась все меньше.

* * *

Тутъ надо пояснить слѣдующее. По всему побережью большевиками установлена запретная полоса, проходящая версты полторы-двѣ отъ берега въ морѣ. Эту черту очень легко узнать, потому что вдоль всего берега стоятъ рыбачьи лодки на якоряхъ и удятъ рыбу. Дальше они не смѣютъ выходить.

Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли на высоту этой черты. Вправо и влѣво отъ насъ, насколько хваталъ глазъ, стояли рыбачьи лодки.

Тутъ мы остановились. Мы были противъ самаго поста береговой охраны. Я рѣшилъ продемонстрировать имъ „законопослушность“.

Мы, молъ, добрые граждане совѣтской республики, вышли себѣ въ море прокататься, но отнюдь не желаемъ выходить за запрещенную черту. Наоборотъ, мы раздѣлись и стали купаться, бросаясь съ лодки въ море, влѣзая изъ воды обратно,

и еще разъ въ море. Ирина Васильевна намъ не мѣшала, ибо вообще мы рѣшили ее не показывать и потому запрятали ее на дно лодки и прикрыли мѣшкомъ.

Такъ прошло столько времени, чтобы по моимъ расчетамъ большевикамъ надоѣло слѣдить за этими рѣзвящимися купальщиками. Тогда мы одѣлись, сѣли на весла и какъ можно явственнѣй запѣли „Стеньку Разина". Это, какъ извѣстно, весьма уважаемая въ Совдепіи пѣсня. И понятно: княжну, т. е „буржуйку", вѣдь бросаютъ за бортъ . . .

Подъ эти дозволенные звуки мы основательно налегли на весла. Я расчитывалъ еще на то, что если лодку повернуть прямо кормой къ человѣку (въ данномъ случаѣ къ посту), то куда она идетъ, впередъ или назадъ, и съ какой скоростью, опредѣлить въ теченіе нѣкотораго времени довольно трудно.

* * *

Мы налегали на весла въ теченіе быть можетъ получаса, когда на берегу раздались выстрѣлы. Сначала въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ, потомъ затарахтѣлъ пулеметъ.

Мы продолжали нажимать, и въ то же время у насъ произошелъ споръ: по насъ или не по насъ. Впослѣдствіи оказалось, что по насъ. Какъ бы тамъ ни было, мы повидимому хорошо гребли, потому что берегъ замѣтно удалялся.

Черезъ нѣкоторое время у берега „подъ постомъ" появился парусъ.

Онъ почему то очень безпокоилъ Ирину Васильевну, но Ляля непрерывно повторялъ „ерунда", пока я ему не запретилъ. На морѣ становишься суевѣрнымъ: а вдругъ судьба подслушиваетъ.

Тѣмъ не менѣе я разсуждалъ такъ. Вѣтерокъ съ моря — слабый. Парусъ, если это погоня за нами, долженъ итти въ лавировку. При такомъ слабомъ вѣтрѣ, принимая во вниманіе, что мы уходимъ въ четыре весла, насъ не догонятъ, или догонятъ къ вечеру, когда мы скроемся въ темнотѣ. И потомъ, неужели это за нами?

* * *

Впослѣдствіи я узналъ совершенно съ точностью, что это дѣйствительно было за нами. Постъ наконецъ увидѣлъ

что мы уходимъ, поднялъ трескотню изъ винтовокъ и пулеметовъ, а затѣмъ въ первой попавшейся рыбачьей лодкѣ пустился въ погоню.

Но вѣтеръ былъ такой слабый, а мы уходили такъ быстро, что въ концѣ концовъ рыбаки опредѣлили: „У нихъ не иначе, какъ моторъ". Послѣ этого погоня вернулась обратно, — за моторомъ вѣдь не угоняешься.

* * *

У насъ на „Speranz'ѣ" царило полное удовольствіе. Погода была дивная, берегъ куда то уходилъ, какъ принято говорить „въ туманную дымку", и черезъ нѣсколько часовъ пропалъ изъ глазъ.

Мы были въ открытомъ морѣ.

Тутъ младшій сынъ Димка вдругъ спросилъ меня дрожащимъ голосомъ:

— Можно? . . .

Я посмотрѣлъ на его умоляющіе и сверкающіе глаза и понялъ что онъ хочетъ.

— Можно . . . можно . . .

Тогда они торжественно встали съ братомъ въ лодкѣ, и „открытое море" огласилось:

— Боже Царя Храни . . .

Бѣдные мальчики. У нихъ совсѣмъ не было голоса . . . но зато сколько чувства . . .

* * *

Мы шли всю ночь. Иногда всѣ спали, я гребъ одинъ.

Хорошо въ морѣ въ такую ночь. И даже не очень жутко. Развѣ, если гдѣ нибудь всплеснетъ, или вѣрнѣе прошелеститъ, гребешекъ въ темнотѣ, кажется, будто море хочетъ сказать: „А вѣдь я могу надѣлать и гадостей". Но . . .

„Намъ звѣзды кроткія сіяли". . .

По этимъ кроткимъ звѣздамъ я „держалъ путь". . . Это очень просто: поставишь корму на звѣзду, которую опредѣлишь по компасу, и такъ и держишь. Гребешь и даже оборачиваться не надо. Правда, звѣзда куда то ползетъ вслѣд-

ствіе вращенія земли, но вѣдь насъ за то нѣсколько сбиваетъ въ противоположную сторону легкій вѣтеръ. Значитъ звѣзда какъ бы дѣлаетъ поправку на вѣтеръ. А впрочемъ иногда свѣришься по компасу и мѣняешь звѣзду.

Все таки удивительно, что при такихъ элементарныхъ способахъ нахожденія курса, когда разсвѣло, мы увидѣли какъ разъ въ нужномъ направленіи дымки.

Мы знали, что тамъ должна быть, гдѣ то около Тендры, наша эскадра. Эти дымки не могли быть ничѣмъ инымъ.

Кромѣ того, что это такое?

Что то торчащее на горизонтѣ въ видѣ какой то палки. Должно быть отъ движенія зыби казалось, что этотъ шестъ куда то стремится съ большой быстротой.

Мы рѣшили, что, должно быть, это „мачта бѣшено несущагося за горизонтомъ контръ-миноносца".

Но черезъ нѣкоторое время оказалось съ несомнѣнностью, что эта быстро несущаяся мачта былъ — маякъ, неподвижный, какъ всѣ маяки.

* * *

Итакъ, мы подходимъ къ завѣтному острову Тендра...

Маякъ.

...Онъ приближался медленно, этотъ маякъ. Мы гребли сутки и выбились изъ силъ.

Но все же онъ приближался, росъ въ небѣ, становясь изъ „мачты бѣшено несущагося за горизонтомъ миноносца" — высокимъ столбомъ, на которомъ появилось два черныхъ кольца.

Онъ выросталъ надъ низкой, низкой песчаной косой, за которой опять виднѣлось море. Подъ нимъ — какіе то домики, два дерева, — больше ничего. Коса бѣло-желтая тянется сколько глазъ хватитъ. Еще бы. Вѣдь эта коса — знаменитый островъ Тендра „чуть замѣтный". Онъ имѣетъ семьдесятъ верстъ длиной при ширинѣ отъ полутора до двухъ. Говорятъ, что когда Господь создалъ Крымъ, то чертъ этому

позавидовалъ. Ночью подкрался и ухватился тащить Крымъ въ преисподнюю. Ангелъ Господень отбилъ — не далъ. Но чертъ успѣлъ, выдирая Крымъ изъ рукъ Ангела, вытянуть изъ полуострова эти двѣ стрѣлки: Тендру и Арбатскую.

* * *

Неужели это правда, что это Тендра? Не вѣрилось... И потомъ... въ концѣ концовъ кто его еще знаетъ...

* * *

Тамъ, на этомъ низкомъ берегу виднѣлось двѣ группы живыхъ существъ.

Одна лѣвѣе, — нарядная, ослѣпительно сверкающая бѣлымъ, — это мартыны, большія морскія чайки... Они красиво неподвижны.

Другая правѣе, ближе къ маяку — грязно-коричневая. Это люди. Они загадочно копошатся.

* * *

Чего нужно ждать отъ этого копошенія? Правда, рыбаки говорили намъ, что Тендра у добровольцевъ, но кто жъ его знаетъ... Сегодня у насъ, а завтра у „нихъ“.

Но нѣтъ, не можетъ быть. Вѣдь вотъ тамъ за этимъ диковинно узкимъ островомъ опять море. Это должно быть Ягорлыцкій заливъ. И тамъ явственно видны суда, — морскія суда. Откуда у большевиковъ можетъ быть флотъ? Это наши!

Во всякомъ случаѣ отступать некуда. Наши или нѣтъ, все равно, если мы повернемъ обратно въ море, эта копошащаяся коричневая кучка откроетъ по насъ пальбу...

* * *

Мы выбросились на песокъ съ однимъ изъ валовъ прибоя. За минуту передъ этимъ я понялъ, почему кучка людей была коричневая: они были полуголые, въ однихъ штанахъ и загорѣлые, какъ полинезійцы.

Но въ ту минуту, когда я, „изящно перебѣжавъ“ съ кормы на носъ по банкамъ „Speranz'ы“, прыгнулъ на песокъ, отъ полинезійской группы отдѣлился человѣкъ во „френчѣ“.

Ура, — на немъ были *погоны*!

* * *

Произошла сцена „изъ Жюль-Верна“.

— Я комендантъ острова Тендра. Кто вы и откуда?

Я отвѣтилъ въ томъ же стилѣ:

— Шульгинъ . . . изъ Одессы . . .

— У васъ есть документы? . . .

— Исключительно фальшивые . . .

— Пожалуйте . . .

Онъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ.

Мы пошли, увязая въ пескѣ. Коричневая кучка любопытныхъ надвинулась на насъ съ распросами, но ее отодвинули.

Я успѣлъ однако разсмотрѣть, что все это была молодежь. Повидимому интеллигентная или полуинтеллигентная, — но страшно загорѣлая, поздоровѣвшая, бронзово-неузнаваемая . . .

Но отчего они всѣ такъ одѣты, то есть неодѣты? Что это — форма?

* * *

Итакъ мы пошли за комендантомъ.

Маякъ смотрѣлъ на всю эту сцену, — и „пусть меня повѣсятъ“, какъ говорятъ герои Жюль-Верна, если у него, этого маяка, при этомъ не было какое то странное выраженіе.

Онъ смотрѣлъ на насъ съ сочувствіемъ, даже ласково, но какая то складка печальной ироніи угадывалась въ этихъ двухъ черныхъ кольцахъ . . .

Я не понялъ тогда, къ чему она относилась . . .

* * *

Мы были какъ пьяные. Насъ качало во всѣ стороны послѣ шлюпки, а кромѣ того все смѣялось кругомъ . . . Небо,

море, песокъ и даже эта палящая жара, отъ которой единственное спасеніе въ пѣнѣ прибоя...

Но люди...

Люди были коричневатые.

Они не смѣялись.

Они посмѣивались...

* * *

Нѣкоторая часть „полинезійцевъ" пріодѣлась и оказалась молодыми морскими офицерами.

Они шутили на нашъ счетъ, т. е. больше на счетъ Ирины...

* * *

— Ты сегодня дежурный?

— Я...

— Значитъ тебѣ...

— Что?...

— Выводить въ расходъ блондиночку...

— Ну вотъ...

— А ты думалъ... Явно шпіонка!...

— Я не дежурный...

— Не хочешь?... ничего братъ, привыкай!

* * *

Черезъ нѣкоторое время мы уютно обѣдали въ каютъкомпаніи эскадреннаго миноносца „Капитанъ Сакенъ", причемъ „разстрѣльщики" ухаживали за „жертвой"...

Не къ этому-ли относилась иронія маяка?

Нѣтъ, — къ другому...

* * *

Этой же ночью мы ушли въ Севастополь на Лукуллѣ.

Маякъ не сверкнулъ намъ въ темнотѣ на прощаніе, — керосину не было...

Лукуллъ.

Это быдъ тотъ Лукуллъ... „тотъ самый“...

Лукуллъ — яхта. Теперь многіе знаютъ его очертанія. Это тотъ самый Лукуллъ, на которомъ впослѣдствіи держалъ ставку Главнокомандующій генералъ Врангель.

Но тогда это былъ мало кому извѣстный Лукуллъ, замѣчательный впрочемъ тѣмъ, что на немъ шелъ командующій флотомъ адмиралъ Саблинъ.

Итакъ мы въ гостяхъ у „Комфлота“...

***

Адмиралъ пригласилъ насъ къ обѣду.

Обѣдали на ютѣ на открытомъ воздухѣ.

Погода была дивная, Лукуллъ „пѣнилъ воду“, какъ принято выражаться въ этихъ случаяхъ, и все было, какъ полагается.

Обѣдъ очень скромный по старымъ мѣркамъ, но для нашихъ совдепскихъ желудковъ нестерпимо сытный... Сервировка тоже скромная, — но все же, Боже мой...

У насъ тамъ, „на берегу моря“, былъ одинъ разбитый стаканъ „за все“.

А тутъ...

— И бѣлая скатерть!...

Это не удерживается Ирина.

Бѣлые офицеры (моряки сохранили бѣлые кителя) учтиво разспрашивали, что значитъ „и бѣлая скатерть“... А у адмирала на плечахъ среди золота—черные двуглавые орлы...

И обѣдаютъ, какъ раньше обѣдали культурные люди, и не надо каждую минуту прислушиваться, почему скрипнула садовая калитка, и читать въ испуганныхъ глазахъ:

— Идутъ?...

Нѣтъ, идетъ только Лукуллъ, спокойный среди спокойнаго моря, и идетъ мирная бесѣда на ютѣ.

Спрашиваютъ...

***

Мы разсказываемъ... И не знаешь хорошенько, что же сонъ: „это“ или „то“. Можетъ быть и то, и другое... На-

стоящая жизнь была до революціи. Мы проснемся, когда все кончится.

Но когда же?...

* * *

Теперь я распрашиваю.

— Не грабятъ?...

— Нѣтъ. Въ общемъ нѣтъ. Бываютъ, конечно, случаи... но въ общемъ нѣтъ. Это надо сказать...

— Какимъ же образомъ удалось?...

— Да сначала, конечно, мѣрами строгости... Разстрѣливали... А потомъ какъ то поняли сами. Конечно, не всѣ... но значительная часть поняла... отчего мы въ Крыму, а не въ Москвѣ...

— А населеніе? Перемѣнили отношеніе?

— Перемѣнили безусловно... Къ намъ по крайней мѣрѣ, морякамъ, хорошо относятся. Но вѣдь у насъ строго... конечно, въ арміи бываетъ, но въ общемъ былыхъ безобразій нѣтъ... и отношеніе населенія иное...

Я знаю, какъ флотъ относится къ арміи и обратно. Поэтому для меня свидѣтельство моряковъ о сухопутныхъ цѣнно.

Затѣмъ слѣдуетъ неизбѣжное. Начинаются жалобы, что флотъ забросили, притѣсняютъ, угнетаютъ и т. д.

Но такъ какъ я твердо знаю, что нѣтъ ни одного рода оружія и ни одной части, и ни одного полка, и даже ни одной роты, которая не была-бы свято и нерушимо убѣждена, что она самая угнетенная изъ всѣхъ, — то я слушаю это въ полъ-уха.

Въ доказательство, однако, говорятъ:

— Нашу новую форму видѣли?... Не даютъ флоту обмундированія, что подѣлаешь... Пришлось узаконить это „полуголое состояніе“... Вотъ прійдемъ въ Акмечеть — и увидите...

* * *

Мы подходимъ...

Тутъ стоитъ нѣсколько судовъ и между прочимъ тотъ несчастный крейсеръ, на которомъ въ началѣ революціи произошли душу раздирающія избіенія офицеровъ.

Вахтенный докладываетъ:

— Подходимъ къ Алмазу... Команда стоитъ во фронтъ.

Адмиралъ подходитъ къ борту.

Все замерло здѣсь и у нихъ.

Вотъ тамъ, на борту „Алмаза", ровнымъ, ровнымъ коричневымъ частокольчикомъ стоятъ застывшіе „полинезійцы".

Адмиралъ здоровается въ рупоръ.

Оттуда чрезъ нѣсколько мгновеній доносится дружное, размѣренно скандированное:

— Ррррра... и... е... е... а... е... а... е.. рррррр... ó!...

И чувствуется въ этихъ гласныхъ безъ согласныхъ и согласіе, и сила...

И почему то это волнуетъ.

* * *

А когда мы всходили на судно и капитанъ поздоровался съ Лялей, онъ отчеканилъ, какъ и полагается „юнкеру флота":

— Здравія желаемъ господинъ капитанъ перррваго ррранга...

И расплылся радостной улыбкой... Вѣдь полагается „весело привѣтствовать начальника"...

Почему и этотъ пустякъ... „щемитъ"?...

* * *

Сигналъ. Адмиралъ покидаетъ Лукуллъ.

Это торжественно. Все на суднѣ должно чувствовать этотъ моментъ.

У трапа нарядный вельботъ. На веслахъ бронзовые полинезійцы.

— Встать! смирно!...

Бронзовые вскакиваютъ и застываютъ въ вельботѣ.

Здороваются. Адмиралъ садится и беретъ въ руки рулевые тросы.

— Садись!... весла разобрать!...

Бронзовые опускаются, а весла лѣсомъ встаютъ къ небу.

— На воду!!!

Весла падаютъ на воду.

Вельботъ отваливаетъ. Бронзовые тѣла красиво покрываются мускулами, и Андреевскій флагъ волнующимъ крестомъ вьется надъ струйкой у кормы.

* * *

— Что съ вами, Ирина?...

— Ахъ, я не могу на все это смотрѣть... хочется плакать... Отчего это?...

* * *

Мы снова вышли въ море. И тутъ оно доказало, какъ намъ повезло, и какъ оно было милостиво къ намъ наканунѣ.

Разыгрался штормъ. Лукуллъ держалъ себя хорошо, но море обращалось съ нимъ безжалостно.

Меня какимъ то чудомъ не укачало и потому я могъ оцѣнить красивость шторма. Удивительно интересна взбѣсившаяся вода. Одно непріятно. Кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы она когда нибудь успокоилась.

А межъ тѣмъ все прійдетъ въ порядокъ, когда настанетъ „часъ опредѣленный“. Не то ли и съ революціей?

Люди, испугавшись этихъ косматыхъ чудовищъ, увѣровали, что ихъ силѣ нельзя противиться...

Нѣтъ, Лукуллъ не вѣритъ. Онъ бодро прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ скверныя забавы этихъ исполинскихъ катящихся гадовъ.

„Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ...“

* * *

На слѣдующее утро, то есть 27 іюля по старому стилю мы пришли въ Севастополь. Переходъ изъ Одессы, слѣдовательно, занялъ трое сутокъ.

Севастополь.

Несмотря на то, что мы пришли на адмиральскомъ суднѣ и обѣдали съ „Комфлотомъ", насъ для вѣрности все же направили прямо съ Графской пристани въ „Морскую контръ-развѣдку."

По дорогѣ въ окнѣ одного дома я вдругъ увидѣлъ знакомую фигуру Н. Н. Львова. Въ то же мгновенье въ окнѣ оказались другія дружескія лица, а на дверяхъ я прочелъ:

— „Редакція Великой Россіи. Основана В. В. Шульгинымъ."

Встрѣча была соотвѣтствующая.

— Господи, мы какъ разъ обсуждали шестую версію вашей гибели. Съ того свѣта вы, — съ того свѣта!...

* * *

И вотъ начались наши впечатлѣнія выходцевъ съ того свѣта.

Въ контръ-развѣдкѣ насъ признали окончательно. Выразилось это въ томъ, что насъ снабдили документами, возстановившими наше, если не доброе, то настоящее имя. Съ этой минуты мы, такъ сказать, репатріировались, вновь стали гражданами „этого свѣта"...

* * *

Мы вышли на какую то улицу, которую я тогда не зналъ. И эта улица, и все въ ней казалось не то, чтобы во снѣ, а какъ въ кинематографѣ. Что то свое, знакомое, страшно живое и реальное, но еще неухватимое. Казалось, что мы какъ бы не имѣемъ права на все это, не можемъ съ этимъ слиться, — словомъ, что это не „о трехъ измѣреніяхъ", а только на экранѣ...

* * *

Улицы полны народомъ, и какимъ народомъ. Прежнимъ и даже какъ будто бы похорошѣвшимъ.

Масса офицеровъ, часто нарядныхъ, хотя и по новому нарядныхъ, масса дамъ — шикарныхъ дамъ, даже иногда красивыхъ, извозчики, автомобили, объявленія концертовъ,

лекцій, собраній, мѣняльныя лавки на каждомъ шагу, скульптурныя груды винограда и всякихъ фруктовъ, а главное магазины... Роскошь витринъ... особенная, крымская... и все тутъ, что угодно...

Кафе, рестораны...

Свободно, нарядно, шумно, почти весело...

* * *

Но почему же это не наше, почему?..

Потому-ли, что мы не боролись за это, а только бѣжали сюда, — на готовое?.

Но вѣдь тогда, въ порту, въ Одессѣ... Развѣ не „за нашими спинами" многіе изъ тѣхъ, что здѣсь, выѣхали сюда?

Или потому, что мы оборваны такъ, что на насъ оборачиваются и что у насъ нѣтъ гроша въ карманѣ!...

Или совсѣмъ, совсѣмъ по другой причинѣ?

* * *

Какъ бы тамъ ни было, хотѣлось-бы выпить кофе. Ничего не подѣлаешь — буржуйская привычка.

— Василій Витальевичъ!... Вы!... Съ того свѣта!..

Объятія, удивленія.

— Конечно, у васъ нѣтъ денегъ... Я вамъ дамъ сейчасъ... Но, простите, только пустяки... вотъ сто тысячъ..

Я раскрылъ глаза:

— Сто тысячъ — пустяки?...

Но когда мы зашли выпить кофе, неосторожно съѣли при этомъ что то и заплатили нѣсколько тысячъ, — я понялъ...

* * *

— Квартира?

— Совершенно невозможно достать... Единственный способъ — помѣститься на суднѣ.

— На суднѣ?...

— Тутъ много кораблей стоитъ въ порту. Много вашихъ друзей живетъ... Я васъ устрою...

И, дѣйствительно, насъ устроили. И съ тѣхъ поръ мы такъ сказать, пошли по флоту: сначала на Вестѣ, пока она не ушла въ море, потомъ на Добычѣ, которая черезъ нѣко

торое время ушла за Вестой, и въ концѣ концовъ на гигантѣ — Ріонѣ, 13,000 тоннъ котораго не безпокоятъ по пустякамъ.

* * *

Первые дни ушли на объятія и распросы.

Друзей много, но сколькихъ нѣтъ . . . Кто погибъ, кто . . .

„Иные погибли въ бою,
„Другіе . . .,

если не „измѣнили“, то отошли въ сторону.

* * *

Прежде всего надо одѣться . . .

Одѣваютъ . . .

Обувь — 90,000 рублей, рубашка — 30,000, брюки холщевые — 40,000 . . .

— Но вѣдь если купить самое необходимое, то у меня будетъ нѣсколько милліоновъ долгу! . . .

Я пришелъ въ ужасъ. Но мнѣ объяснили, что здѣсь всѣ „милліонеры“ . . . въ этомъ смыслѣ . . .

* * *

— Но какъ же живутъ люди? Сколько получаютъ офицеры?

— Теперь получаютъ около шестидесяти тысячъ въ мѣсяцъ. Но на фронтѣ — это совсѣмъ другое. Тамъ дешевле. Вообще же какъ то живутъ.

— И не грабятъ?

— Нѣтъ, не грабятъ, въ общемъ . . . Пошла другая мода . . . Вы думаете, какъ при Деникинѣ . . . Нѣтъ, нѣтъ, — теперь иначе . . . Какъ это сдѣлалось — Богъ его знаетъ, — но сдѣлалось . . . Теперь мужика тронуть — Боже сохрани. Сейчасъ слѣдствіе и судъ . . . Теперь съ мужикомъ цацкаются.

„Цацкаются“ . . . Такъ . . . Но все таки многаго не пойму. Напримѣръ:

— Отчего такая дороговизна?

— Територія маленькая, а печатаемъ денегъ сколько влѣзетъ.

— А что же будетъ?

— Ну, этого никто не знаетъ.

— А вы знаете, что большевики остановились въ этомъ смыслѣ: не повышаютъ ставокъ.

— Будто?... Сколько у нихъ жалованія?

— Не свыше десяти тысячъ. А то пять, семь...

— А цѣны? Хлѣбъ?...

— Хлѣбъ — 150. А здѣсь?...

— Здѣсь на базарахъ около трехсотъ.

— А другіе предметы? Ну, виноградъ, напримѣръ?

— Виноградъ — 1000 рублей.

— Что за чепуха! Въ Одессѣ хорошая дыня стоитъ 50.

— А вотъ вы увидите, что здѣсь дѣйствительно какъ разъ все наоборотъ... Здѣсь верхамъ хуже, а низамъ лучше. Да, да... представьте себѣ, что въ этомъ „бѣлогвардейскомъ Крыму“ тяжелѣе всего жить тѣмъ, кто причисляется къ соціальнымъ верхамъ... Низы же, рабочіе и крестьяне, живутъ здѣсь неизмѣримо лучше, чѣмъ въ „рабоче-крестьянской республикѣ“. И причина та, — что въ Крыму цѣны на предметы первой необходимости, вотъ какъ на хлѣбъ, сравнительно низкія. А на то, безъ чего можно обойтись, какъ, напримѣръ, виноградъ, очень высокія.

Я убѣдился, что это правда. Для примѣра возьмемъ заработокъ рабочаго въ Одессѣ и Севастополѣ. Въ Одессѣ очень хорошій заработокъ для рабочаго — 15,000 въ мѣсяцъ. А здѣсь тысячъ 60, 80 и много больше... А цѣна хлѣба, главнаго предмета потребленія, здѣсь только въ два раза дороже. Слѣдовательно, если измѣрять заработокъ Одесскаго рабочаго на хлѣбъ, то выйдетъ, что на свой мѣсячный заработокъ онъ можетъ купить два съ половиной пуда хлѣба, а Севастопольскій пять пудовъ и выше.

— Какъ же этого достигли здѣсь у васъ въ Крыму?

— Съ одной стороны, объявлена свобода торговли, а съ другой стороны правительство выступаетъ какъ мощный конкуррентъ, выбрасывая ежедневно на рынокъ большія количества хлѣба по таксѣ, т. е. вдвое дешевле рыночнаго...

— Но все же... въ Севастополѣ очень трудно жить?

— Какъ кому... Иные спекулируютъ, другіе честно торгуютъ, третьи подрабатываютъ... Вотъ, видите этого офицера съ этой барышней?

— Ну?...

— Они сейчасъ оба возвращаются изъ порта...

— Что онъ тамъ дѣлали?

— Грузили... тяжести таскали... мѣшки, ящики, дрова, снаряды... очень хорошо платятъ...

— Ну, напримѣръ...

— Тысячъ до сорока выгоняютъ нѣкоторые за нѣсколько часовъ... т. е. за ночь...

— И офицерамъ разрѣшено?

— Разрѣшено.

* * *

Надо подняться по характерной для Севастополя крутой каменной лѣстницѣ, которая замѣняетъ улицу. Тамъ наверху — домъ-особнякъ. У дверей почетные часовые — казаки конвоя, — эмблема Ставки.

Въ небольшой пріемной много народа. Происходитъ нѣсколько встрѣчъ. Вотъ А. М. Драгомировъ, эксъ-премьеръ Деникинскаго періода и бывшій намѣстникъ Кіевскій... Человѣкъ долга, органически неспособный къ интригѣ, онъ не побоялся взять отвѣтственность, когда его позвали, и ушелъ въ мирную тѣнь, когда оказалось, что его „не требуется"...

Послѣ установленныхъ трансцендентальныхъ удивленій и привѣтствій мы обмѣниваемся нѣсколькими фразами по существу.

— Чѣмъ болѣе я думаю обо всемъ, — говоритъ А. М. Драгомировъ, — тѣмъ болѣе я прихожу къ убѣжденію, что все это только... этапы. Деникинъ былъ этапъ. Боюсь быть плохимъ пророкомъ, но, мнѣ кажется, то, что сейчасъ, — тоже этапъ...

Къ намъ подходитъ „посеребренный" человѣкъ въ чесунчѣ и съ шрамомъ на щекѣ... Онъ чуть постарѣлъ, но такой же... Это А. В. Кривошеинъ... Помощникъ Главнокомандующаго, теперешній премьеръ, гражданскій правитель Крыма.

Я жадно всматриваюсь въ его лицо. Когда то правая рука Столыпина, этотъ человѣкъ сдѣлалъ много въ грандіозномъ дѣлѣ Петра Аркадьевича, въ той земельной реформѣ, которая одна только могла спасти Россію отъ соціализма, — какъ онъ сейчасъ? Осталась ли былая энергія?...

У меня остается смутное чувство. И вѣрится, и нѣтъ. Кажется, надломалось что то и въ немъ... Выдержитъ ли?

Вотъ М. В. Бернадскій, мой соратникъ въ дѣлѣ октроированія такъ называемой Одесской автономіи.

Петръ Бернгардовичъ Струве.

Онъ только что вернулся изъ Парижа, гдѣ удалось „признать Врангеля".

— Мнѣ нужно съ вами поговорить... какъ слѣдуетъ.

Мнѣ тоже нужно, но я уже чувствую, какое напряженіе здѣсь у всѣхъ. Знакомое напряженіе... Такъ живутъ всѣ люди, которымъ надо властвовать.

Ахъ, друзья „управляемые",... если бы вы знали, что это за подлое ремесло, „ремесло правителей"... Самые несчастные люди въ свѣтѣ. Это такъ нестерпимо утомительно, — нужно быть вѣчнымъ сторожемъ своего времени и своихъ силъ, иначе васъ разорвутъ или задавятъ алчущіе и жаждущіе „поговорить".

Для власти нужно быть рожденнымъ.

„Рожденна, не сотворенна"...

И такъ какъ люди забыли, какъ „выводить породу властителей", то поэтому они и встрѣчаются такъ рѣдко.

Отворяется дверь, и на порогѣ появляется высокая фигура того, кого со злости большевики называютъ „крымскимъ Ханомъ".

* * *

Генералъ Врангель встрѣтилъ меня очень привѣтливо.

— Пожалуйте, пожалуйте... ужасно радъ васъ видѣть... Мы вѣдь Васъ похоронили... Ну, позвольте васъ поздравить...

Я не видѣлъ генерала Врангеля около года. Тогда (это было въ Царицынѣ) онъ нервничалъ. Онъ только что пережилъ Exanthematicus, у него были сильно запавшіе глаза, но еще что то, кромѣ этого. Какое то безпокойство, недовольство „общаго порядка". Онъ сдерживался, привычный къ

дисциплинѣ, но что то въ немъ кипѣло. Мнѣ казалось тогда, что онъ недоволенъ стратегіей „влѣво“, т. е. на Украину, и хочетъ правофланговой оріентаціи. — на Волгу, на соединеніе съ Колчакомъ, но, можетъ быть, дѣло было глубже.

Меня поразила перемѣна въ его лицѣ. Онъ помолодѣлъ и расцвѣлъ. Казалось-бы что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима съ той, которую онъ несъ тамъ въ Царицынѣ. Но нѣтъ, именно сейчасъ въ немъ чувствовалась не нервничающая энергія, а спокойное напряженіе очень сильнаго, постояннаго тока

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, позвольте мнѣ васъ поздравить . . . я спасъ только свою собственную персону, а вы спасли . . . я не знаю, какъ это выразить . . . нѣчто . . .

Я растрогался и не нашелъ словъ.

Онъ пришелъ мнѣ на помощь.

— Я всегда думалъ — такъ . . . Если уже кончать, то по крайней мѣрѣ безъ позора . . . Когда я принялъ командованіе, дѣло было очень безнадежно . . . Но я хотѣлъ хоть остановить это позорище, это безобразіе, которое происходило . . . Уйти, но хоть по крайней мѣрѣ съ честью . . . И спасти, наконецъ, то, что можно . . . Словомъ, прекратить кабакъ . . . Вотъ первая задача . . . Давайте сядемъ . . .

Мы сѣли.

— Ну, эта первая задача болѣе или менѣе удалась . . . и тогда вдругъ оказалось, что мы можемъ еще сопротивляться . . . Оказалось то, на что, въ сущности говоря, очень трудно было расчитывать. Мы ихъ выгнали изъ Крыма и теперь развиваемъ операціи . . . Но я долженъ сейчасъ же сказать, что я не задаюсь широкими планами . . . Я считаю, что мнѣ необходимо выиграть время . . . Я отлично понимаю, что безъ помощи русскаго населенія нельзя ничего сдѣлать . . . Политику завоеванія Россіи — надо оставить . . . Вѣдь я же помню . . . Мы же чувствовали себя, какъ въ завоеванномъ государствѣ . . . Такъ нельзя . . . Нельзя воевать со всѣмъ свѣтомъ . . . Надо на кого то опереться . . . Не въ смыслѣ демагогіи какой нибудь, а для того, чтобы имѣть прежде всего запасъ человѣческой силы, изъ которой можно черпать: если

я разбросаюсь, у меня не хватитъ... того, что у меня сейчасъ есть, не можетъ хватить на удержаніе большой территоріи... Для того, чтобы ее удержать, — надо брать тутъ же на мѣстѣ людей и хлѣбъ..., но для того, чтобы возможно было это, требуется извѣстная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка — какъ она можетъ быть сдѣлана?

Не пропагандой же, въ самомъ дѣлѣ... Никто теперь словамъ не вѣритъ. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы въ Крыму, чтобы хоть на этомъ клочкѣ *сдѣлать жизнь возможной*... Ну словомъ, чтобы, такъ сказать, — показать остальной Россіи... вотъ у васъ тамъ коммунизмъ, т. е. голодъ и чрезвычайка, а здѣсь: идетъ земельная реформа вводится волостное земство, заводится порядокъ и возможная свобода... Никто тебя не душитъ, никто тебя не мучаетъ, — живи, какъ жилось... Ну, словомъ, опытное поле... До извѣстной степени это удается... Конечно, людей не хватаетъ... я всѣхъ зову... я тамъ не смотрю, на полградуса лѣвѣе, на полградуса правѣе, — это мнѣ безразлично.., Можешь дѣлать — дѣлай. И такъ мнѣ надо выиграть время... чтобы, такъ сказать, слава пошла: что вотъ въ Крыму можно жить. Тогда можно будетъ двигаться впередъ, — медленно, не такъ, какъ мы шли при Деникинѣ, — медленно, — закрѣпляя за собой захваченное. Тогда отнятыя у большевиковъ губерніи будутъ источникомъ нашей силы, а не слабости, какъ было раньше... Втягивать ихъ надо въ борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы имъ было за что бороться... Меня вотъ что интересуетъ... какъ вы думаетс... большевики уже достаточно надоѣли?

— Я не берусь съ точностью отвѣтить вамъ за деревню. По свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ, въ деревняхъ ихъ тоже ненавидятъ, но все таки это не личныя впечатлѣнія... я могу вамъ сказать объ Одессѣ... Тамъ большевиковъ русское населеніе ненавидитъ сплошь..., а евреи — наполовину...

— Такъ что Вы думаете, что моментъ наступилъ. Сейчасъ намъ, конечно, очень помогаютъ поляки... Наше наступленіе возможно потому, что часть силъ обращена на Польшу.

— А они не подведутъ по своему обыкновенію?

— Могутъ, конечно... Но нельзя же не пользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ.

— А если подведутъ, что тогда?

— Тогда, конечно, будетъ трудно... я надѣюсь удержать Крымъ...

— И зимовать?...

— Да зимовать, конечно. Надо обезпечиться хлѣбомъ... хлѣбъ будетъ. Я сдѣлалъ такъ: я далъ возможность людямъ наживаться. Я разрѣшаю имъ экспортъ зерна въ Константинополь, что страшно для нихъ выгодно. Но за это все остальное они должны отдавать мнѣ. И хлѣбъ есть. Я стою за свободную торговлю. Надоѣли мнѣ эти крики про дороговизну смертельно. Публика требуетъ, чтобы я ввелъ твердыя цѣны. Вздоръ! Это испробовано, отъ твердыхъ цѣнъ цѣны только ростутъ. Я иду другимъ путемъ: правительство выступаетъ, какъ крупный конкуррентъ, выбрасывая на рынокъ много дешеваго хлѣба. Этимъ я понижаю цѣны. И хлѣбъ у меня сравнительно съ другими предметами не дорогъ. А это главное. Но кричатъ они о дороговизнѣ нестерпимо. Если бы вы написали что нибудь объ этомъ...

— Хорошо, я напишу... Но позвольте васъ спросить...

Тутъ я спросилъ Главнокомандующаго объ одномъ предметѣ, о которомъ я пока считаю излишнимъ распространяться. Скажу только, что тутъ наши мнѣнія нѣсколько разошлись.

Въ концѣ разговора мы перешли къ будущему. Нельзя же безъ этого...

— Какъ вы себѣ представляете будущую Россію?... Она будетъ централизована?

— Отнюдь нѣтъ... я себѣ представляю Россію въ видѣ цѣлаго ряда областей, которымъ будутъ предоставлены широкія права. Начало этому—волостное земство, которое я ввожу въ Крыму. Потомъ изъ волостныхъ земствъ надо строить Уѣздныя, а изъ Уѣзднаго земства — Областныя Собранія.

— Если ужъ мечтать, то мечтать... какъ вы относитесь къ тому, что когда то раньше называлось „завершеніемъ реформъ", т. е. какъ установится государственный строй Россіи?

— Да все такъ же. Когда области устроятся, тогда вотъ отъ этихъ самыхъ волостныхъ или уѣздныхъ собраній будутъ посланы представители въ какое то Общероссійское Собраніе . . . Вотъ оно и рѣшитъ . . .

Тутъ я спросилъ о другомъ предметѣ, о которомъ пока тоже считаю излишнимъ распространяться. Тутъ наши мнѣнія сошлись.

* * *

Я чувствовалъ острое напряженіе въ пріемной. Время правителей это нѣчто, чѣмъ злоупотреблять просто безбожно . . . Надо было кончать этотъ разговоръ, несмотря на весь его интересъ для меня . . .

* * *

Я ушелъ отъ Главкома успокоенный и бодрый. Въ этомъ человѣкѣ чувствовался токъ высокаго напряженія. Его психическая энергія насыщала окружавшую среду и невидимыми проводниками доходила до тѣхъ мѣстъ, гдѣ начиналось непосредственное дѣйствіе. Эта непрерывно вибрирующая воля, вѣра въ свое дѣло и легкость, съ какой онъ несъ на себѣ тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а наоборотъ, окрыляла, — они то и сдѣлали это дѣло удержанія Тавриды, дѣло, граничащее съ чудеснымъ . . .

Я вспомнилъ, какъ въ началѣ этого года, еще въ Одессѣ, съ А. М. Драгомировымъ и В. А. Степановымъ мы зажгли „Діогеновъ фонарь" и искали человѣка . . . Мы никого не нашли тогда, кромѣ генерала Врангеля, но дальнѣйшія событія показали, что нашъ выборъ былъ правильнымъ.

* * *

У раскрытаго окна, изъ котораго видна красивая Севастопольская бухта, мы бесѣдовали съ А. В. Кривошеинымъ.

— Когда меня призвали, я думалъ объ одномъ: хотя бы клочекъ сохранить, хотя бы чтобы кости мои закопали въ русской землѣ, а не гдѣ то тамъ . . . Клочекъ для того, чтобы спасти физическую жизнь, спасти всѣхъ тѣхъ, кого не дорѣзали . . . Не скажу, чтобы я очень вѣрилъ въ то, что это удастся . . . Я бы и совсѣмъ не вѣрилъ, если бы я не вѣрилъ въ чудеса . . . Но чудо случилось . . . мы не только удержа-

лись, мы что то дѣлаемъ, куда то наступаемъ... то, что совершенно разложившейся арміи вдругъ на самомъ краюшкѣ моря удалось найти въ себѣ силы для возрожденія, — это чудо... И что бы ни случилось, я всегда буду считать это чудомъ...

Онъ сталъ нервничать. Я сказалъ:

— Эго правда... вѣдь въ Россіи бываетъ... но что же дальше?

— Дальше... Прежде всего вотъ что: одна губернія не можетъ воевать съ сорока девятью. Поэтому прежде всего не зарываться. Надо всегда имѣть передъ глазами судьбу нашихъ предшественниковъ. Деникинъ помимо всякихъ другихъ причинъ прежде всего не справился съ территоріей. Мы наступаемъ сейчасъ, но помнимъ, — memento Деникинъ.

— Если такъ, то гдѣ же предѣлъ наступленія?

— Необходимо держать хлѣбные раіоны, то есть сѣверные уѣзды Тавріи.

— Мнѣ кажется, что удержать эту линію не удастся... Вѣдь настоящаго фронта нѣтъ. Это не то, что война съ нѣмцами. Поэтому насъ непремѣнно или увлекутъ, на сѣверъ или сомнутъ къ югу до естественной границы...

— Да, конечно... Но хлѣбъ намъ нуженъ... Разсматривайте это, какъ вылазку за хлѣбомъ... Вѣдь если большевики называютъ генерала Врангеля „Крымскимъ Ханомъ", то слѣдуетъ принять тактику крымскаго хана, который сидѣлъ въ Крыму и дѣлалъ набѣги...

— Но зимовать въ Крыму?

— Конечно... Къ этому надо быть готовымъ... надо ждать...

— Ждать чего?..

— Одно изъ двухъ... Или большевики послѣ всевозможныхъ эволюцій перейдутъ на обыкновенный государственный строй, — тогда, досидѣвшись въ Крыму до тѣхъ поръ, пока они, если можно такъ выразиться, не опохмѣлятся, — можно будетъ съ ними разговаривать. Это одинъ конецъ... Весьма маловѣроятный... Другой конецъ, — это такъ несомнѣнно и будетъ, — они вслѣдствіе внутреннихъ причинъ ослабѣютъ настолько, что можно будетъ вырвать у

нихъ изъ рукъ этотъ несчастный русскій народъ, который въ ихъ рукахъ долженъ погибнуть отъ голода... Вотъ на этотъ случай мы должны быть, такъ сказать, на готовѣ, чтобы броситься на помощь... Но для того, чтобы это сдѣлать, прежде всего что надо?.. Надо, „врачу, исцѣлися самъ“. Это что значитъ? Это значитъ, что на этомъ клочочкѣ земли, въ этомъ Крыму, надо устроить человѣческое житье. Такъ, чтобы ясно было, что тамъ вотъ за чертой красный кабакъ, а здѣсь по сю сторону — рай не рай, но такъ, чтобы люди могли жить. Съ этой точки зрѣнія вопросъ „о политикѣ“ пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Мы, такъ сказать, опытное поле, показательная станція. Надо, чтобы слава шла туда, въ эти остальныя губерніи, — что вотъ тамъ въ Крыму, у генерала Врангеля, людямъ живется хорошо. Съ этой точки зрѣнія важна и земельная реформа, и волостное земство, а главное приличный административный аппаратъ.

— Насколько это вамъ удается?..

— Ахъ, удается весьма относительно... Дѣло въ томъ, что ужасно трудно работать... просто нестерпимо... Ничего нѣтъ... Можете себѣ представить бѣдность матеріальную и духовную, въ которой мы живемъ. Вотъ у меня на жилетѣ эта пуговица приводитъ меня въ бѣшенство, — я вторую недѣлю не могу ее пришить. Мнѣ самому некогда, а больше некому... Это я, глава Правительства, — въ такихъ условіяхъ. Что же остальные? Вы не смотрите, что со стороны болѣе или менѣе прилично, и все какъ по старому. На самомъ дѣлѣ подъ этимъ кроется нищета, и во всемъ такъ... Тришкинъ кафтанъ, никакъ нельзя залатать. Это одна сторона. А духовная такая же. Такая же бѣдность въ людяхъ!..

Онъ опять сталъ очень нервничать. Да, положительно надломалось что то въ этомъ человѣкѣ. Выдержитъ ли? Кажется не выдержитъ...

— Но все таки какъ то мы держимся и что то мы дѣлаемъ. Трагедія наша въ томъ, что у насъ невыносимыя соотношенія бюджетовъ военнаго и гражданскаго. Если бы мы не вели войны и были бы просто маленькимъ государствомъ, подъ названіемъ Таврія, то у насъ концы сходились бы. Нормальные расходы у насъ очень небольшіе, жили

бы. Насъ истощаетъ война. Армія, которую мы содержимъ, совершенно непосильна для этого клочка земли. И вотъ причина, почему намъ надо періодически, хотя бы набѣгами, вырываться...

— Ахъ, лишь бы только не зарваться...

— Да, да, конечно... Я же вамъ сказалъ „memento Деникинъ“...

* * *

И такъ (съ моей по крайней мѣрѣ точки зрѣнія) и Главкомъ, и его помощникъ разсуждаютъ совершенно правильно. Но удастся ли имъ? Удастся ли удержаться, *чтобы не зарваться*, и дѣлая выпадъ, не подставить себя. Здѣсь требуется очень смѣлое, но очень осторожное фехтованіе...

* * *

Прошло три дня... Мы сидѣли на Приморскомъ Бульварѣ... Было такъ, какъ можетъ быть въ этихъ случаяхъ: старшій сынъ — Ляля уѣзжалъ въ полкъ.

* * *

Народу была тьма... Толпа нарядная, красивая, — вся въ бѣломъ, переливалась самолюбующейся жидкостью... И казалось, что кто то собралъ сюда, на этотъ красивый клочекъ земли у моря, какую то дорогую эссенцію, — „пѣну сладкихъ винъ“, — самый „цимесъ“, какъ сказали бы у насъ, въ Одессѣ.

Что поразило многихъ въ Севастополѣ это здоровье, переходящее въ красоту, женщинъ.

Обычная русская культурная толпа — „интеллигенція“, какъ говорили во времена Чехова, „буржуи“, какъ стали говорить вмѣстѣ съ Максимомъ Горькимъ, — поражала своей болѣзненностью... Рѣдко, рѣдко можно было встрѣтить яркія краски безусловности... Обычно это все были лица въ „блеклыхъ тонахъ“... блеклыхъ тонахъ условнаго петроградскаго изящества, — alias вырожденчества... Сѣро-желтовато-зеленое, — вотъ колоритъ Чеховско-Блоковской красоты. Литературность манеръ, поза на изысканность, неестественная веселость, отъ которой грустно, — все это только подчер-

кивало блѣдную немочь догорѣвшихъ родовъ, и благопрі-обрѣтенно-обреченныхъ существъ . . .

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
„Хочу одежды съ тебя сорвать“ . . .

Ахъ, Бальмонтъ, не надо . . .

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
„Насъ возвышающій обманъ“ . . .

Къ чему обнажать хилое, измотанное, больное . . .

* * *

Здѣсь въ Севастополѣ не то.

Ярко-пульсирующая жизнь, молодость и здоровье, — нащупывающія красоту.

Вѣдь такъ шли греки: они отыскали красоту черезъ здоровье.

Но откуда здоровье послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, трехъ архангеловъ Abdominalis, Exanthematicus, Reccurens . . . Послѣ безконечныхъ эвакуацій — всѣхъ этихъ нечеловѣческихъ лишеній . . . Откуда? . . .

Очень просто. Все слабое вымерло въ ужасахъ гражданской войны. Остались самые выносливые экземпляры, которые расцвѣли здѣсь „подъ дыханіемъ солнца и моря“ . . .

Солнце и море соперничаютъ и сейчасъ одно передъ другимъ . . . Красивая толпа переливается самовлюбленной эссенціей и хотѣлось бы, чтобы нѣкто „эстетный“, но умный, одновременно восторженный и насмѣшливый, сказалъ бы про нее стихотвореніе въ прозѣ . . .

* * *

Мои сыновья сумрачны оба. Мальчикамъ не нравится Севастополь.

Молодость не понимаетъ компромиссовъ жизни.

Тамъ въ Одессѣ за пять мѣсяцевъ они привыкли къ суровости . . . всегда полуголодные, всегда на предѣлѣ нищеты, всегда въ опасности, — они научились легко выносить все это.

Но почему они какими то недружелюбными глазами смотрятъ на эту несомнѣнную красивость?

Да, почему? . . .

Это у нихъ совершенно безсознательно. Они инстинктивно чувствуютъ, должно быть, что пока тамъ, за горлышкомъ Перекопа, лежитъ *море нищеты,* этому плѣнительному полуострову нельзя разнѣживаться. Нельзя, — рано. Рано потому, что суровые смоютъ изнѣженныхъ. Суровыхъ могутъ остановить только тѣ, кто, если нужно, откажутся отъ всего „этого" . . .

А въ этой самовлюбенной толпѣ чувствуется, что они не смогутъ отказаться . . . Даже передъ угрозой смерти.

Меня немножко поразила Ирина. Ея синтезъ былъ категорическій:

— Это не удержится . . .

* * *

Еше рѣзче это настроеніе сказалось въ Лялѣ.

Я уже нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ объ этомъ.

Я обращалъ его вниманіе на то, что тылъ — всегда тылъ. Что нужно сравнивать Севастополь съ Екатеринодаромъ и Ростовомъ. И если сдѣлать это сравненіе, то всѣ преимущества будутъ на сторонѣ Севастополя. Жизнь, правда, течетъ здѣсь по старо-режимному руслу, но и слава Богу . . . Надо же, чтобы люди жили, а не мучились. Нельзя только чтобы было безобразіе, — безудержное пьянство и все прочее. А этого нѣтъ. Наоборотъ, все очень подтянуто, — такъ подтянуто, какъ давно не было.

Онъ слушалъ все это, соглашался, но все же выдержалъ Севастополь только три дня. Онъ ему не нравился, ему хотѣлось въ полкъ.

* * *

И онъ ушелъ . . . Ушелъ, простившись, прямо съ этого красиваго бульвара, гдѣ нарядная толпа переливала всѣми красками жизни . . .

* * *

. . . „Уведи меня въ станъ погибающихъ"
„За великое дѣло любви . . ."

Тендровскій Рецидивъ.

(Драма въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ).

Въ общемъ какъ то все складывалось такъ, что до извѣстной степени я могъ себя почитать свободнымъ отъ общественныхъ дѣлъ. Правда, и Главкомъ, и А. В. Кривошеинъ желали, чтобы я писалъ въ „Великой Россіи". Но это какъ то не клеилось. Я написалъ двѣ статьи „о дороговизнѣ", и замолкъ. Въ сущности говоря, въ данную минуту мнѣ не то, что нечего было сказать, но я чувствовалъ болѣе, чѣмъ когда либо, что молчаніе — золото.

Много времени спустя, какъ то отвѣчая на одно открытое письмо, П. Н. Милюковъ написалъ:

„Съ ужасомъ прочелъ я о томъ, что вы появились въ Крыму . . ."

Если бы П. Н. Милюковъ видѣлъ, что я дѣлалъ въ Севастополѣ, онъ не ужасался бы.

* * *

За то у меня были свои личныя дѣла, о которыхъ надо было подумать.

Я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ помочь несчастному Эфему, захваченному чрезвычайкой. И придумалъ такой способъ.

Я выпросилъ у Главнокомандующаго отсрочку одного приговора. Это былъ видный большевикъ, пойманный въ шпіонажѣ и имѣвшій по документамъ, захваченнымъ при немъ, серіозныя связи. Я также получилъ разрѣшеніе Главнокомандующаго послать отъ своего имени радіо предсѣдателю „Украинскаго Совнаркома" Раковскому.

11 августа изъ главной радіотелеграфной станціи пошла телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Черезъ предсѣдателя Одесской черезвычайной комиссіи предсѣдателю совнаркома Украины Раковскому.

Въ Севастополѣ военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни такой то. Предлагаю обмѣнъ на арестованнаго Одесской черезвычайной комиссіей такого то. Въ случаѣ согласія объ условіяхъ телеграфировать туда то. Подпись".

Большевистская радіостанція въ Николаевѣ приняла эту телеграмму и дала „расписку", по терминологіи радіотеле-

графистовъ. Харьковъ тоже повидимому принялъ, но расписку не далъ.

* * *

Кажется, это былъ первый случай за всю войну Бѣлыхъ съ Красными. Жизнь за жизнь... Я ждалъ отвѣта первые дни лихорадочно. Отвѣта не было. Потомъ напряженіе стало спадать и наконецъ надежда погасла. Тогда я рѣшилъ дѣйствовать другимъ путемъ...

* * *

И это тѣмъ болѣе, что...

* * *

Я жилъ тогда на „Ріонѣ“... Пріятно жить на суднѣ. Въ особенности въ то время, когда тамъ почти никого не было. Весь огромный корабль былъ почти пустынный... на всѣхъ палубахъ, спардекахъ и мостикахъ можно было дышать воздухомъ и солнцемъ...

А вечеромъ какъ пріятно было возвращаться „домой“ изъ города... По темнымъ крутымъ каменнымъ лѣстницамъ, затѣмъ по набережной, безпрестанно спотыкаясь черезъ причальные канаты, потомъ по безконечному понтонному мосту, переброшенному черезъ бухту... Въ концѣ его, на томъ берегу, до самой поздней ночи всегда горятъ огоньки-свѣчечки, въ родѣ какъ подъ вербы или подъ Пасху. Это тамъ такой своеобразный базарчикъ, — онъ торгуетъ чуть ли не всю ночь...

Тутъ за триста рублей можно съѣсть вкусную котлету или выпить стаканъ молока. И винограду по 1000 рублей фунтъ — сколько угодно.

Потомъ идешь какими то мрачными закоулками, среди замолкшихъ черныхъ мастерскихъ и складовъ... Иногда тутъ останавливаетъ охрана, но вѣжливо... Наконецъ подходишь къ тому мѣсту, гдѣ темной громадой виднѣется „Ріонъ“,

Кричишь:

— На Ріонѣ!...

Черезъ нѣкоторое время отвѣтъ.

— Есть на Ріонѣ.

— Подайте плотъ.

— Есть подать плотъ.

Что то плескаетъ по водѣ, очевидно канатъ, подходитъ миніатюрный паромъ, и черезъ нѣсколько минутъ подымаешься по трапу Ріона. Проходишь всѣ эти знакомые переходы и, наконецъ, въ полной темнотѣ находишь внизу свою каюту.

Правда простынь нѣтъ, подушекъ нѣтъ, одѣяла тоже нѣтъ, спишь на какомъ то брезентѣ, но это неважно. Научились обходиться и безъ этого, лишь бы чисто.

Крысы?...

Къ нимъ быстро привыкаешь. Однажды они сволокли у меня цѣлый хлѣбъ въ свою преисподнюю... И митинговали при этомъ нещадно.

* * *

Я проснулся отъ того, что тамъ происходило что-то въ корридорѣ. Было абсолютно темно и зажечь нечего. Кто то ходитъ, — что то спрашиваетъ по каютамъ. Женскій голосъ... Вдругъ разслышалъ свою фамилію. Кто то шаритъ по стѣнкѣ на ощупь — постучался ко мнѣ.

— Вы здѣсь, Василій Витальевичъ?

Я вдругъ узналъ ее.

— Лена!...

Это была жена Эфема.

— Ну, наконецъ, я васъ нашла... Я прямо съ парохода... Изъ Варны. Тамъ узнала, что вы спаслись... А онъ гдѣ?...

* * *

И я долженъ былъ ей сказать...

* * *

Всю ночь она билась у меня въ рукахъ... Ахъ, проклятый міръ — ты слишкомъ жестокъ...

* * *

На слѣдующій день я сѣлъ на пароходъ, который долженъ былъ итти на Тендру.

Но сѣсть не значитъ выѣхать. Такъ было когда то раньше. А съ революціей, куда ни ткнешься, всегда выйдетъ какое нибудь глупое затрудненіе.

Такъ и съ „Казбекомъ“. Стояли мы, стояли, безконечно, потомъ ходили изъ угла въ уголъ по бухтѣ, отъ пристани, къ пристани, — все никакъ не могли нагрузить топливо. Наконецъ, пришли въ какому то молу, гдѣ стояли вагоны съ дровами.

Казалось бы, ну слава Богу. Такъ нѣтъ. Команда объявила, что не будетъ грузить, если ей сейчасъ же не заплатятъ денегъ за погрузку. А денегъ какъ разъ не было, наличныхъ.

Но жизнь учитъ.

Въ каютъ компанію, гдѣ всѣ ѣдущіе на Тендру тоскливо ожидали, когда кончится вся эта исторія, вошелъ какой то полковникъ и сказалъ:

— Господа офицеры. Судно не пойдетъ, если не погрузить дровъ. Команда не желаетъ. Если вамъ угодно будетъ самимъ погрузить дрова — мы отойдемъ черезъ три часа. Надо погрузить 800 пудовъ. Деньги будутъ уплочены по расчету, но не сейчасъ, а черезъ нѣкоторое время. Кому угодно?

Переглянулись, и семь офицеровъ, въ томъ числѣ я съ Вовкой, заявили, что намъ угодно.

Сбросили френчи и взялись за дѣло.

Первый часъ былъ труденъ. Положатъ тебѣ полныя руки этихъ неудобнѣйшихъ въ мірѣ дровъ, — бѣги съ ними по разнымъ доскамъ до парохода. Кто покраснѣлъ, кто поблѣднѣлъ отъ натуги . . .

Второй часъ — дѣло пошло значительно лучше. Хотя руки и шею уже пообдирало корой, но мускулы приспособились.

Третій часъ прошелъ совсѣмъ гладко. Образовался уже навыкъ, и когда все было кончено, показалось, что особенной усталости нѣтъ.

Какъ и обѣщалъ полковникъ, черезъ три часа мы вышли въ море. Мало того, было выполнено и другое обѣщаніе — были выплочены деньги. Недѣли черезъ три я ихъ получилъ. Пришлось около шести тысячъ на брата . . .

* * *

2-го сентября я снова увидѣлъ загадочный маякъ съ двумя черными кольцами. Мы обогнули косу. „Казбекъ“ по-

дошелъ близко къ эскадрѣ. „Генералъ Алексѣевъ“ въ это время ушелъ, и центральнымъ судномъ въ Тендровскомъ заливѣ былъ крейсеръ „Генералъ Корниловъ“, бывшій „Кагулъ“.

I.

„Натриот“, т. е. „Начальникъ Третьяго Отряда“, капитанъ перваго ранга С., принялъ меня на ютѣ. Въ это время откуда то взявшійся орелъ, сдѣлавъ нѣсколько взлетовъ, опустился въ двухъ шагахъ отъ насъ на дуло орудія. Я склоненъ былъ это принять за доброе предзнаменованіе, но увидѣлъ, что у орла молодой желтый клювъ, и тутъ же мнѣ объяснили, что это воспитанникъ „Корнилова“.

* * *

Такъ началась „Корниловская эпоха“, иначе называемая эпоха „военно-морскихъ ужасовъ“.

Первый „ужасъ“ разразился въ тотъ же вечеръ. Было очень тихо и очень красиво. Маякъ задумался о чемъ то, какъ будто бы о „прошломъ, но скорѣе о будущемъ. Вокругъ царственнаго „Корнилова“ мирно покачивались подвластныя суда... „Альма“ съ ея характернымъ возмущающимъ душу моряковъ видомъ „буржуа-жантильомъ“, — коммерческое судно, обращенное въ крейсеръ, — „шмага“ по морскому . . . Около „Альмы“ маленькій „Кіевъ“, довольно невзрачный, тихоходъ, но громкоходъ. По другой сторонѣ большая баржа „Тилли“, безутѣшная вдова, какъ ее почему то прозывали. Тамъ впереди не то „Язонъ“, не то „Скифъ“, кто ихъ разберетъ, они такъ похожи другъ на друга, эти два тральщика . . . Далеко въ морѣ погибшая сѣвшая на дно „Чесьма“. Около самаго Корнилова на должности пажа — С. К. 4 — быстроходный катеръ, изящный, приглашающій къ прогулкѣ.

У траповъ двѣ-три шаланды, наполненные арбузами...

Эти арбузы неотдѣлимы отъ Тендры. Такихъ арбузовъ, кажется, нигдѣ и въ свѣтѣ нѣтъ. А дешевизна сумасшедшая. Сто рублей штука. Въ Севастополѣ „за порцію“ надо платить триста. Но деньги берутъ неохотно. Вотъ если дать какую нибудь вещь, какой нибудь пустякъ, старую рубашку вотъ тогда начинается бомардировка арбузами черезъ борт

Ихъ бросаютъ съ шаланды, и команда крейсера ловко ловитъ ихъ въ руки.

Мы мирно любовались всей этой картиной съ юта, какъ вдругъ произошло какое то общее смятеніе. „Альма“ сорвалась съ мѣста и куда то поползла съ видомъ испуганной насѣдки. „Кіевъ“ тоже неистово застучалъ своимъ нестерпимымъ „балиндеромъ“, баржа „Тилли“ осталась неподвижной, но пригорюнилась.

Вдругъ рявкнуло орудіе, и высоко въ небѣ разорвалась шрапнель, сверкнувъ звѣздочкой. Это открыла военныя дѣйствія „Альма“. „Кіевъ“ немедленно присоединился, и вдвоемъ они стали покрывать участокъ неба сверкающими огоньками, послѣ которыхъ оставались дымки.

— Вонъ, вонъ, видите . . .

Между дымками я дѣйствительно увидѣлъ черную точку. Это и была приближ-вшаяся большевистская „гидра“. Только что я подумалъ о томъ, что это „въ честь нашего прибытія“, какъ меня совершенно оглушило орудіе, рявкнувшее на самомъ „Корниловѣ“.

Послѣ этого пошло. Стрѣляли ужъ, стрѣляли . . .

Но черная точка двигалась своимъ путемъ, повидимому, даже не замѣчая этихъ дымковъ; ихъ вѣдь, говорятъ, и не видно и не слышно летчику.

Цѣль ея посѣщенія въ сущности была ясна. Большевики отъ себя видѣли, по дыму, которой развелъ „Казбекъ“ утромъ, что пришло какое то судно. И вотъ гидра летѣла провѣрить. Но недолетѣвъ немного до „Корнилова“, очевидно, для соблюденія этикета, что то бросила, что произвело фонтанный всплескъ въ морѣ. Бомбу — конечно.

Въ общемъ все кончилось благополучно, какъ водится. Но, такъ сказать, вечерній военно-морской ужасъ удался на славу.

Но возмутительно себя велъ маякъ. Хотя какая то наивная душа стремилась тамъ достать гидру изъ пулемета, но маякъ лично не принималъ въ этомъ ровно никакого участія. Выраженіе у него было ироническое.

* * *

Въ числѣ наивныхъ душъ, обстрѣливавшихъ гидру изъ пулемета, оказалась женщина и даже молодая дѣвушка. Она прибыла сюда на Тендру въ качествѣ „развѣдчицы". Когда налетѣла гидра, оказалось что она къ тому же — „пулеметчица". И вотъ хотѣла достать гидру въ небѣ.

Но вмѣсто этого. . .

* * *

Это было черезъ нѣсколько дней. Я зашелъ въ каютъ-компанію къ Натриоту, — мнѣ нужно было по дѣлу.

Онъ жестомъ попросилъ меня подождать, пока кончитъ разговоръ.

Я опустился въ уютное кожаное кресло. И задумался. Я полюбилъ эту каютъ компанію . . . симпатичная . . . Сквозь раскрытыя двери, которыя вели на адмиральскій мостикъ на самой кормѣ крейсера, виднѣлось море — очень ласковое сегодня . . . Оно играло съ солнцемъ.

Я невольно прислушался къ разговору.

Этотъ молодой офицеръ, что докладывалъ Натриоту, очевидно, „заворачивалъ" тамъ на Маякѣ. Разговоръ шелъ о двухъ задержанныхъ развѣдчикахъ, присланныхъ изъ Севастополя, которыхъ на Маякѣ почему то признали шпіонами и жидами. Офицеръ говорилъ:

— Разрѣшите доложить . . . Онъ уже сознался, что онъ жидъ . . . Я думаю, что его надо бы пороть до тѣхъ поръ, пока онъ ее не выдастъ. Она тоже шпіонка, — это ясно . . .

Натриотъ успокоилъ его.

— Бросьте . . . я запросилъ Севастополь . . . Пока я приказалъ ее перевести на „Скифъ".

Я вышелъ на мостикъ. Вдоль крейсера медленно шла, направляясь къ пришвартованному къ „Корнилову" „Скифу" шаланда. На кормѣ сидѣла женщина. Мнѣ мелькнуло молодое загорѣлое лицо изъ подъ краснаго платка.

Это должно быть и есть шпіонка . . .

* * *

Мнѣ захотѣлось ее повидать. Кто то сказалъ мнѣ, что она уже была въ какой то развѣдкѣ и потому можетъ мнѣ

дать полезныя указанія. Кромѣ того мнѣ просто было любопытно. Неужели я не могу отличить „шпіонку“ отъ настоящей.

* * *

Она сидѣла за столомъ въ маленькой каютъ-компаніи „Скифа“ и съ аппетитомъ кушала жаренаго поросенка... Видно голодная...

Я извинился и подошелъ къ столу. Она встала, и такъ мы остались стоять... Это было молодое существо... сильно загорѣлое, съ выразительными губами,.. еще жирными отъ поросенка...

Я сталъ ее спрашивать и по отвѣтамъ почувствовалъ, что она затравленная, но все-же еще довѣрчивая. Вдругъ она спросила меня:

— Вы не... редакторъ „Кіевлянина“?...

И когда я сказалъ „да“, вдругъ въ ея улыбкѣ, внезапно снявшей всю затравленность и оставившей одну довѣрчивость, я поймалъ что то знакомое и безошибочное.

— Такъ вы должны были знать мою сестру?

Вотъ!... Конечно, я видѣлъ уже это когда то.

— Въ семнадцатомъ году... она была у васъ... тогда вамъ поднесли...

Она смутилась... Должно быть поднесли цвѣты... Тогда эта бѣдная молодежь жалась къ „Кіевлянину“. Но я вспомнилъ не это... Вдругъ вспомнилъ, что еще такъ недавно въ Одессѣ она оказала всѣмъ намъ незабываемую услугу... Та, которая должна была быть ея сестрой. Но я не сказалъ ей этого изъ преувеличенной осторожности.

Но я вернулся на „Корниловъ“ и сказалъ Натриоту, что шпіонка на „Скифѣ“ — дочь генерала Н., семью котораго я знаю.

Натриотъ отвѣтилъ, что полученъ отвѣтъ изъ Севастополя, устанавливающій и подтверждающій подлинность развѣдчицы.

— Разстрѣлять, разстрѣлять!... сумасшедшіе люди!...

* * *

Мораль сей исторіи для молодыхъ „разстрѣльщиковъ“. Когда у васъ будутъ чесаться руки непремѣнно кого нибудь

„вывести въ расходъ", подумайте о томъ, что можетъ быть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но съ такимъ же легкомысліемъ, какой нибудь изъ вашихъ товарищей, расправляется съ вашей сестрой или невѣстой . . .

* * *

Въ уютной адмиральской каютъ — компаніи за столомъ, „заброcаннымъ картами", обсуждалось предпріятіе. Тутъ я впервые узналъ о тайнахъ мореплаванія. Во первыхъ, для успѣха всякаго морского дѣла нужно говорить компàсъ, а не кòмпасъ. Полезно также говорить рапóртъ, а не рàпортъ. Затѣмъ, нельзя называть веревку веревкой, а нужно говорить „тросъ", „шкотъ", „линь" и вообще такъ, чтобы было непонятно. Впрочемъ, все это описано Станюковичемъ гораздо раньше и гораздо лучше, а поэтому я могу не стараться.

Въ результатѣ обсужденія оказалось, что на цѣлой эскадрѣ нельзя найти шлюпки за полной бѣдностью, и что въ дѣло придется пустить стараго друга „Speranz'y", которая какимъ то образомъ оказалась на какомъ то суднѣ, сохранившемъ ее для насъ честно. Ее надо только отремонтировать. За это дѣло взялись рьяно.

* * *

Когда стемнѣло, „Альма" вышла въ море, имѣя на буксирѣ „С. К. 4", который въ свою очередь буксировалъ „Speranz'y". Въ эту ночь требовалось сдѣлать развѣдку въ эту сторону, а слѣдовательно была оказія для насъ.

На борту „Альмы" было пріятно. Она шла безъ огней, прокрадываясь въ темнотѣ. Можетъ быть именно потому, что машина у нея на кормѣ, у нея очень тихій и плавный ходъ, какой то скользящій.

Звѣзды сіяли и командиръ „Альмы" объяснялъ намъ, гдѣ полярная звѣзда и давалъ нѣкоторыя другія указанія. Впрочемъ, у меня былъ компàсъ.

Мы уютно поужинали въ командирской рубкѣ, которую наглухо закрывали, чтобы не было видно свѣта. Конечно не обошлось безъ арбузовъ. Что это за арбузы! . . .

Потомъ я пошелъ спать. Судно чуть чуть покачивало и все было какъ то необычайно тихо и мирно. Я спалъ три часа, когда меня разбудили:

— Пора . . .

* * *

Я вышелъ изъ рубки. „Альма“ остановилась. Было все такъ же тихо — торжественно и таинственно, какъ бываетъ въ морѣ...

„Въ небесахъ торжественно и чудно“ ...

„С. К. 4“ завелъ машину и большой темной рыбой подошелъ съ праваго борта.

— Ну, дай вамъ Богъ ....

Мы перешли на „С. К. 4“, а съ него на „Сперанцу“, прибуксированную къ нему.

Тутъ случилась первая непріятность: я безошибочно опредѣлилъ, что „Сперанца“ нестерпимо течетъ. Пришлось тутъ же ее откачивать. Немедленно послѣ это произошла вторая непріятность: я сталъ надѣвать изготовленный стараніями „Корнилова“ руль, щедро кованный желѣзомъ, но онъ оказался такимъ тяжелымъ, что при надѣваніи въ темнотѣ на проклятый шпинекъ, который не хотѣлъ влазить на полагавшуюся ему петлю, — я упустилъ этотъ богато кованный руль въ море и онъ потопъ съ ужасающей быстротой.

Я собирался очень надъ этимъ разволноваться, но времени не было. „С. К. 4“ торопилъ, и мы тронулись.

Это было путешествіе... Какъ только „С. К.“ прибавилъ ходу, впереди „Сперанцы“ появилась гора фосфоресцирующей воды и пѣны. Два бурливыхъ огненныхъ потока побѣжали по бортамъ... Страшно красиво, но шаланда стала въ косомъ положеніи — носомъ къ небу, кормой погружаясь въ сверкающую завируху. Я крикнулъ Вовкѣ, чтобы онъ перебрался на самый носъ... это чуть выпрямило шаланду. Но она стала бѣшено рыскать вправо и влѣво, и я съ трудомъ удерживалъ ее ве ломъ, замѣнившимъ руль...

По счастію, это красивое испытаніе длилось минутъ двадцать... „С. К. 4“ сталъ... Послѣднія привѣтствія... Затѣмъ намъ бросили нашъ шкотъ, и „С. К“ отошелъ, производя винтомъ свѣтовые эффекты. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ исчезъ, — мы остались одни въ морѣ.

* * *

Когда не бурно и шлюпка въ порядкѣ, то хотя бы она была такая крохотная, какъ эта „Сперанца“, — ночью въ морѣ жутко-уютно...

Но когда шлюпка отчаянно течетъ и вообще дѣло не ладится, тогда опредѣленно можно сказать, что никакой — уютности, а одна жуть.

А „Сперанца“ текла неуклонно. Одинъ изъ насъ, а было насъ двое, все время долженъ былъ выкачивать воду. И это при совершенно спокойномъ морѣ. Что же будетъ, если разведетъ зыбь.

Другой, неоткачивающій, — это былъ Вовка — долженъ былъ грести. Долженъ былъ, а на самомъ дѣлѣ онъ не гребъ, а только „привязывалъ“ . . . Есть на этихъ шлюпкахъ пренепріятныя вещи, которыя зовутъ „шкармами“. Шкармы — это деревянные колышки, засунутые въ борта . . . Они замѣняютъ уключины, то есть къ нимъ привязываютъ весла . . . но они же могутъ служить орудіями пытокъ.

Такъ было и въ нашемъ случаѣ Эти проклятыя шкармы почему то все время вываливались изъ гнѣздъ. Хорошо еще, что пока онѣ падали въ лодку. Но они грозили упасть и въ море. Какъ ихъ поймаешь тогда въ темнотѣ? Правда, я скоро опредѣлилъ, почему онн вываливаются, — это происходило потому, что бортъ гнилой, но отъ этого открытія намъ не стало „уютнѣе“ . . .

Въ довершеніе удовольствія очень скоро перетерлись веревки, которыми привязывались весла къ этимъ ужасающимъ шкармамъ . . .

Тогда наступила скверная минута. Однако всегда есть выходъ. Я нащупалъ ремни на винтовкахъ. Цѣлая была исторія снять эти ремни, затѣмъ не менѣе трудно было привязать весла этими ремнями къ шкармамъ. Я это сдѣлалъ. Вовка тѣмъ временемъ выкачивалъ воду и ругался. Дѣйствительно, есть положенія, когда надо ругаться . . . И прежде всего надо ругать самого себя за то, что вышли въ море, не осмотрѣвъ хорошенько шаланды. Поступили чисто по русски . . .

Когда все было готово, оказалось, что грести почти невозможно. Ибо ремни по какому то удивительному упрямству удерживали весло именно такъ, чтобы его ни повернуть ни вывернуть. Если бы мы не такъ сильно ругались, то пожалуй заплакали бы съ досады.

Къ тому же подулъ вѣтеръ съ берега. Да и берегъ этотъ былъ Богъ его знаетъ гдѣ, его еще совсѣмъ не было видно. Если такъ гресть, какъ мы гребемъ, надо было бы итти нѣсколько часовъ. Между тѣмъ...

Между тѣмъ на востокѣ небо подозрительно поблѣднѣло. А звѣзды, огромныя, крупныя, прогнавъ куда то всю мелочь и бѣлесоватые разводы Млечнаго пути, разгорѣлись такъ ярко, какъ онѣ имѣютъ обыкновеніе это дѣлать передъ разсвѣтомъ.

* * *

Это и былъ разсвѣтъ... Черезъ четверть часа это стало яснымъ. Итакъ положеніе было такое. До берега нѣсколько миль. Шаланда течетъ бѣшено, весла почти не работаютъ. Вѣтерокъ хотя слабый, но противный. При этихъ условіяхъ высадиться на большевистскій берегъ можно было только черезъ нѣсколько часовъ, то есть при полномъ свѣтѣ дня.

Это было явно невозможно. Поэтому пустивъ въ море всѣ ругательства, какія можно было изобрѣсти, мы рѣшились на позорное отступленіе

Отступать, но куда?... Конечно на Тендру. Правда, прійдется итти совершенно неопредѣленное количество времени съ этими веслами и съ этой течью, но у насъ есть нѣкоторые шансы, что мы найдемъ „Альму". „Альма" обѣщала ждать меня нѣкоторое время въ морѣ въ опредѣленномъ пунктѣ.

Мы взяли по компасу это направленіе. Шли, шли, шли, какъ намъ казалось безконечно долго. Тупо гребли и обреченно выкачивали...

Солнце сіяло, когда мы наконецъ ее увидѣли.

Да, это было „Альма", — безобразная „шмага", скользящая насѣдкой. Но какъ пріятно было ее увидѣть. Словно дымъ родной.

„Дымъ отечества" впрочемъ и вился надъ нею.

Еще пріятнѣе было, когда отъ Альмы отдѣлилась какая то точка и явно стала приближаться къ намъ съ большой быстротой, на глазахъ увеличиваясь въ размѣрахъ... Ясно было, „С. К. 4" спѣшилъ къ намъ на помощь. Кто то тамъ,

очевидно, внимательно смотрѣлъ въ бинокль, если разглядѣли насъ съ такого разстоянія . . .

* * *

Репатріированные на бортъ „Альмы" мы рѣшили такъ: будемъ высыпаться, а „Сперанцу" въ это время починять. Въ четыре часа вечера мы будемъ пытать счастье снова, благо „Альма" должна еще побыть въ этихъ водахъ.

Но когда *отремонтированную* „Сперанцу" на таляхъ спустили на воду, вода забила по всѣмъ швамъ.

— Ничего не будетъ . . . Это ее „С. К. 4", когда вчера тащилъ на буксирѣ, растянулъ. Вѣдь она гнилая . . .

Подошелъ командиръ „Альмы". Осмотрѣвъ, онъ сказалъ.

— Если вы непремѣнно хотите покончить съ собой, то у меня есть въ каютѣ револьверъ. Пріятнѣе и сухо.

Хохолъ матросъ подошелъ къ борту и уставился на шлюпку . . . Потомъ сказалъ негромко, не обращаясь ни къ кому:

— Це сама смерть, — цяя шаланда . . . И отошелъ отъ борта.

* * *

Я понялъ, что дѣйствительно ничего не будетъ. Я сказалъ командиру „Альмы", что отступаю. Въ это время показался аэропланъ. „Альма" приготовилась къ бою, но оказалось, что это наша „гидра". Единственная, которая была на Тендрѣ. Она вылетала въ особо-важныхъ случаяхъ.

Зажужжавъ на всѣ шмелиные напѣвы, гидра зашуршала по водѣ недалеко отъ „Альмы" и затѣмъ безпомощно, какими то самодѣльными движеніями подползла къ борту.

Изъ авіаторскихъ пеленокъ вылѣзла голова, которая оказалась знакомымъ профилемъ лейтенанта К.

Оказалось, что „Патриот" безпокоится, что сдѣлалось съ „Альмой" и съ прочими.

Мы немедленно собрались въ обратный путь. „Гидра" приготовилась летѣть, но ничего не вышло. Вычертивъ со свирѣпымъ рычаніемъ нѣсколько пѣнныхъ полосокъ на поверхности моря, моторъ окончательно далъ понять, что ничего не будетъ. Тогда рѣшили итти кильватерной колонной: то

есть собственно шла „Альма“ и буксировала „С. К. 4“, онъ буксировалъ гидру, а гидра — „Сперанцу“.

Когда мы подходили къ маяку, не скрывавшему на этотъ разъ насмѣшки, налетѣли непріятельскія „гидры“. Начался бой во всѣхъ направленіяхъ. Несчастная Альма трепетала по всѣмъ швамъ, потому что то „носовое“, то „кормовое“ потрясали ея дряхлѣющій корпусъ.

Все это было очень занятно, продолжалось довольно долго и, какъ водится, никакихъ послѣдствій не имѣло: обѣ стороны разошлись во свояси безъ потерь.

II.

Послѣ неудачной попытки индивидуальнаго дѣйствія, т. е. вдвоемъ съ Вовкой и на полугнилой „Speranz'ѣ“, я рѣшилъ вступить на „коммунистическій“ путь, то есть дѣйствовать сообща съ другими.

* * *

Вечеромъ 17-го сентября въ гостепріимной адмиральской каютъ-компаніи былъ сервированъ уютный столъ. Собирались кого то фетировать, не то Любовь Надежды, не то Надежду Любви . . .

Увы, мы съ Вовкой должны были покинуть „свѣтъ и тепло“ и пуститься въ Черное море.

„Таковъ ужъ долгъ солдата:
Вставать отъ сладкихъ сновъ
Для распрей и для битвъ“ . . .

(Отелло. Шекспиръ).

* * *

Было двѣ шаланды. Та, другая, шла впереди, и мы видѣли ее то бѣлымъ, то чернымъ привидѣніемъ, въ зависимости отъ перемѣны галса. Луна дѣлала эти превращенія. Всѣхъ насъ было на обѣихъ шаландахъ десять человѣкъ. Была зыбь, но не слишкомъ. Мы шли безконечно долго. — Наконецъ, берегъ какъ будто бы сталъ угадываться. Но еще очень далеко.

Нѣсколько разъ поднимались разговоры о томъ, „сбивать парусъ“, или нѣтъ. Пока одерживало мнѣніе: „Чего сбивать!

Что жъ ты думаешь, его тебѣ видно, такъ и онъ тебя видитъ".

„Онъ" — это былъ большевистскій прожекторъ. Своимъ циклопскимъ взглядомъ онъ водилъ по морю. Въ тѣ минуты, когда этотъ несносный лучъ набѣгалъ на насъ, становилось совсѣмъ свѣтло . . . Парусъ выросталъ надъ шаландой огромной бѣлой птицей . . . И видны были наши лица, казавшіяся смертельно блѣдными, съ рѣзко прорубленными морщинами.

Это продолжалось одно мгновеніе, лучъ проносился дальше, очевидно не замѣтивъ насъ.

— Если бы онъ замѣтилъ, то остановился бы, держалъ бы насъ подъ лучемъ, — сказалъ кто то. Значитъ, не видитъ . . .

И шли дальше. Но наконецъ наступила психологическая точка. Всѣ какъ то заволновались разомъ, отчаянно переругнулись въ мать, Христа и въ вѣру, и мнѣніе „сбивать парусъ" одержало верхъ.

„Сбили", то есть спустили, говоря по русски. Рыбаки — тѣ же моряки, и даже моряки par excellence. А посему и они выражаются нечеловѣческимъ языкомъ.

Пошли на веслахъ.

Насъ въ шаландѣ было шесть. Двое отлынивали насчетъ гребки, въ особенности одинъ, самый здоровенный изъ всѣхъ насъ. Ругались по сему поводу. Но все таки шли.

Вдругъ кто то замѣтилъ два огонька. Красноватые, еле замѣтные, они гдѣ то очень далеко мигали надъ самой водой.

— Это катера! . . .

Всѣ переполошились. Стали спорить и ругаться. Кто то возражалъ, что это не катера.

— Какъ же не катера! . . . (въ мать, Христа и вѣру) вотъ же бѣгутъ они . . . вотъ же бѣгутъ по водѣ! . . . Назадъ! . . .

— Постой, куда же они бѣгутъ? . . .

— Навстрѣчу другъ другу. У нихъ два катера и есть . . . Сторожевые катера! . . .

— А почему же, если они бѣгутъ навстрѣчу, между ними разстояніе не уменьшается? . . . Огни, это — костры на берегу . . . Какого черта катера съ огнями будутъ ходить?!

— А это что?!!

Рыбакъ Тодька обладаетъ какимъ то удивительнымъ голосомъ. Онъ сидитъ на кормѣ у руля и иногда разговариваетъ по человѣчески. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ рявкаетъ со всѣми скрежетаніями, какія можно только выдумать въ человѣческой глоткѣ.

— А это что?!!.

Это?... Это, дѣйствительно, было нѣчто... Тамъ, за кормой, на востокѣ, небо чуть какъ будто подалось...

— Неужели заря?

— А что же такое?!!

Всѣ звуки ада были въ его голосѣ. Да, это была заря. И тутъ уже нечего было разговаривать. Катера — не катера, конечно, а костры, но заря... Заря это заря. На эту ночь предпріятіе можно было считать неудавшимся. До берега грести еще Богъ знаетъ сколько, — нѣсколько часовъ, а это значитъ высаживаться при полномъ свѣтѣ, т. е. прямо въ объятія сторожевой охраны большевиковъ.

* * *

Что дѣлать?

Погода былъ приличная, а потому представлялся слѣдующій выходъ. Вновь ставить парусъ, отойти дальше въ море и тамъ перестоять на якорѣ весь день вплоть до слѣдующей ночи. Такъ и сдѣлали.

* * *

Двѣ шаланды стояли рядомъ. Море болтало безъ вѣтра. Было нестерпимо жарко. Время тянулось томительно, прерываясь короткими минутами сна.

Иногда ѣли консервы. Пробивъ противныя дырки въ жестянкахъ, выцарапывали оттуда содержимое и ѣли съ хлѣбомъ, который уже сталъ подмакивать. Поѣвъ консервовъ, зарывались всѣми челюстями въ корки арбузовъ. Конечно, ругались. Но лѣниво, только потому, что нельзя же безъ этого

Всѣ они были между собой на „ты“, звали другъ друга. Ванька, Колька, Сашка, Павка, Тодька... Тутъ были рыбаки и офицеры, но разобрать ихъ было трудно. Къ тому же нѣкоторые изъ нихъ были родственники другъ съ другомъ.

Большой, который не хотѣлъ грести, очень ожилъ, и много ѣлъ. Колька непрерывно пѣлъ какія то шансонетки, но иногда заводился на Вертинскаго.

„Гдѣ вы теперь . . .
Кто вамъ цѣлуетъ пальцы . . . .
Куда ушелъ вашъ китайченокъ Ли“ . . .

Тодька съ кормы подхватывалъ:

— Вы можетъ быть любили португальца . . .

А затѣмъ прерывалъ себя „скрежетомъ“ собственнаго изобрѣтенія . . .

— Колька . . . Колька . . . “Журавля“ . . .

И „надъ лѣнивыми волнами“ несся волосы дыбомъ подымающій „Журавель“.

На меня это производило такое впечатлѣніе, какъ будто-бы грязной блевотиной рвали въ чистое море. Желто-коричневая мерзость струйкой опускалась въ „хрустальный чертогъ“. Впрочемъ, кой-кого тошнило на самомъ дѣлѣ.

* * *

Мы съ Вовкой чувствовали себя немножко чужими въ этой средѣ. Но къ этому можно было бы привыкнуть. Неистовый Тодька, одноглазый, помѣсь рыбака и апаша, положительно проявлялъ сквозь сѣтку грубости какую то симпатичную даровитость. И кромѣ того къ нему образовывалось какое то довѣріе, — не выдастъ человѣкъ.

А въ общемъ мы довольно печально смотрѣли на дѣло. Судьба Эфема не могла не быть у насъ передъ глазами. Точно такъ, очевидно, отваливъ отъ Тендры въ такой же компаніи, замѣшавшись въ ихъ среду, высадился и „Котикъ“, погубившій Эфема. Кто знаетъ, изъ этихъ десяти человѣкъ, кто жертва и кто провокаторъ.

Поэтому я посовѣтовалъ Вовкѣ при первой возможности перейти опять къ „индивидуальной дѣятельности“.

Въ три часа дня было неожиданное развлеченіе.

Надо сказать, что мы стояли въ виду Одессы. Правда, очень далеко, такъ, чтобы и въ бинокль насъ нельзя было разсмотрѣть, но намъ то очертанія города были видны. И

вдругъ надъ этой полоской земли взвился огромный клубъ чернаго дыма. Взвился сразу, какъ взрывъ гейзера.

Это, конечно, былъ взрывъ и взрывъ сильный, судя по тому, что дымный фонтанъ поднялся на очень большую высоту. Черезъ много времени глухимъ ударомъ донесся и звукъ.

Это было 18-го сентября по старому стилю. Историки при желаніи докопаются, что это такое было. Но мнѣ оно осталось неизвѣстнымъ . . .

* * *

Между сномъ, убаюкиваемымъ моремъ, и бодрствованіемъ, просоленнымъ ругательствами, какъ то почти незамѣтно подошелъ вечеръ.

Опять ночь, опять звѣзды. Въ десять часовъ вечера поставили парусъ и пошли.

Пошли по примѣтамъ, извѣстнымъ одному Тодькѣ, которому было указано общее направленіе. Впрочемъ, у меня былъ въ рукѣ компасъ, которымъ я свѣрялъ ходъ.

Время отъ времени Тодька скрежеталъ за моей спиной

— Господинъ поручикъ . . . Посмотрите тамъ на компасъ . . .

Я смотрѣлъ, но это было безполезно, потому что онъ безошибочно держалъ направленіе, руководствуясь зыбью и вѣтромъ. Зыбь подкатывалась съ лѣваго борта, у котораго я лежалъ уютно-прикурнувшись. Непріятно было то, что ноги были систематически въ водѣ. Но къ этому всѣ привыкли. И еще съ пулеметомъ были у меня недоразумѣнія; при большомъ кренѣ онъ стремился переломать мнѣ ноги . . .

Почему то не ругались. Было темно, луна еще не взошла. Загорѣлся прожекторъ. Теперь не надо было компаса. По прожекторамъ это легко. По этой азбукѣ легко читается весь горизонтъ: Большефонтанскій, Воронцовскій, Дофиновскій . . . Все ясно . . .

* * *

Шли долго. Давно взошла луна, давно потухли прожекторы. Мы стали подходить: берегъ въ томъ, что принято называть „серебристой дымкой“, явственно угадывался. Но въ силу того, что намъ пришлось сдѣлать нѣсколько галсовъ вправо и влѣво, мы потеряли оріентировку. Самъ Тодька

не могъ разобрать въ этой все нивеллирующей мглистой серебряности, гдѣ мы, т. е. противъ какого мѣста большевистскаго берега...

Мы все еще шли подъ парусомъ, стараясь продвинуться какъ можно ближе... Если слишкомъ рано перейти на весла, то опять заря застукаетъ.

Наконецъ „сбили" парусъ. Впереди былъ берегъ; повидимому, обрывистый. Но какой берегъ, — никто не могъ опредѣлить.

Трудная штука — высадиться. Прежде всего морская опасность. Штормъ, прибой, которые могутъ не дать высадиться. Затѣмъ береговая большевистская охрана, — могутъ тутъ же поймать на берегу. Затѣмъ, когда преодолѣешь двѣ эти опасности, еще остается третья: внутренній врагъ. Кто-жъ ихъ знаетъ, — не таится ли предатель вонъ въ той другой шаландѣ, что идетъ впереди, или, быть можетъ, вонъ онъ лежитъ рядомъ, плечомъ къ плечу, и разсуждаетъ о томъ, „сбить" ли парусъ или нѣтъ...

* * *

Тѣмъ не менѣе мы гребли и подвигались, хотя медленно, но подвигались. Когда я садился на весла, я видѣлъ, что луна свѣтила мнѣ прямо въ лицо, свѣтила весьма энергично, и я понялъ, что мы находимся прямо въ лунномъ столбѣ относительно берега. Мы еще далеко сейчасъ, но когда будемъ приближаться, насъ легко будетъ видно...

* * *

Близко... Берегъ тянется ровными голубовато-сѣрыми обрывами, — вправо и влѣво. Почти прямо противъ, по носу какіе то домики. Что это такое, Господь его вѣдаетъ...

Другая шаланда, ежась, подошла ближе къ намъ. Поручикъ, который, soi disant, командовалъ всей экспедиціей, былъ на нашей шаландѣ. Онъ сказалъ той другой подойти къ берегу и „попробовать"...

Шаланда пошла, но, покрутившись нѣкоторое время противъ домиковъ, отошла обратно въ море.

— Боятся, сволочи!.. Не пойдутъ... Я ихъ знаю!...

Шаланда держалась на дипломатическомъ разстояніи и отъ берега, и отъ насъ. Приказать ей ничего нельзя было, потому что нельзя же вопить въ такомъ положеніи, а знаковъ не видно... Намѣренія ея, впрочемъ, были ясны: она предоставляла намъ „честь первенства."

— Ну и чертъ съ ними... трамъ тарарамъ!.. Пойдемъ мы... пойдемъ Тодька?!..

— А они что жъ... трамъ тарарамъ!... Ну идемъ...

На корму втащили пулеметъ. Онъ притаился тамъ злой ящерицей. На весла сѣли мы съ Вовкой. Когда сидишь на веслахъ, то есть спиной къ берегу, на которомъ можно ожидать нѣкоторыхъ непріятностей, то такъ поневолѣ и тянетъ голову обернуться. А потому гребутъ плохо.

Я шепнулъ на ухо Вовкѣ:

— Давай не оборачиваться...

Мы налегли на весла, сколько могли, и обернулись только тогда, когда Тодька сказалъ:

— Кормой подходить надо...

Берегъ выросъ надъ нами неожиданно-большой, высокій, обрывистый. Домики куда то исчезли, вмѣсто нихъ какіе то камни, скалы.

Мы притаились на нѣсколько мгновеній, пытаясь разглядѣть, что нибудь и разслушать. Но было удивительно тихо.

„Сіяла ночь... Луной былъ полонъ"...

Все было полно луной... И море, и весь этотъ берегъ, на которомъ впадины и расщелины ложились черными морщинами. Маленькій удобный кусочекъ бѣлѣлъ впереди насъ пескомъ, а вокругъ него — нависшіе обрывы...

— Тамъ можно выйти?..

— Можно... Отъ тамъ какъ будто бы тропинка по обрыву...

* * *

Шаланда стала поворачиваться кормой къ берегу. Пулеметъ раскорячившейся каракатицей установился на обрывы. Около него помѣстился Р. Я положилъ винтовку рядомъ съ собой. Шаланда тихонько подвигалась кормой впередъ къ бѣлѣющему мѣстечку...

* * *

Дальше нельзя . . . Шаланда уперлась не то въ дно, не то въ камень. Не подойдетъ.

— Что жъ, надо въ воду . . .

Еще разъ внимательный взглядъ кругомъ, прислушиваніе, приглядываніе. Кажется, тамъ кто то стоитъ. Нѣтъ, — это тѣнь. Все тихо . . . удивительно тихо. Даже прибоя никакого.

— Ну, Вовка . . . съ Богомъ . . .

Онъ простился со мной, взялъ свою тяжелую корзину, которая ему была необходима, и пустился за бортъ въ воду.

И когда онъ побрелъ въ водѣ почти по поясъ отъ камня къ камню, должно было бы быть очень страшно. Но въ этихъ случаяхъ спасаетъ то, что всѣ силы организма сосредоточиваются во вниманіи. Я держалъ винтовку въ рукахъ и у меня осталась только способность смотрѣть и слушать. Все остальное временно анестезировалось.

Дошелъ . . . на бѣломъ кусочкѣ появился его черный силуэтъ. Сталъ двигаться куда то вправо и потомъ подыматься . . . Значитъ, тамъ дѣйствительно оказалась тропинка. Черная еле замѣтная тѣнь, которая была то, что осталось отъ Вовки, поднялась почти до самаго верха. Потомъ вдругъ поспѣшно спустилась обратно. Стало понятно, что онъ сбѣжалъ внизъ, очевидно, что то замѣтилъ . . .

Нѣсколько мгновеній очень напряженныхъ . . . Р. у пулемета.

Нѣтъ . . . ничего. Все тихо. Очевидно, онъ, поднявшись и осмотрѣвшись, просто сошелъ внизъ, поджидать остальныхъ.

Остальные двое, которые должны были высаживаться съ нашей шаланды, лежатъ однако на днѣ ея, не выказывая никакихъ признаковъ того, что они собираются выйти.

— Ну, что же вы?!

Не отвѣчаютъ.

Р. начинаетъ сердиться . . .

— Ну что же вы . . . долго будете валяться . . . Вонъ поручикъ вышелъ.

Молчаніе. И потомъ отвѣтъ:

— Не пойду въ воду . . . у меня ноги болятъ . . .

Происходитъ сильная сцена. Ругаются. Постепенно Р. свирѣпѣетъ. Тѣ неподвижны, — отругиваются лежа. Наконецъ, Р. хватаетъ винтовку и перебѣгаетъ по банкамъ шаланды къ нимъ.

— Стрѣлять буду, трамъ тарарамъ!... Идите, говорю.. стрѣлять буду!...

Я перебѣгаю вслѣдъ за нимъ, хватаю его за винтовку:

— Мы ихъ въ морѣ пристрѣлимъ... Оставьте... Вѣдь поручикъ на берегу...

Въ это время, какъ бы на выручку, подходитъ та другая шаланда, которую мы на время забыли. Увидѣвши, что мы благополучно пристали, они приближаются. Подходятъ, становятся рядомъ, и люди оттуда одинъ за другимъ спускаются въ воду и бредутъ къ берегу. Тамъ высаживается вся шаланда, — четверо...

Когда они прошли, очевидно, совѣсть взяла и нашихъ лежаковъ.

Не говоря ни слова они поднялись, влѣзли въ воду и побрели.

Теперь всѣ... Р. говоритъ:

— Выйду посмотрѣть, какъ они тамъ.

Съ винтовкой въ рукахъ бредетъ и онъ. Мы остаемся вдвоемъ съ Тодькой на двухъ шаландахъ. Мнѣ видно, какъ Р. доходитъ до бѣлаго мѣста, потомъ подымается по тропиночкѣ и исчезаетъ гдѣ то вверху. Все тихо... Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается.

— Залегли тамъ. До разсвѣта... Вашъ поручикъ тамъ въ сторонѣ. Холодно. Ну, ничего какъ нибудь... никого нѣтъ... спятъ большевики...

— Гдѣ мы?

Онъ говоритъ... Оказывается, мы совсѣмъ не тамъ, гдѣ ожидали, но очень хорошо.

* * *

Ну, надо уходить. Мы отгребаемся немножко въ море.

Попрежнему все тихо, но луна свѣтитъ со всѣмъ усердіемъ. Отойдя на веслахъ отъ берега, мнѣ вдругъ стано-

вится яснымъ, почему такъ было тихо у берега, почему нѣтъ прибоя.

— Горышнякъ — говоритъ Тодька. Попутнякъ . . .

За это время вѣтеръ перемѣнился, сталъ съ берега, то есть вестовый, — западный . . . Мы пойдемъ великолѣпно.

Обнаглѣвъ, ставимъ парусъ въ четверть мили отъ берега и съ постепенно все свѣжѣющимъ „горышнякомъ“ идемъ обратно, взявъ вторую шаланду на буксиръ. Берегъ быстро отходитъ отъ насъ . . .

* * *

Гдѣ то около разсвѣта я крѣпко заснулъ подъ разговоръ Р. и Тодьки.

Они иногда обмѣнивались соображеніями, нужно ли брать „пажей“ или „горстей“, то есть вправо или влѣво, причемъ Тодька утверждалъ, что онъ идетъ вѣрно.

— Отъ увидите . . . По самой прорвѣ будетъ маякъ . . . Господинъ поручикъ, — посмотрите тамъ на компасъ . . .

Я просыпаюсь, смотрю на компасъ и вижу, что онъ держитъ что то около оста, что и требуется. — Я еще крѣпче заснулъ, когда взошло солнце, хотя вѣтеръ все свѣжѣлъ и зыбь становилась ощутительнѣй.

Меня разбудилъ Тодька.

— Господинъ поручикъ . . .

Онъ рукой указывалъ мнѣ впередъ. Послѣ продолжительнаго приглядыванія я дѣйствительно увидѣлъ, по самой „прорвѣ“, чуть виднѣющуюся вертикальную черточку.

— Тендровскій . . . А туда посмотрите . . .

Въ совершенно противоположномъ направленіи такимъ же едва угадываемымъ столбикомъ я увидѣлъ другой маякъ . . .

— Большефонтанскій . . .

* * *

Черезъ нѣсколько часовъ съ нѣкоторыми скандалами, ибо зыбь разбушевалась, насъ выбросило къ подножію двухкольцоваго маяка, который сейчасъ же засемофорилъ на „Корниловъ“, что шаланды вернулись . . . Я пересѣкъ пѣшкомъ косу, которая мѣстами превратилась въ коверъ какихъ то краснотурецкихъ молочаевъ и красивыхъ лиловыхъ цвѣтовъ между

шершаво-шелковистой осокой. Затѣмъ ботъ перетащилъ меня на „Корниловъ", гдѣ меня ожидала дружеская встрѣча.

И горячая ванна. Нѣжась въ теплой водѣ, я думалъ о томъ, удалось ли Вовкѣ избѣжать „врага внутренняго", и вообще дошелъ ли онъ благополучно . . .

III

Я долженъ былъ прійти за нимъ черезъ установленное число дней. Для того, чтобы не пропустить какъ нибудь и все наладить, я переселился съ гостепріемнаго „Корнилова" на маякъ, то есть въ одинъ изъ домиковъ, притаившихся у его подножія.

Ахъ, эти дни . . . Задулъ очень свѣжій нордъ-остъ, переходящій въ штормъ. Съ возрастающей тревогой я слѣдилъ за этимъ все усиливающимся воздушнымъ токомъ, холоднымъ и упрямымъ. Разговоры съ рыбаками становились все непріятнѣе.

Наконецъ, роковой день наступилъ, но ихъ нельзя было уговорить.

Этотъ самый Тодька проявлялъ и изворотливость, и упорство. Но и вообще всюду была глухая стѣна. Куда ни ткнешься, — тамъ было много шаландъ, — вездѣ сопротивленіе. Для виду соглашаются, а на самомъ дѣлѣ увиливаютъ.

Они чувствовали погоду. Къ тому же у меня было очень мало денегъ, чтобы подѣйствовать съ этой стороны. Да и что такое деньги? Вотъ если бы я имъ подарилъ какую нибудь шинель, или теплую рубашку, или обувь, — это они бы цѣнили . . .

Вѣдь всѣ эти рыбаки жили на Тендрѣ въ собачьихъ условіяхъ. Нѣкоторые имѣли палатки, а другіе и этого не имѣли. Ютились при жестокомъ нордъ-остѣ гдѣ попало, а по ночамъ температура была уже очень низкая. Ничего у нихъ не было, бѣжали они отъ большевиковъ, въ чемъ были, и жили буквально волчьей жизнью.

Въ этотъ рѣшающіи день мнѣ не удалось ихъ уговорить. А въ ночь, которая послѣдовала, мнѣ было совсѣмъ плохо: я зналъ, что тамъ, на томъ берегу, кучка людей ждетъ меня до разсвѣта, вѣря моему обѣщанію.

И все же я ничего не могъ сдѣлать. Нордъ-остъ свирѣпѣлъ съ каждой минутой и тамъ, у того берега, накатъ долженъ былъ быть неистовый.

* * *

Что же было дѣлать теперь? Теперь оставалось одно: такъ какъ условленный день или вѣрнѣе ночь была пропущена, то нужно было высадить кого нибудь новаго для того, чтобы возстановить связь. Партія, которой надо было высадиться, собиралась. Но не было среди нихъ ни одного человѣка достаточно мнѣ знакомаго, чтобы я могъ ему довѣрить серьезныя вещи. Поэтому выходило такъ, что высаживаться надо мнѣ.

* * *

Нордъ-остъ продолжалъ свирѣпствовать. Было очень холодно, хотя солнце было очень яркое.

Такъ прошло нѣсколько дней вѣчныхъ разговоровъ: „идемъ“ — „не идемъ“. Совсѣмъ уже рѣшили итти, но нордъ-остъ опять навалился, доходя „до ракушекъ“.

Бываетъ нордъ-остъ „съ пескомъ“ и „до ракушекъ“. Если онъ подымаетъ только песокъ, то это еще ничего. Но если летятъ уже мелкія ракушки, то хуже.

Развлеченіе въ эти дни состояло въ томъ, чтобы подыматься на маякъ и слѣдить оттуда за „военно-морскими ужасами“. Къ тому же подъ стекломъ такъ тепло . . .

Дѣло въ томъ, что „Натриот“ предпринялъ операцію. „Корниловъ“ выходилъ какъ то вечеромъ въ море и долго систематически кого то долбилъ: разрушали батарею. Съ нимъ выходила вся эскадра, и все это было очень интересно. Старались тральщики, старалась „Альма“, и всѣ вообще, и въ лиловомъ морѣ загорались эффектныя вспышки . . .

* * *

Наконецъ, 29 го сентября по старому стилю (я запомнилъ этотъ день) собрались. Двѣ шаланды снарядились, какъ полагается, съ пулеметами на кормахъ, и все честь честью. Нордъ-остъ продолжалъ дуть, но надоѣло всѣмъ, — рѣшили плыть.

Во время нордъ-остовъ на берегу косы, обращенномъ къ морю, совершенно тихо, — нѣтъ зыби. Поэтому усаживались

очень долго и съ удобствами. Всѣ остающіеся высыпали провожать. Напутствовали всякими благопожеланіями, даже нѣкоторыми благополезными вещами: мнѣ, напримѣръ, дали теплую рубашку и барашковую шапку такого вида, который сильно гарантировалъ насчетъ большевистскихъ подозрѣній.

Въ два часа дня мы отошли . . . имѣлъ неосторожность пересчитать, сколько человѣкъ было въ шаландахъ, — оказалось тринадцать. Къ тому же кто то засвистѣлъ на нашей шаландѣ.

Правда, Тодька заскрежеталъ на него самымъ невозможнымъ образомъ, но, тѣмъ менѣе, дѣло было сдѣлано: нельзя свистѣть въ шаландѣ, — не будетъ удачи . . . Къ тому же изъ тринадцати была одна женщина, — это уже совсѣмъ плохо.

Я пересчиталъ также и тѣхъ, что оставались. Ихъ было двѣнадцать. Они стояли всѣ рядышкомъ, въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, ровненькимъ смѣшнымъ строемъ на удаляющейся косѣ.

Нѣтъ, ихъ тоже было тринадцать. За спинами людей, неподвижный, но выразительный, стоялъ двукольчатый маякъ...

Онъ стоялъ дольше всѣхъ. Тѣ двѣнадцать давно ушли домой, ушла и низкая коса подъ воду, а онъ все стоялъ и стоялъ, какъ будто не желая уйти, стоялъ до заката солнца, хотя шаланды, гонимыя нордъ-остомъ, уходили съ большой быстротой.

Но наконецъ и онъ пропалъ.

— Прости, двукольчатый . . .

* * *

Кромѣ Тодьки въ моей шаландѣ были все новые. Второй рыбакъ — Федюша, затѣмъ — Жоржъ, Яша, Коля и еще одинъ, который тогда засвистѣлъ . . .

Одинъ изъ нихъ неподвижно лежалъ на днѣ шаланды, сильно страдая морской болѣзнью. Впослѣдствіи этотъ комокъ въ сѣрой шинели оказался Яшей. Меня пока не укачивало, хотя нордъ-остъ свирѣпѣлъ, и зыбь становилась все сильнѣй.

Иногда двѣ шаланды подходили ближе другъ къ другу и обмѣнивались невозможными замѣчаніями. Впрочемъ, въ

той шаландѣ уже лежало нѣсколько труповъ — жертвъ морской болѣзни, въ томъ числѣ и женщина, къ счастью для нея, потому что рѣдкія гадости говорили.

Безъ особыхъ приключеній докачало до вечера. Но вѣтеръ все усиливался. Мы шли съ большой быстротой. Когда стемнѣло, зажглись прожекторы, и мы поняли, какъ мы уже близко. На этотъ разъ, подгоняемые свирѣпымъ нордъ остомъ, мы сдѣлали переходъ въ нѣсколько часовъ.

Лучъ прожектора бродилъ по непріятному морю. Когда онъ набѣгалъ на ту, другую шаланду, видны были огромные черные валы, съ закипающей на нихъ пѣной, и мертвенно бѣлый парусъ, жутко чертящійся на этомъ фонѣ . . .

Мы приближались, но было какъ то плохо. Молчали . . . Даже тотъ, что свистѣлъ, угомонился. Шаланда тяжело хлюпалась о валы, и все чаще насъ окатывало гребешкомъ, хватившимъ черезъ край. Другой рыбакъ, Федюща, все время откачивалъ воду, мы ему помагали, — тѣ, кого не укачало. Впрочемъ, надо сказать, что откачиваніе воды самое укачивающее занятіе. Стоитъ наклониться съ этимъ черпакомъ, сейчасъ же начинаетъ мутить. Было очень холодно.

Наконецъ мрачное молчаніе нарушилъ скрежещущій голосъ Тодьки.

— Какъ же будемъ высадку дѣлать?! Тамъ же такой накатъ теперь, что шаланду къ трамъ тарарамъ побьетъ . . .

Сѣрый комокъ, который впослѣдствіи оказался Яшей, проявилъ признаки жизни.

— Пусть ее бьетъ, трамъ тарарамъ, только бъ качать перестало . . .

Тодька захохоталъ.

— Что тебѣ, Яша, хорошо? . . . Качай воду! . . .

Комокъ возмутился.

— Иди ты къ трамъ тарарамъ . . . у меня порокъ сердца . . .

Это вызвало бурную веселость Тодьки.

— Кушать хочешь? . . . Консервовъ, Яша, хочешь? . . .

Несчастный комокъ подымается и благфемируя на всѣ лады перегибается черезъ бортъ. Слышны страданія, потомъ разсвирѣпѣвшая волна вымываетъ ему все лицо и окатываетъ всѣхъ насъ.

— Сдѣлаете тутъ высадку! — скрежещетъ Тодька. А если и высажу, — а назадъ какъ, трамъ тарарамъ тамъ.. Какъ я отойду?! Говорилъ, нельзя... Какъ же итти, когда штормъ... Что это лѣто, — это же осень, — вода тяжелая...

Жоржъ пробуетъ его успокоить.

— Чего ты разоряешься?..

Но Тодьку не такъ то легко успокоить.

— Чего, чего!.. а вотъ къ самому маяку подошли. Куда еще?! парусъ сбивать надо!..

Въ это время подходитъ другая шаланда.

Сквозь свистъ вѣтра и шелестъ валовъ, послѣ заряда отборной брани, доносится:

— Какъ тутъ высадку дѣлать?! Къ черту шаланды побьетъ!... Накатъ!...

Шаланды подходятъ ближе и черезъ валы и всю злобу нордъ-оста продолжается отчаянная ругань, изъ которой мнѣ ясны двѣ вещи: 1) что высадка дѣйствительно повидимому невозможна, 2) что во всякомъ случаѣ, эти люди ее дѣлать не будутъ. По прошлой высадкѣ я знаю, что Тодька смѣлый и ловкій, — должно быть дѣйствительно плохо.

Ругнувшись въ послѣдній разъ, другая шаланда куда то исчезаетъ.

— Куда они пошли? — спрашиваетъ Жоржъ.

— Куда! отлавировываться будетъ!

— Куда отлавировываться?

— Куда!... Противъ вѣтра... А куда, чертъ одинъ знаетъ, — куда...

Остается и намъ дѣлать то же. Штормъ свирѣпѣетъ. И теперь, когда мы идемъ въ лавировку, то есть не съ вѣтромъ, а подъ угломъ къ волнѣ, это становится особенно замѣтнымъ Бьетъ отчаянно и заливаетъ поминутно.

Я тоже начинаю слабѣть и чувствую, что близокъ мой часъ послѣдовать за Яшей. Тѣмъ не менѣе я размышляю, что же будетъ.

Будетъ очевидно возвращеніе на Тенду. Но когда мы туда попадемъ? При такомъ курсѣ ходу почти нѣтъ, потому что вся сила парусовъ уходитъ на преодолѣніе зыби. Къ тому же мы идемъ „пузыремъ", это значитъ, что выброшено де-

рево, придерживающее парусъ. Это пришлось сдѣлать для безопасности, но это очень уменьшаетъ ходъ. Удастся ли отлавироваться? . . .

Послѣ первыхъ приступовъ морской болѣзни, я засыпаю на нѣкоторое время. Просыпаюсь оттого, что что то большое и тяжелое прыгнуло мнѣ на грудь. Это „что то" оказывается волною. Теперь мы мокрые съ головы до ногъ. Откачиваемся безконечно. „Кинбурнъ" свирѣпѣетъ . . . Яша умираетъ отъ порока сердца, Жоржъ меланхоличенъ, „свистунъ" угомонился, а Колька, какъ улегся съ самаго начала на носу, такъ до сихъ поръ не подалъ ни малѣйшаго признака жизни. Потомъ я узналъ причину: онъ невозмутимѣйшій хохолъ, котораго когда нибудь видѣлъ свѣтъ. Товарищи его называли „Петлюрой".

— Эй ты, Петлюра . . .

Никакого отвѣта.

— Колька . . .

Ноль вниманія.

Возмущенный Жоржъ колотитъ его прикладомъ.

Наконецъ онъ подаетъ голосъ.

— Ну что? . .

— Да ты умеръ, что ли!!

Молчаніе . . . Онъ опять заснулъ.

Свирѣпый „Кинбурнъ" и вообще вся эта исторія совершенно его не тревожатъ. Онъ спитъ . . . Ахъ, если бы можно было бы и мнѣ такъ заснуть, чтобы не чувствовать этихъ мукъ. Мнѣ кажется, что я скоро подарю морю свои внутренности.

Вода въ шаландѣ прибываетъ, несмотря на откачиваніе. Толька ругается и скрежещетъ хуже нордъ-оста — „Кинбурна", какъ онъ его называетъ.

* * *

Утро застало насъ все въ томъ же положеніи. Оказалось, что мы за ночь „отлавированія" почти не подвинулись впередъ. Мы предполагали, что выйдемъ хотя бы на высоту Дофиновки. Но въ разсвѣтѣ начали вырисовываться Большефонтанскіе берега.

Взошло солнце и ярко освѣтило жуткую картину разсвирѣпѣвшаго моря. Та шаланда исчезла. Куда она пошла, Богъ ее знаетъ.

Наше положеніе скверное. Укачались всѣ, кромѣ Тодьки. Даже и второй рыбакъ, Федюша, лежитъ блѣдный и не въ силахъ больше откачивать воды. Одинъ Тодька сидитъ у руля какъ будто ничего. На него это не дѣйствуетъ. Онъ съ тѣмъ большимъ презрѣніемъ обрушивается на Федюшу.

— Рыбалка называется! ... трамъ тарарамъ твоюперетарарамъ ... Отливай воду! ...

Федюша, блѣдный какъ смерть, сползаетъ съ банки и начинаетъ черпать. Я вижу, что ему плохо, у меня какъ будто бы легкій перерывъ „занятій; я пытаюсь тоже отливать.

— Лежите, господинъ поручикъ, лежите ...

Эта неожиданная заботливость со стороны Тодьки меня трогаетъ. Онъ снова обращается ко мнѣ.

— Что будемъ дѣлать? ...

Я соображаю. Потомъ говорю:

— Если не отлавируемся, — выбросимся въ Румынію.

— А не разстрѣляютъ, господинъ поручикъ, румыны? ...

Комокъ Яша дѣлаетъ движеніе.

— Пусть разстрѣляютъ ... только бы не качало ...

Тодька хохочетъ ...

— Какъ у тебя порокъ сердца, такъ тебѣ все равно. Все равно умрешь ...

Я говорю:

— Нѣтъ, разстрѣлять не разстрѣляютъ ... За что другое не ручаюсь ... Ограбятъ, и все такое, арестуютъ, задержатъ, но разстрѣла не будетъ.

Жоржъ у мачты проявляется.

— Держи „горстей“, Тодька ...

— Чего „горстей“? ... куда „горстей“? ...

— Держи „горстей“, отлавируешься ...

Тодька разражается.

Онъ и такъ держитъ „горстей“ сколько можетъ. По настоящему „пажей“ надо держать.

— За недѣлю такъ не отлавируемся! ... Куды жъ, шаланда полна воды, на волну не лѣзетъ ...

Они нѣкоторое время спорятъ другъ съ другомъ, сыпятъ названіями вѣтровъ. „Кинбурнъ“, „Горышнякъ“, „Молдаванка“, „Низовка“, „Остовая Низовка“ перемѣшиваются у нихъ съ какими то „пажей“, „горстей“ и „прорвой“ . . . Я наконецъ понимаю, что „прорва“ это носъ.

— Что у меня по прорвѣ?! — кричитъ Тодька. Дофиновка? трамъ рарамъ перетрамъ тарарамъ! . . . Опять на Большой Фонталъ выходимъ!

Затѣмъ „разговоръ упадаетъ, блѣднѣя“ . . . Еще часъ мы пробуемъ отлавироваться. Однако ясно, что, если вѣтеръ не перемѣнится, — ничего не будетъ. Главное, что въ шаландѣ слишкомъ много воды, и просто нельзя ее отлить. Что отольемъ большими усиліями, — какая нибудь сумасшедшая дрянь — волна, побольше другихъ, небрежнымъ движеніемъ наплеснетъ во мгновеніе ока. И отяжелѣвшая шаланда, плохо подымаясь на волнахъ, больше даетъ „дрейфу“, чѣмъ „ходу“.

Солнце встаетъ все выше, и еще не покидаетъ насъ надежда, авось вѣтеръ начнетъ стихать къ полудню.

* * *

Полдень . . . Нордъ-остъ все тотъ же. Безъ мѣры упрямый и холодный. Опять вспыхиваетъ разговоръ о Румыніи.

— Господинъ поручикъ . . А какъ же съ ними говорить? . . .

— По французски . . . Они всѣ знаютъ . . .

— А вы можете? . .

Въ это время „свистунъ“ вновь появляется на сценѣ. Неожидано оказывается, что онъ прекрасно говоритъ по румынски.

Но Жоржъ, который чувствуетъ себя начальникомъ экспедиціи:

— А съ пулеметомъ какъ будетъ? Съ винтовками? . . А какъ они насъ за большевиковъ примутъ! . . А и не примутъ, что же имъ подарить пулеметъ? Держи горстей, Тодька! . . .

* * *

И еще . . . и еще . . .

Солнце пошло уже немножко внизъ, а нордъ-остъ еще усилился. Дѣло плохо. Мы не выиграли ничего у вѣтра, но

воды все прибавляется. Тодька сидитъ уже сутки безсмѣнно у руля.

Что же дѣлать?..

Рѣшаемъ держаться до вечера, и, если буря не угомонится къ заходу солнца, выброситься въ Румынію.

* * *

Румынскій берегъ виденъ. Вотъ маякъ, который долженъ быть въ устьи Днѣстра. Солнце низко. Нордъ-остъ свирѣпъ. Ничего не подѣлаешь, — надо выбрасываться.

— А какъ пройдемъ? — говоритъ Федюша. Накатъ большой...

Дѣйствительно, тамъ подъ берегомъ творится что то бѣшеное. Тамъ море совсѣмъ желтое; это оно бѣснуется на мелкомъ, замутивъ дно, Эта желтизна кончается мощной бѣлой каймой, отъ которой нельзя ждать ничего хорошаго, — это пѣна свирѣпаго прибоя.

— Какъ пройдемъ? — говоритъ Федюша, показывая на это желто-бѣлое.

Но Тодька скрежещетъ на него съ бѣшенствомъ;

— Рыбалка называется!. А проходъ зачѣмъ?!. А баканъ зачѣмъ стоитъ?!. Отъ найду баканъ, и чтобъ былъ онъ у меня справа, трамъ тарамтатамъ! Тоже рыбалка!..

Онъ ругается съ такой особенной яростью потому, что шаланда уже чувствуетъ приближеніе этого весьма подозрительнаго мѣста. Вода уже мутная. А валы не такіе, какъ въ морѣ, а съ яростными гребешками и вообще совсѣмъ какой то другой породы. И какъ найти этотъ баканъ?!..

Эта желто-бѣлая завируха надвинулась съ ужасающей быстротой. Было одно мгновеніе, когда казалось, что эти огромныя чудовища будутъ всѣ у насъ на головѣ. Тутъ творилось что то несуразное и какимъ образомъ Тодька отыскалъ баканъ — трудно понять.

— А это что?! Рыбалка называется! Говорилъ тебѣ, есть баканъ!...

Проскочили баканъ. Справа и слѣва отъ насъ воротило такія горы изъ желтой мути съ бѣлыми сторочками, что просто было страшно... И мы прошли... И черезъ нѣсколько

минутъ очутились въ совсѣмъ спокойной водѣ, — даже до непонятности.

* * *

Низкій берегъ, остатки какого то моста черезъ не то проливъ, не то устье рѣки, и маякъ.

Сбили парусъ и тихонько на веслахъ безъ всякихъ приключеній мирнымъ образомъ уткнулись въ песокъ.

Это была Румынія . . .

Константинополь.

(Изъ дневника. 18/31 Декабря).

. . . Если стоять вечеромъ на мосту черезъ Золотой Рогъ, на знаменитомъ мосту между Галатой и Стамбуломъ, то вдругъ припоминается что то живо-знакомое.

Что? . . .

Вотъ что . . . такъ стоится на Троицкомъ или вѣрнѣе на Николаевскомъ мосту въ Петроградѣ. Золотой Рогъ — будто Нева. По одно сторону — какъ будто бы Петроградская сторона, тамъ — Набережныя. Не очень похоже, но есть что то общее.

Красиво . . . Очень красива эта симфонія огней . . .

Толпа непрерывно струится черезъ мостъ.

Тепло . . .

Какъ въ теплый вечеръ въ началѣ октября въ Петроградѣ

Боже, гдѣ все это . . .

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда . . .“

* * *

Увидѣвъ впервые въ жизни этотъ неистовый, но такой красивый безпорядокъ, эту галиматью съ минаретами, именуемую Константинополемъ, я сказалъ своему спутнику по вагону:

— Боже мой! . . . Теперь я только понялъ, что я давнымъ давно страстный, убѣжденный . . . туркофилъ.

Я думаю, что это нѣсколько утрированное утвержденіе въ значительной мѣрѣ примѣнимо ко всѣмъ русскимъ, волей судьбы здѣсь очутившимся.

Въ лѣтописяхъ 1920 годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ мирнаго завоеванія Константинополя русскими.

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда . . .“

Щитъ этотъ во образѣ безчисленныхъ русскихъ вывѣсокъ, плакатовъ, афишъ, объявленій . . . Эти щиты — эмблема мирнаго завоеванія, проникли во всѣ переулки этого чудовищнаго хаоса, именуемаго столицей Турціи, и удивительно къ нему подошли.

Не даромъ:

„Земля наша велика и обильна . . .“

Тутъ тоже никакого порядку. Наоборотъ, этотъ городъ производитъ впечатлѣніе узаконеннаго, хроническаго, вѣкового безпорядка. Поэтому, вѣроятно, когда русскіе, голодные и нищіе, обрушились огромной массой на эту абракадабру, вмѣсто естественной ненависти, которую всегда во всѣхъ странахъ и вѣкахъ вызываютъ такія нашествія, — вдругъ на удивленіе „всей Европѣ“ къ небу взмылъ совершенно неожиданный возгласъ.

„Харошъ, урусъ, харошъ . . .“

Точно нашли другъ друга . . . Русскіе и турки сейчасъ словно переживаютъ медовый мѣсяцъ . . . Случаевъ удивительно добраго, сердечнаго отношенія,—не перечесть . . . Одного почтеннаго дѣятеля остановилъ на улицѣ старый турокъ и спросивъ „урусъ“? — далъ ему лиру. Русскому офицеру сосѣдъ по трамваю представился, какъ турецкій офицеръ, предложилъ быть друзьями, потащилъ къ себѣ и предложилъ ему половину комнаты за безцѣнокъ, лишь бы жить съ „урусомъ“. Третьяго хозяинъ кофейни угощалъ какъ дорогого гостя, и на отрѣзъ отказался взять плату. Все это часто очень наивно, но это есть . . . Русскимъ уступаютъ очереди, съ русскихъ меньше берутъ въ магазинахъ и парикмахерскихъ, выказываютъ всяческіе знаки вниманія и сочувствія и надъ всѣмъ этимъ, какъ пѣснь торжествующей любви, вмѣстѣ съ минаретами вьется къ небу гласъ народа — гласъ Божій.

— „Хорошъ, урусъ, хорошъ . . .“

Чѣмъ все это объясняется?

Объясненій много. Во первыхъ, объясненіе прозаическое: русскіе, несмотря на всю свою бѣдность, по обычаю предковъ,

не торгуются въ магазинахъ и не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы изъ послѣднихъ пятидесяти піастровъ десять бросить на чай.

„На послѣднюю пятерку . . .“ И только русскіе щедры. Всѣ остальные, несмотря на свое богатство (сказочное въ сравненіе съ русскими) скупы, какъ и полагается культурной западной націи. А между тѣмъ турки сейчасъ такъ бѣдны, въ особенности чиновничество, которое Богъ знаетъ сколько времени не получало жалованія, что еще неизвѣстно, чье положеніе хуже: этой бездомной русской толпы, которая залила всѣ улицы и переулки гостепріимнаго города-галиматьи, или же самихъ хозяевъ, находящихся на краю голодной бездны.

Другое объясненіе — „Сытый голоднаго не разумѣетъ“. Значитъ — голодный разумѣетъ голоднаго. Обѣ націи — русскіе и турки, почти одинаково несчастны. Обѣ почти лишены отечества. Обѣ включены, втоптаны, въ разрядъ побѣжденныхъ „державами побѣдительницами“.

Я помню какъ профессоръ Петръ Михайловичъ (международникъ) во всю мощь своего великолѣпнаго баритона возмущался на улицахъ одного города этимъ терминомъ.

— „Державы побѣдительницы“! . . . Кажется, въ міровой исторіи не было случая, чтобы въ оффиціальныхъ договорахъ или трактатахъ употреблялась такая терминологія. Всегда всѣ державы обозначались по имени: Англія, Франція, Италія . . . Да вѣдь мирный договоръ потому и называется мирнымъ, что война кончилась . . . И нѣтъ уже войны — нѣтъ побѣдъ... Мирнымъ договоромъ возстанавливаются „дипломатическія отношенія“ со всѣмъ изысканнымъ ритуаломъ международной вѣжливости. И вдругъ — „державы — побѣдительницы . . .“ Дичь! Средневѣковье! . . .

И вотъ повидимому на фонѣ общей обиды разыгрывается эта русско-турецкая любовь . . .

„Chaque vilain trouve sa vilaine“, — скажутъ французы...

Ладно . . . „Униженные и оскорбленные“, скажемъ мы. И если турки еще болѣе унижены, то вѣдь мы еще болѣе оскорблены.

Да, мы оскорблены, прежде всего оскорблены . . . Эти Константинопольскіе русскіе, эти дѣти безконечныхъ эвакуацій,

живѣе всего чувствують оскорбленіе... Ибо это тѣ, которые, несмотря ни на что, оставались вѣрными Антантѣ . . . Эго тѣ, которые хранить союзный договоръ, заключенный Государемъ Императоромъ, почитали своей священной обязанностью . . . Это тѣ, которые если не были увѣрены въ помощи и благодарности, то все же были убѣждены, что ихъ будутъ уважать...

Вмѣсто уваженія . . .

Вотъ на Grand'Rue de Péra французскій „городовой" останавливаетъ русскихъ офицеровъ, провѣряя документы... Тонъ, манеры, это наглое хватанье за рукавъ, или, что еще хуже, похлопыванье по плечу, этотъ покровительственно-небрежный тонъ, жестъ, когда — полуграмотный — онъ наконецъ найдетъ на документѣ французское рукоприкладство: „Vu à l'arrivée" — все это заставляетъ стиснуть зубы . . .

На какомъ основаніи этотъ господинъ не обращается ко мнѣ такъ, какъ полагается солдату обращаться къ офицеру. Развѣ я не офицеръ?

Но вѣдь я выдержалъ всѣ офицерскіе экзамены . . . Я потерялъ все рѣшительно на свѣтѣ для родины, „кромѣ чести" . . .

„Sauf l'honneur" . . . такъ почему же меня оскорбляютъ, за что.? . . .

Ахъ, вѣдь они „Державы-Побѣдительницы" . . .

Но, наконецъ, кого же они побѣдили? . . . Вѣдь Россія была съ ними и если она не дошла до бруствера, то потому что была тяжело ранена въ бою . . . Почему ее зачислили въ разрядъ побѣжденныхъ? . .

Потому что . . .

Потому что французы и другіе не доросли еще до того, чтобы щадить „больную націю." Въ международныхъ отношеніяхъ царитъ средневѣковье — вѣкъ звѣриный.

Горе заболѣвшимъ . . .

И вотъ два „больныхъ человѣка" — Турція, — давно заболѣвшая и Россія — недавно тяжело занемогшая, — инстинктивно тянутся другъ къ другу . . . и къ нимъ одинаково жестоки . . . жестоки презрѣніемъ здоровыхъ къ больнымъ . . .

Но помимо этого есть, повидимому, какое то расположеніе расъ. Русскіе и турки какъ будто бы чувствуютъ ра-

совое влеченіе другъ въ другу. Явленіе противоположнаго свойства называется "haine de race". Не знаю, какъ перевести эту „расовую симпатію"... Вотъ, повидимому, нравятся просто русскіе и турки другъ другу. Только этимъ можно въ концѣ концовъ объяснить этотъ доминирующій надъ всѣмъ возгласъ:

— Харошъ руссъ, харошъ...

* * *

Не думаю, чтобы массы были посвящены въ тайны и интриги политики. Не думаю, чтобы здѣсь играли роль замыслы Кемаль-Паши...

Да и каковы эти замыслы — кто ихъ знаетъ... Хотятъ ли дѣйствительно, чтобы генералъ Врангель занялъ Константинополь?...

Во всякомъ случаѣ вчера торжественно и оффиціально опровергалось извѣстіе, пущенное турецкими газетами:

„Генералъ Врангель во главѣ 10 000 отряда и имѣя въ тылу 30,000 отборнаго войска занялъ Фракію. — Греческія войска бѣгутъ въ паникѣ". При этомъ былъ помѣщенъ портретъ генерала Врангеля.

Это характерно для того, въ какомъ направленіи работаетъ мысль. Эти газеты какъ будто толкаютъ: „Выйди изъ лагерей, займи Фракію, — греки побѣгутъ... И путь на Константинополь свободенъ..."

— Харошъ — урусъ, харошъ...

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда..."

* * *

Съ непривычки, кипятокъ большого города какъ будто бы пьянитъ. Все куда то несется... Непрерывной струей бѣжитъ толпа.. трудно выдержать, столько лицъ... Тѣмъ болѣе, что половина изъ нихъ кажутся знакомыми, потому что они русскіе... Гдѣ я ихъ видѣлъ всѣхъ, когда?... Въ Петроградѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Одессѣ?... Одно время въ 1914 году, во время міровой войны, я ихъ видѣлъ всѣхъ въ Галиціи — во Львовѣ. Когда большевики захватили власть въ Петроградѣ и Москвѣ, я видѣлъ ихъ всѣхъ въ Кіевѣ, подъ высокою рукой гетмана Скоропадскаго... Потомъ ихъ можно

было видѣть въ Екатеринодарѣ... Позже они заливали улицы Ростова... Въ 1919 году они разбились между Ростовомъ, Кіевомъ и Харьковомъ, но въ началѣ 1920 года столпились въ Одессѣ и Новороссійскѣ... Наконецъ, послѣднее ихъ прибѣжище былъ Севастополь.

И вотъ теперь здѣсь...

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда"...

* * *

Все куда то несется... Люди, экипажи, неистово звенящіе трамваи, воющіе на всѣ голоса ада автомобили...

Все блеститъ, все сверкаетъ... уличные фонари, пьянящія голодный русскій духъ витрины, слѣпящіе глаза фары моторовъ.

Все кричитъ... все тревожитъ воздухъ нестройной смѣсью языковъ... но чаще всего слышенъ русскій...

Или мнѣ такъ только кажется?...

Нѣтъ, русскихъ дѣйствительно неистовое количество... А если зайти въ посольство или, упаси Боже, въ консульскій дворъ, — тутъ сплошная русская толпа... Все это движется, куда то спѣшитъ, что то дѣлаетъ, о чемъ то хлопочетъ, что то ищетъ...

Больше всего — „визы" во всѣ страны свѣта...

Но, кажется, всѣ страны „закрылись". Не хотятъ русскихъ... никто не хочетъ, и даже великодушные, вѣрные союзники...

И только тутъ, въ столицѣ народа, съ которымъ мы воевали вѣка, воевали и въ послѣднюю войну, въ столицѣ, на которую мы столько разъ и совершенно открыто претендовали, желая взять ее себѣ, только тутъ несется неумолчный крикъ:

— Харошъ руссъ, харошъ...

Чудесны дѣла Твои, Господи...

* * *

Русская церковь въ посольствѣ...

Всякій знаетъ, какъ бываетъ у всенощной... Такъ и было...

Но эти слова, такія знакомыя, только теперь получили настоящую цѣну. Только мы, русскіе, разсѣянные по всему свѣту, вытерпѣвшіе все, можемъ ихъ понять до конца.

— О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, и о спасенія ихъ, миромъ Господу помолимся . . .

— Господи помилуй . . .

* * *

Помилуй, помилуй, помилуй Господи . . .

Что можно сказать больше . . .

— О плавающихъ . . .

Это Димка — младшій . . . Онъ сейчасъ плаваетъ гдѣ то подъ Африкой, въ Бизертѣ. Оставленный мною въ Севастополѣ, онъ нанялся матросомъ на миноносецъ . . . Мальчику пятнадцать лѣтъ . . .

— О путешествующихъ . . .

Вотъ ужъ сколько я путешествую . . . это значитъ было послѣдній разъ, когда я видѣлъ Россію 29 сентября . . . Послѣднее, что я отъ нея видѣлъ, былъ этотъ двукольчатый маякъ . . . Прости, двукольчатый . . . И вотъ отчего всегда на немъ была какая то печальная и ироническая усмѣшка! . . Даже тогда, когда мы бѣжали изъ Одессы и ликующіе подходили къ нему . . . Онъ зналъ, что это не надолго . . . А гдѣ Вовка? . . Тоже „путешествующій . . .

— Недугующихъ . . .

Вотъ получилъ телеграмму, что Саша, братъ Эфема, гдѣ то валяется въ какомъ то госпиталѣ или на суднѣ въ очень тяжелой болѣзни . . . А гдѣ, — найти не могу . . .

— Страждущихъ . . .

Сколько ихъ, страждущихъ . . . но изъ всѣхъ нихъ одинъ конечно, ближе . . . мнѣ кажется, что онъ страждетъ больше другихъ, хотя я зная, что это не такъ . . . Онъ какъ и всѣ . . . Ляля . . . Если живъ, выстрадалъ весь походъ, всѣ бои, всѣ эвакуаціи и дострадываетъ въ лагеряхъ . . . Если живъ . . . А если и живъ, то можетъ быть искалѣченъ, израненъ. Такимъ именно онъ приснился мнѣ сегодня . . . На лбу, надъ лѣвой бровью страшный слѣдъ . . . Другая пуля прошла около ло-

патки... а еще одну, говоритъ, надо вынуть... Это знакомое, кажущееся мнѣ такимъ замѣчательнымъ лицо, съ глазами страдающей газели, какое то стало другое, себя не находящее...

— Плѣненныхъ...

Одного плѣненнаго ужъ нѣтъ... Несчастный Эфемъ погибъ... Разстрѣляли... Это я уже здѣсь узналъ...

И сколько ихъ всѣхъ...

Господи, Господи, помилуй...

* * *

Сегодня наступаетъ Новый Годъ... Для всего міра, кромѣ насъ.

Кто это мы?...

Мы — „вранжелисты"...

* * *

Мы будемъ праздновать Новый Годъ по старому.

Мы одни въ цѣломъ мірѣ.

И все таки правы мы, а не они...

Ибо старое вернется...

Міровая реакція неизбѣжна.

* * *

— Вовка?!!!

Да, это былъ онъ.

Мы столкнулись на Grand'rue de Péra...

* * *

— Какъ же вы? Какъ это случилось?!

— Моя исторія кратка... То есть ее можно кратко разсказать, а было всего... Но словомъ 30 сентября (по старому) меня выбросило на Румынскій берегъ у Цареградскаго маяка... Два мѣсяца я пробылъ въ Румыніи... Румыны все никакъ не могли сначала опредѣлить, кто мы — большевики или „вранжелисты..." А потомъ, когда убѣдились, что вранжелисты, просто тянулись всякія формальности... Обращались на этотъ разъ не дурно, не то, что тогда... А иногда даже были очень милы. Въ началѣ декабря я попалъ въ Болгарію... и затѣмъ вотъ вчера сюда... Ну разсказывай...

— Все разсказать это очень долго . . .

— Ну не все . . . самое важное . . .

— Самое важное . . . я старался выполнить все, что было мнѣ поручено. Вначалѣ все шло благополучно . . . Мы тогда пришли въ ту ночь на берегъ, какъ условились . . . Прождали... васъ не было . . . Рѣшили, что значитъ нельзя было выйти . . . мы такъ и поняли, что штормъ . . . Затѣмъ, — затѣмъ стало хуже.

— Что нибудь узналъ про Эфема?

— Узналъ. Ваше радіо было получено . . . и даже послѣ этого его сейчасъ же перевели изъ чрезвычайки въ тюрьму, улучшили пищу и стали иначе обращаться . . . Даже какъ то отъ него пришло какое то сообщеніе . . . онъ предупреждалъ, чтобы были осторожны, что они очень освѣдомлены . . . что онъ совсѣмъ было приготовился къ смерти и былъ спокоенъ и готовъ . . . Теперь у него появилась надежда . . . но что онъ не знаетъ: что хуже . . .

Онъ погибъ? . . . навѣрное?

— Да . . . въ концѣ концовъ разстрѣляли . . . Это я уже здѣсь узналъ — изъ списковъ разстрѣлянныхъ . . .

— Но отчего? Какая окончательная причина?

— Нельзя понять . . . Когда нибудь можетъ быть узнаемъ...

* * *

— Я сдѣлалъ все, что надо, и торговалъ шлюпку . . . Въ это время это и случилось.

— Что „это? . . .“

— Вы говорили мнѣ записывать интересное . . . этотъ эпизодъ я записалъ . . .

Ну хорошо . . . пойдемъ куда нибудь . . . Они празднуютъ Новый Годъ. Намъ нечего праздновать . . . все равно... за стаканомъ вина прочти мнѣ . . .

Разсказъ поручика Л.

Я жилъ тогда . . . ну, словомъ, вы знаете у кого . . . проснулся съ сознаніемъ, что еще очень рано. Проснулся отъ того, что кто то открылъ двери изъ передней и сказалъ за дверью:

— Это къ вамъ . . .

Я приподнялъ голову. Въ комнату быстро вошелъ человѣкъ. Разсмотрѣть его нельзя было, такъ какъ шторы были опущены. Человѣкъ быстро пошелъ къ окну.

— Кто это? . . .

Человѣкъ поднялъ штору и сказалъ громко:

— Изъ чрезвычайной комиссіи . . . Вставайте всѣ . . .

Въ эту же минуту въ комнату вошелъ другой человѣкъ.

Я не могу сказать, чтобы я испугался, — это было бы не совсѣмъ точно. Но я почувствововалъ во всемъ организмѣ какое то особое напряженіе . . . Какъ будто бы всѣ точки организма оказались связанными туго натянутыми нитями . . . Это совсѣмъ похоже на то, какъ бываетъ, когда услышишь свистъ первой пули, и начинается бой.

Я разсмотрѣлъ этихъ людей. Вошедшій первымъ былъ средняго роста, не брюнетъ и не блондинъ, полуеврейскаго, полувосточнаго типа. На немъ было рыжеватое пальто и фуражка военнаго образца безъ какого нибудь значка или кокарды. Другой — высокій, черный, моложе перваго, видимо русскій, въ черномъ пальто и кепи.

Одинъ изъ нихъ началъ опрашивать всѣхъ. А въ этой квартирѣ было много народа. Онъ спрашивалъ всѣхъ по очереди. Затѣмъ обратился ко мнѣ.

— А вы кто? . . .

Эти люди, жившіе къ этой квартирѣ, дали мнѣ пріютъ почти случайно. Они не знали, кто я. Имъ рекомендовали меня ихъ друзья, просили пріютить. Потому я отвѣтилъ спокойно:

— Я студентъ такого то университета, такой то. Три дня тому назадъ пріѣхалъ сюда . . . Меня пріютили здѣсь, потому что мнѣ некуда было дѣться.

— Это ваши знакомые?

— Да . . .

Одинъ изъ чекистовъ сталъ перебирать и просматривать бумаги на письменномъ столѣ. Меня это не очень безпокоило; врядъ ли онъ могъ тамъ что нибудь найти. Когда я одѣлся, рыжій протянулъ мнѣ какую то бумажку. Штампъ и печать одесской чрезвычайки. Я прочелъ:

„Товарищу такому то. Предлагается произвести обыскъ въ квартирѣ гражданки такой то, такой то адресъ, и арестовать ее и всѣхъ находящихся въ квартирѣ".

Затѣмъ послѣдовалъ полусочувственный жестъ — ничего не подѣлаешь — и поясненіе:

— Прійдется сидѣть въ квартирѣ до вечера, ждать публику. А затѣмъ . . .

И краснорѣчивая пауза.

Оба представителя власти шарили довольно продолжительное время по ящикамъ стола, по угламъ, приподнимали тюфяки, открывали корзинки и картонки. Излекли откуда то запыленный и заплеснѣвѣвшій номеръ „Единой Руси", о присутствіи котораго въ квартирѣ никто раньше и не подозрѣвалъ. Впрочемъ, они сами кажется не придали этому обстоятельству значенія.

Самое скверное было то, что не было папиросъ. Попросили разрѣшенія послать купить папиросъ и хлѣба. Сначала они не согласились, потомъ позволили пойти четырнадцатилѣтнему гимназисту Женѣ. Съ мальчикомъ отправился и одинъ изъ чекистовъ. Когда онъ вернулся, то разсказалъ, что чекистъ все время шелъ за нимъ, и когда одна изъ дворовыхъ дѣвочекъ съ нимъ заговорила, отогналъ ее въ сторону.

Рыжій усѣлся на диванѣ въ столовой, черный въ передней. Они не обращали вниманія на передвиженіе публики изъ комнаты въ комнату. Разрѣшали выходить и въ коридоръ, и въ кухню. Предупредили, что заперли и парадную, и черную выходную дверь на ключъ, и что ключи у нихъ.

Я прошелъ въ спальню. Тамъ было нѣсколько молодыхъ женщинъ. Въ общемъ онѣ почти не проявляли испуганности. Больше всѣхъ была взволнована В. А. Въ глазахъ ея стояли слезы.

— Скажите же, ради Бога, откуда это несчастіе, зачѣмъ они пришли?

Рѣшить это было довольно затруднительно.

Если бы они искали меня, то они бы обращались со мной иначе. Очевидно я не внушилъ имъ особыхъ подозрѣній. Не больше чѣмъ всѣ другіе. Но если не я, то кто же . . . И хозяйка квартиры, и вся семья, и всѣ, кто случайно у нея ока-

зался, никакой политикой не занимались, жили изо дня въ день, думая только о хлѣбѣ насущномъ. Я чувствовалъ, что здѣсь какая то ошибка . . . Или быть можетъ выслѣдили, что здѣсь бываетъ кто нибудь, за кѣмъ охотятся. Населенію квартиры врядъ ли грозитъ серіозная опасность, и если ихъ арестуютъ, то въ концѣ концовъ, конечно выпустятъ, если бы не я... Меня могли узнать, и тогда дѣло для всей семьи могло бы повернуться серіозно. Въ сущности было очень важно, чтобы я отсюда смылся . . .

Хорошо было бы еще поговорить съ представителями власти. . . Для этой цѣли была командирована въ переднюю Е. А., какъ болѣе подходящая развѣдчица.

Мы остались вдвоемъ съ хозяйкой квартиры. Удивительно, что эта маленькая хрупкая женщина сохраняла все время великолѣпное самообладаніе.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала она. Мы ничѣмъ такимъ не занимались. . . очевидно дѣло не въ насъ. . . Очевидно они ловятъ кого то, кто у меня бываетъ. . . Я въ политику не хочу входить, но я не хотѣла бы, чтобы у меня въ квартирѣ кто нибудь погибъ. . .

Ея губы дрогнули въ первый разъ. . .

— Ахъ, Боже мой. . . за себя я не боюсь. . . Ни капельки — даже странно. . . Но вы всѣ. . .

Она помолчала минутку.

— А теперь уйдите, пожалуйста. . .

Она стала зажигать лампадку передъ иконой. Быть можетъ, хотѣла молиться. . .

Въ столовой я нашелъ альбомъ и углубился въ стихи.

Стукъ въ парадную дверь. Чекистъ, дремавшій на диванѣ, вскочилъ и бросился въ переднюю. Впустили бабу молочницу. Сдавъ молоко, забравъ свои фляги въ корзину, она намѣревалась уйти, но чекистъ заявилъ, что не выпуститъ ее. Баба подняла отчаянный вой.

— Якъ же такъ. . . ой лишеньки мини. . . Ратуйте, добри люды. . . Диты жъ мои дома зостались. . . Шожъ съ ными буде. . . Шожъ це таке за горе. . .

Плачъ и причитанья продолжались минутъ пятнадцать. Наконецъ, очевидно, нервы церберовъ не выдержали. Бабу

выпустили со строгимъ предупрежденіемъ, чтобы она не смѣла говорить, что дѣлается въ квартирѣ.

Инцидентъ съ молочницей имѣлъ слѣдующія послѣдствія. Минутъ черезъ десять послѣ ея ухода кто то началъ энергично стучать, а потомъ ломиться во входную дверь. Оба чекиста бросились со всѣхъ ногъ въ переднюю. Открыли дверь и впустили банду — человѣкъ пять-шесть милиціонеровъ ближайшаго раіона. Оказалось, что домовой комиссаръ узналъ либо отъ молочницы, либо отъ дворовыхъ дѣтей о томъ, что въ квартирѣ засѣли какія то личности, которыя всѣхъ задерживаютъ, допрашиваютъ и чего то ищутъ. Онъ предположилъ, что это могутъ быть налетчики и поспѣшилъ въ раіонъ, откуда немедленно былъ командированъ патруль. Охранная служба у большевиковъ несется отчетливо.

Милицейскіе съ шумомъ ворвались въ квартиру.

— Кто такіе? . . Сдавай оружіе. . .

— Осторожнѣй, товарищи. . . легче. . .

— Да кто вы такіе? чего разоряетесь, трамъ тарарамъ, сдавай оружіе. . .

— Мы — представители Чека. . . Вашъ ордеръ!

— А вашъ ордеръ, трамъ тарарамъ. . . Много такихъ представителей. . .

Произошелъ обмѣнъ ордерами.

— Такъ чего же вы, товарищи, не предупредили домового комиссара? Правило вѣдь знаете. . .

— Такъ какая же тогда будетъ засада, если его предупреждать, . . Если всѣ будутъ знать, такъ кто же въ эту квартиру пойдетъ. . .

— Да не всѣ. . . а домовому комиссару нужно. . . надо, чтобы по закону. . .

Милиціонеры ушли. . . Ушелъ и одинъ изъ чекистовъ. Насколько можно было судить по фразамъ, которыми они обмѣнялись, въ ордерѣ оказалась какая то формальная неисправность, которую нужно было исправить. А можетъ быть онъ пошелъ за инструкціями. А можетъ быть, по своимъ личнымъ дѣламъ.

Прошло нѣкоторое время. И вдругъ въ мозгу у меня мелькнула картинка, сохраненная зрительной памятью: когда

одинъ чекистъ уходилъ, другой его не провожалъ въ переднюю. Значитъ, выходную дверь онъ не могъ запереть на ключъ, — вѣдь не унесъ же ушедшій ключъ съ собой. . . Значитъ, дверь закрыта только на англійскій замокъ. Надо посмотрѣть, нельзя не посмотрѣть. . .

Стучатъ. . . Вотъ законный предлогъ: я пошелъ открывать. Тотъ чекистъ, что въ столовой, задремалъ — стука не слышитъ.

Такъ и есть. Поворачиваю англійскій замокъ, дверь открыта. Sacramento, — въ дверяхъ уходившій чекистъ. Не во время вернулся. . . Не судьба. . .

* * *

Е. А. произвела артистическую атаку на вернувшагося чекиста и затѣмъ сообщила результаты развѣдки. По словамъ представителей власти причиной ареста былъ доносъ. Кѣмъ сдѣланъ доносъ и каково его содержаніе — они сами не знаютъ . . . Это правдоподобно, ибо доносъ, вѣроятно, такъ же распространенъ въ Совдепіи, какъ въ свое время въ Венеціи. Второе, что она узнала, это то, что около трехъ часовъ въ квартиру должны явиться какіе то слѣдователи, которые произведутъ вторичный обыскъ и допросъ, и затѣмъ всѣхъ отправятъ въ Чека.

У насъ въ квартирѣ были дѣти. У этихъ дѣтей въ свою очередь было много пріятелей и пріятельницъ изъ другихъ квартиръ. Нѣсколько изъ нихъ пришли къ намъ въ гости. Когда они хотѣли уходить, чекисты ихъ не пустили. Тогда младенцы сомкнулись гурьбой и ворвались въ столовую съ воемъ. Представители власти сначала обозлились, потомъ разсмѣялись. Одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ кармана ключъ и сунулъ мальчику постарше:

— На, открой имъ дверь... Выпусти ихъ... къ черту...

Мальчикъ вышелъ въ переднюю, сопровождаемый всей ватагой. Затѣмъ вернулся и возвратилъ ключъ чекисту.

Спустя минутку онъ отозвалъ меня въ сторону.

— Вы можете уйти . . . Дверь не заперта.

Спасибо, мой маленькій герой. Но я не уйду. Если бы я ушелъ, было бы слишкомъ ясно, кто мнѣ помогъ. И Богъ

знаетъ, какую плату получилъ бы ты за свой героизмъ отъ палачей чрезвычайки.

Но было больше двухъ часовъ. Обѣщанные слѣдователи могли явиться каждую минуту.

Надо было дѣйствовать до ихъ прихода. Я чувствовалъ, что мнѣ надо во что бы то ни стало уйти, потому что я былъ, такъ сказать, единственный, кто могъ потопить остальныхъ, если бы меня узнали. Если мнѣ удастся уйти, ихъ хотя и арестуютъ, но выпустятъ, — противъ нихъ ничего нѣтъ. Они ничего не знаютъ, ни во что не замѣшаны.

Но какъ уйти . . . Я подошелъ къ окну. И вдругъ у меня мелькнула мысль: а нельзя ли изъ этого или другого окна по карнизу перебраться въ какую нибудь сосѣднюю квартиру?

Я спросилъ хозяйку дома, маленькую хрупкую женщину . . .

— Можетъ быть вамъ удастся . . . Ближе всего изъ кухни.— Въ сосѣдней квартирѣ какъ разъ никогда никого нѣтъ въ это время. Дверь на англійскомъ замкѣ . . .

Я колебался . . .

— Скажите мнѣ совершенно откровенно: лучше для другихъ, чтобы я ушелъ? . . .

Она посмотрѣла мнѣ въ глаза:

— Если вы чувствуете что нибудь за собой, — уходите... Намъ будетъ лучше . . .

Зналъ ли я что нибудь за собой . . . Я зналъ слишкомъ достаточно . . . И я рѣшилъ бѣжать . . .

Сдѣлали такъ. Прошли всѣ поодиночку черезъ столовую, гдѣ полудремали на диванѣ оба чекиста. Простились... Затѣмъ я прошелъ черезъ столовую обратно и вышелъ въ коридоръ. Въ моментъ моего драпа всѣ должны были находиться въ комнатахъ для полученія алиби.

Я высунулся въ окно и осмотрѣлъ карнизъ. Раньше я какъ то не подумалъ о томъ, что карнизы бываютъ разные.— не по каждому пролѣзешь . . . Это былъ не особенно удобный карнизъ, въ особенности для четвертаго этажа. Узенькій— ладони полторы шириной, и покатый. Попробовалъ стать на него ногой, держась за раму окна. Куда тамъ . . . на немъ

немыслимо удержаться ни одной секунды. А стѣна совершенно гладкая, безъ всякихъ выступовъ, держаться не за что.

Но вотъ что, — внизу на уровнѣ пола комнаты есть другой карнизъ. Такой же узенькій и такой же покатый, правда, но ставъ на него, можно держаться за загибъ того карниза, что идетъ на уровнѣ подоконника. Попробовалъ. Да, можно удержаться, но только нѣсколько секундъ — всю тяжесть тѣла приходится держать на кончикахъ пальцевъ, ибо загибъ карниза не болѣе сантиметра. Острое желѣзо рѣжетъ руку . . . Вотъ въ чемъ дѣло — надо упереться въ нижній карнизъ колѣнями . . . Теперь верхній карнизъ приходится на уровнѣ плечъ . . . Такъ гораздо легче . . . Достигнуто правильное распредѣленіе тяжести тѣла между колѣнями и кончиками пальцевъ. Больно колѣнямъ, больно пальцамъ, но держаться можно. Теперь въ путь . . . До спасительнаго окна— сажени двѣ съ половиной — три . . . Техника движенія такая. Хватаюсь сначала правой, потомъ лѣвой рукой возможно дальше вправо, а затѣмъ такимъ же образомъ передвигаю колѣни. Въ головѣ ничего — все ушло въ мускульное напряженіе. Такъ проползъ почти половину дороги. Но что это... Дальше верхній карнизъ оборванъ — перерывъ аршина два. Какъ я раньше не замѣтилъ этого, не разсмотрѣлъ, — не понимаю . . . Но не возвращаться же назадъ. Цѣпляюсь изо всей силы самыми кончиками пальцевъ за уголъ верхняго карниза и передвигаюсь колѣнями сколько возможно вправо. Теперь самый рискованный моментъ. Нужно выпустить карнизъ изъ рукъ, сильно податься корпусомъ вправо, схватиться за кончикъ карниза тамъ, гдѣ онъ снова начинается... Это напомнило мнѣ поразившую меня въ дѣтствѣ фотографію въ „Нивѣ“. Велосипедистъ виситъ въ воздухѣ на большой высотѣ вверхъ ногами, — это мертвая петля съ прерванной наверху лентой.

Но это была лишь одна изъ тысячи мыслей, мелькнувшихъ у меня въ головѣ въ это мгновеніе; я теперь понимаю, что значитъ, когда говорятъ, что въ моментъ гибели разворачивается въ одну секунду и проходитъ передъ глазами вся жизнь.

Я удержался съ трудомъ. Одно колѣно сорвалось съ карниза, но въ ту же секунду я „возстановилъ положеніе“... Теперь я уже былъ почти увѣренъ, что доползу. До спасительнаго окна оставалось аршина полтора. Но вдругъ я почувствовалъ, что самый желѣзный карнизъ, за который я держусь, начинаетъ сползать съ выступа стѣны... Оказалось, что два послѣднихъ гвоздя, которыми онъ прикрѣпленъ къ выступу стѣны, — отсутствуютъ. Что дѣлать? Если бы на стѣнѣ была хоть какая нибудь точка опоры, и я могъ бы сдѣлать еще шагъ, чтобы схватиться за раму окна... Но ни опереться, ни схватиться рѣшительно не за что... Я продвинулся еще немножко по карнизу... Желѣзная полоска гнется и ходитъ у меня въ рукахъ. До окна только аршинъ. Но даже разстояніе въ сантиметръ человѣкъ перелетѣть не можетъ. Возвратиться обратно — немыслимо. Мускулы рукъ и ногъ страшно устали, и я знаю, что мѣсто, гдѣ карнизъ оборванъ, мнѣ уже никакъ не преодолѣть второй разъ. Оставалось одно.

Я повернулъ голову къ окну и тихо сказалъ:

— Дайте руку.

Молчаніе. Я повторилъ громче.

— Дайте руку...

Въ окнѣ показалась голова... ребенка. И онъ протянулъ мнѣ руку и, напрягши всѣ силенки, помогъ мнѣ.

* * *

Я не знаю, кто былъ этотъ мальчикъ и увижу ли я его когда нибудь... Я ушелъ какъ можно скорѣй. Спустился по лѣстницѣ чернаго хода, вышелъ во дворъ. У воротъ охраны не было. Я былъ свободенъ...

* * *

— А теперь все безъ подробностей... Я былъ свободенъ, но сколькихъ арестовали... Оказывается, большевики будто бы раскрыли какую то обширную русско-польскую организацію и хватали направо и налѣво... Я ничего не могъ сдѣлать больше, кромѣ того, чтобы затруднять другихъ укрывательствомъ своей особы. И поэтому я рѣшилъ бѣжать еще разъ моремъ... Удалось... Вы можете себѣ представ-

вить мое состоянiе, когда я узналъ, что вы ушли съ Тендры искать меня ... и погибли ... Тамъ всѣ были увѣрены въ вашей гибели ... По обыкновенiю существовало много версiй на этотъ счетъ. Въ самымъ отвратительномъ состоянiи я прибылъ въ Севастополь 26 октября ... А черезъ четыре дня, какъ вы знаете, произошла всеобщая эвакуацiя ... Я поспѣлъ какъ разъ во время ...

Взглядъ и нѣчто.

Комната въ посольствѣ ... Роскошный коверъ на всю комнату. Красивый столъ, мраморъ съ золотомъ ... каминъ.

У камина насъ двое. Онъ бѣгаетъ по комнатѣ, я лежу въ креслѣ. Онъ говоритъ:

— Да ... и съ этой точки зрѣнiя ... поймите меня ... я хочу, чтобы вы меня поняли ... что?

— Ничего ... я васъ слушаю ...

— Мнѣ показалось, что вы не согласны ... Моя мысль до васъ не доходитъ ... то, что вы говорите, не важно .. не интересно ... А межъ тѣмъ именно вы были правы ...

— Когда?

— Тогда ... когда вы прiѣхали отъ большевиковъ ... въ iюлѣ, въ Севастополь ...

— Что я говорилъ? ...

— Вы говорили ... это очень трудно формулировать ... вы указали ... вы разсказали ... что подъ этой ... корой ... этой оболочкой совѣтской власти ... совершается процессъ ... процессы стихiйные ... огромной важности ... ничего не имѣющiе общаго ... съ ней ... съ корой ... съ властью ... съ большевизмомъ. Процессы, которые у насъ не поняли ... къ которымъ мы даже ... не присматривались ...

— Конкретнѣе?

— Конкретнѣе? ... конкретнѣе — я теперь знаю ... Для меня не можетъ быть сомнѣнiй ... У меня есть свидѣтельскiя показанiя ... которымъ я не могу не вѣрить ... Я знаю, что война съ Польшей вызвала движенiе, нацiональное движенiе ... подъемъ ...

— Подъемъ—это слишкомъ сильно сказано. Расколъ въ душѣ многихъ — да ... Брусиловское воззванiе произвело

нѣкоторое впечатлѣніе. Оно было написано старымъ языкомъ, и въ силу этого дѣйствовало на нервы... „За Русскую Землю". — это было уже такъ много.

— Нѣтъ... въ Москвѣ было больше... Былъ подъемъ... во всякомъ случаѣ было измѣненіе психологіи... Было... быть можетъ первое признаніе совпаденія путей... и мы... мы этого... недооцѣнили... что?.. вы согласны со мной?..

— Да... пожалуй... Но развѣ вы не замѣчали, что давно уже, — давно уже наши идеи перескочили черезъ фронтъ.

„Противъ воли моей...
Противъ воли твоей"...

Знаете этотъ романсъ или стихъ, ну что то въ этомъ родѣ. Онъ сказалъ ей: „Не надо, не нужно, не должно... Мы поставимъ препятствія и сдѣлаемъ все, чтобы этого не было. Но если — противъ воли моей, противъ воли твоей — это будетъ, значитъ, „такъ въ высшемъ рѣшено Совѣтѣ"... Я говорю вздоръ, но все таки это имѣетъ отношеніе къ дѣлу... „Противъ воли моей, противъ воли твоей" наши идеи перескочили черезъ фронтъ... И это такъ было. Прежде всего мы научили ихъ, какая должна быть армія. Когда ничтожная горсточка Корнилова, Алексѣева и Деникина била ихъ орды, — била потому, что она была организована на правильныхъ началахъ — безъ „комитетовъ", безъ „сознательной дисциплины", то есть организована „по бѣлому", — они поняли... Они поняли, что армія должна быть арміей... И они *возстановили армію*... Это первое... Конечно, они думаютъ, что они создали соціалистическую армію, которая дерется „во имя Интернаціонала", — но это вздоръ. Имъ только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ они возстановили русскую армію... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведовъ... Ленинъ могъ бы пить „здоровіе учителей", эти учителя — мы... И это первая наша великая заслуга... Злыя силы, разрушившія русскую армію въ 1917 г., мы заставили со всей энергіей, на которую они способны (а вѣдь они самая волевая накипь націи), мы заставили работать *по нашимъ* предначертаніямъ на возсозданіе *нашей* русской арміи... Мы учили ихъ не разсказомъ, а „показомъ"... Мы били ихъ до тѣхъ поръ, пока они не выучились драться... И къ

концу вообще всего революціоннаго процесса, Россія, потерявшая въ 1917 г. свою старую армію, будетъ имѣть новую, столь же могущественную . . . Дальше . . . Нашъ главный, нашъ дѣйственный лозунгъ — Единая Россія . . . Когда ушелъ Деникинъ, мы его не то, чтобы потеряли, но куда то на время спрятали . . . мы свернули знамя . . . А кто поднялъ его, кто развернулъ знамя? Какъ это ни дико, но это такъ... Знамя Единой Россіи фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорятъ . . . Конечно, Ленинъ и Троцкій продолжаютъ трубить Интернаціоналъ. И будто бы „коммунистическая“ армія сражалась за насажденіе „совѣтскихъ республикъ.“ Но это только такъ сверху . . . На самомъ дѣлѣ ихъ армія била поляковъ, какъ поляковъ. И именно за то, что они отхватили чисто русскіе области. И даже если этого настроенія не было . . . Все равно . . . все равно . . .

— Я съ вами совершенно согласенъ . . . это ясно . . . фактически Интернаціоналъ оказался орудіемъ . . . расширенія территоріи . . . для власти, сидящей въ Москвѣ . . . До границъ . . . до границъ, гдѣ начинается дѣйствительное сопротивленіе другихъ государственныхъ организмовъ, въ достаточной степени крѣпихъ. Это и будутъ естественныя границы будущей . . . Россійской Державы.

— Ну конечно . . . Соціализмъ смоется, но границы останутся . . . Будутъ ли границы 1614 года или нѣсколько иные, — это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что русскій языкъ во славу Интернаціонала опять занялъ шестую часть суши. Сила событій сильнѣе самой сильной воли . . . Ленинъ предполагаетъ, а объективныя условія, созданыя Богомъ, какъ территорія и душевный укладъ народа, „располагаютъ“ . . . И теперь очевидно стало, что, кто сидитъ въ Москвѣ, безразлично кто это, будетъ ли это Ульяновъ или Романовъ (простите это гнусное сопоставленіе), принужденъ, „муситъ“, какъ говорятъ хохлы, дѣлать дѣло Іоанна Калиты. „Муситъ“ собирать воедино русскія земли. „Противъ воли моей — противъ воли твоей“ . . .

И это два . . . А третье, что они у насъ взяли — это принципъ единоличной власти. Они твердили о диктатурѣ пролетаріата на Большомъ Московскомъ Совѣщаніи въ авгу-

стѣ 1917 года. А мы говорили: „Вздоръ:... Управленіе выборнымъ коллективомъ въ условіяхъ войны и революціи — вздоръ“... И вышло по нашему... Обѣ половинки Россіи — Сѣверная и Южная — отвергли коллективъ, и перешли: Южная — къ единоличной диктатурѣ генераловъ... а Сѣверная — къ „двуличной“ диктатурѣ двухъ дворянъ: одного симбирскаго, а другого іерусалимскаго... Чтобы не надоѣдать вамъ, я кончаю... Резюме. „Противъ воли моей — противъ воли твоей“ — большевики:

1) возстанавливаютъ военное могущество Россіи;

2) возстанавливаютъ границы Россійской Державы до ея естественныхъ предѣловъ;

3) подготовляютъ пришествіе Самодержца Всероссійскаго.

— Развѣ вы не конституціонный монархистъ?...

— Если хотите,—да... Десять лѣтъ Государственной Думы —меня испортили... Пожалуй, мнѣ хотѣлось бы, чтобы была конституціонная монархія.Но надо различать...желанное отъ возможнаго... Мнѣ кажется, что желанное не возможно... Послѣ всего, что произошло, конституціонная монархія врядъ ли мыслима... По крайней мѣрѣ, въ теченіе ряда лѣтъ, и главнымъ образовъ вслѣдствіе причинъ экономическихъ... Чтобы выйти изъ положенія, прійдется каждые полчаса подписывать героическія рѣшенія... А вѣдь вы знаете, что русскій парламентъ героическихъ... отвѣтственныхъ... безумно смѣлыхъ... рѣшеній принимать не можетъ... Вы знаете... Гдѣ соберутся три нѣмца, — тамъ они поютъ квартетъ... Но гдѣ соберутся четыре русскихъ, тамъ они основываютъ пять политическихъ партій... Поэтому и въ русской дѣйствительности героическія рѣшенія можетъ принимать только одинъ человѣкъ...

— Это будетъ Ленинъ?.. или Троцкій?..

— Нѣтъ... ибо онъ не будетъ ни психопатомъ, ни мошеникомъ, ни соціалистомъ... На этихъ господахъ висятъ несбрасываемыя гири... ихъ багажъ, ихъ вериги... — соціализмъ... они не могутъ отказаться отъ соціализма... они вѣдь при помощи соціализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этотъ мѣшокъ на спинѣ до конца... и онъ ихъ раздавитъ... Тогда прійдетъ Нѣкто, кто возь-

метъ отъ нихъ ихъ „декретность“... Ихъ рѣшимость принимать на свою отвѣтственность, принимать невѣроятныя рѣшенія. Ихъ жестокость проведенія однажды рѣшеннаго. „Это нужно — значитъ это возможно“ — девизъ Троцкаго... Но онъ не возьметъ отъ нихъ ихъ мѣшка. Онъ будетъ истинно краснымъ по волевой силѣ и истинно бѣлымъ по задачамъ, имъ преслѣдуемымъ. Онъ будетъ большевикъ по энергіи и націоналистъ по убѣжденіямъ. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И „человѣческіе глаза“. И лобъ мыслителя... Комбинація трудная — я знаю... Я помню, Маклаковъ часто разсказывалъ про Ключевскаго, какъ онъ говорилъ: „Конечно, абсолютная монархія есть самая совершенная форма правленія... если бы... если бы не случайности рожденія“... Да, это такъ... и все что сейчасъ происходитъ, весь этотъ ужасъ, который сейчасъ нависъ надъ Россіей — это только страшные, трудные, ужасно мучительные...

— Что?..

— Роды...

— Роды?!

— Да, роды... Роды Самодержца... Легко ли родить истиннаго Самодержца и еще Всероссійскаго!..

Новогодняя ночь.

Я уснулъ у трубы. У трубы тепло, неудобно немножко, но вѣдь тамъ всюду — не у трубы — такъ холодно. Вѣдь сегодня 31 декабря. Ночь на палубѣ не такъ пріятна въ это время года... даже на Босфорѣ...

Мы давно ужъ тутъ стоимъ, на якорѣ, въ сплошномъ туманѣ. Отъ времени до времени мы запускаемъ сирену и звонимъ во всѣ склянки. Туманъ иногда проясняется... иногда нѣтъ. Кругомъ насъ, невидимые и потому таинственные, воютъ и звонятъ другіе суда.

Я давно ужъ тутъ сижу у трубы. То засыпаю, то снова просыпаюсь для того только, что бы убѣдиться, что туманъ сталъ еще непроницаемѣй. Черезъ него съ трудомъ пробиваются огни, образуя расплывчатыя пятна.

*
* *

Въ полудремотѣ вспоминается эта послѣдняя недѣля... мало радости она принесла мнѣ...

* * *

Вотъ я ѣду въ Галлиполи. За бортомъ „Soglassie“ мягко-мягко слышна струя... лежу, зарывшись въ прессованное сѣно... Мерзну, но не до отчаянія. Надо мною небо, то звѣздное, то туманное... когда туманъ и ночь становится сѣро-мутной, дѣлается какъ то смутно на душѣ — плохое предчувствіе...

Ѣду въ Галлиполи. Буду искать тамъ сына — Лялю. Найду ли? Неужели можетъ быть такъ, что я никогда больше не увижу... не услышу, какъ онъ вдругъ... Это называлось plusquamperfectum... Неужели я видѣлъ его въ послѣдній разъ тогда, 1 Августа въ Севастополѣ, когда онъ уходилъ своей характерной, развинченной походкой, тянущей ноги...

Неужели конецъ...

* * *

Пріѣхалъ... Долго возились... Наконецъ на какомъ то парусномъ баркасѣ пошли на берегъ.

Разбитый городъ... Грязь... Среди грязи толчется и топчется толпа рыжихъ англійскихъ шинелей, отъ одного вида которыхъ щемитъ. Это наша армія...

Пробиваюсь сквозь нее. Одни бездѣльничаютъ, другіе таскаютъ дрова. Сквозь толпу движется рота сиигалезцовъ: губы — „полфунта“, странные волосы, которые вьются „отвратно“... Черны соотвѣтственно.

Странно видѣть ихъ, этихъ черныхъ среди русской массы. Но чувствую ясно, кто здѣсь возьметъ психическій верхъ. Не устоятъ — черные. Огромный сингалезъ, на голову выше остальныхъ, командуетъ по своему, со звѣрскимъ выраженіемъ. Происходитъ смѣна караула. Исполняютъ какъ слѣдуетъ. Видно сильно боятся этого огромнаго высокаго.

Русская масса смотритъ на нихъ безъ злобы. Раздраженіе, которое чувствуется, направлено противъ кого то другого.

По грязи добираюсь къ русскому коменданту. Охраняютъ юнкера. На нихъ какъ всегда пріятно взглянуть. И здѣсь они твердая опора, какъ были во всю революцію.

Удивительно, почему та же самая русская молодежь, попадая въ университеты, превращала ихъ въ революціонные

кабаки, а воспитанная въ военныхъ училищахъ дала высшіе образцы дисциплины и патріотизма . . .

Узнаю у коменданта дорогу въ лагерь черезъ горы.

* * *

Иду по шоссе, потомъ по тропинкѣ . . . Путь указываютъ люди, въ англійскихъ шинеляхъ, мѣсящіе глину тропинки. Ихъ много, они безпрерывно идутъ туда и обратно. Иногда несутъ вѣтки можжевельника, очевидно вмѣсто елочекъ . . . Вѣдь сегодня сочельникъ . . .

Горы, пустыя, глинистыя. Грязно . . . Сѣро . . . Скучно... Тоскливо . . .

Шелъ нѣсколько верстъ, шесть или семь . . . Наконецъ — тамъ въ долинѣ . . . Бѣлые домики съ бѣлыми крышами... Нѣтъ — это не домики — это такія палатки.

— Гдѣ они? . . .

— Вотъ . . . тутъ направо Корниловцы . . . налѣво Марковцы . . . тамъ дальше Дроздовцы и Алексѣевцы . . .

* * *

Вотъ значитъ . . . Сейчасъ рѣшится — Господи помоги . . .

* * *

— Нѣтъ: въ спискѣ наличныхъ такого нѣтъ . . .

И готовъ я былъ къ этой минутѣ . . . Давно съ нимъ простился мысленно . . . И все же . . .

Но надежда еще теплится . . . надо разпрашивать, — можетъ быть гдѣ нибудь въ госпиталѣ.

Но какъ стало тяжело . . . пришибло . . . Думалось: а вдругъ здѣсь . . . вдругъ сейчасъ увижу . . .

— Въ числѣ наличныхъ нѣтъ . . .

* * *

Узналъ все про сына . . . нашелъ офицера, который былъ его начальникомъ.

Онъ разсказалъ мнѣ всю сцену. Все какъ было.

Могло быть и то и другое. И жизнь и смерть . . . Надежда есть. Если Господь захотѣлъ, — онъ живъ . . .

* * *

Отыскиваю генерала Е. Это еще за четыре версты въ горахъ. Маленькій домикъ... каменная хижина...

Есть-же сердечные, славные люди...

Приняли, какъ родного...

* * *

Сочельникъ... Елочка — можжевельникъ. Горятъ свѣчки...

Маленькая комната. Но уютно. Желѣзная крошечная печка. Бѣлымъ полотномъ убраны стѣны. Не то землянка, не то палатка. Со мной такъ ласковы. Стараются смягчить, чѣмъ можно, ударъ...

* * *

Я провелъ тамъ недѣлю, въ Галлиполійскомъ лагерѣ... Меня очень спрашивали:

— Что же будетъ теперь?

Они старались чѣмъ могли скрасить свое существованіе. Издавали журналъ рукописный на машинкѣ, въ одномъ или двухъ экземплярахъ. Текстъ сопровождался иллюстраціями карандашемъ и красками. Иниціаторами этого дѣла были полковникъ Х. и ротмистръ Ч.

Я отвѣтилъ на то, что отъ меня хотѣли, статьей...

Эта статья появилась въ этомъ своеобразномъ журналѣ, который носилъ названіе: „Развѣй горе въ голомъ полѣ“...

* * *

Ѣду обратно въ Константинополь. Лежу гдѣ то въ трюмѣ на грязныхъ канатахъ. По французски — parfait, по русски — „наплевать“...

Откровенно говоря, я очень доволенъ, что наконецъ одинъ. „Самое большое лишеніе каторги, — говоритъ Достоевскій, — это отсутствіе одиночества“. Я такъ усталъ.... И вотъ теперь наслаждаюсь... валяюсь на канатахъ.

Я зашелъ къ французскому офицеру въ каюту, чтобы показать ему свой документъ, дававшій мнѣ право ѣхать въ Константинополь на этомъ русскомъ суднѣ.

Онъ встрѣтилъ меня фразой и жестомъ.

— Vous, vous restez sur le pont!

Я протянулъ ему бумагу, и сказалъ:

— Votre autorisation pour m'embarquer... Affaires de service...

Онъ посмотрѣлъ бумагу и сказалъ:

— Parfait...

Я повернулся и ушелъ, pour rester sur le pont... Но тутъ пришелъ русскій матросъ и сказалъ:

— Которые желающіе отдыхать — въ первый номеръ...

Вотъ это и есть „первый номеръ" — въ трюмѣ на канатахъ.

Parfait... По русски, „наплевать"...

* * *

Всю ночь наслаждался въ трюмѣ на канатахъ. Когда очень замерзалъ, вставалъ и ходилъ, потомъ опять ложился. Одѣяла, конечно, у меня нѣтъ, какъ и у всѣхъ насъ, — и вообще никакихъ вещей. Хорошо не имѣть вещей. Но когда очень холодно, хорошо бы имѣть одѣяло.

Зато я изпользовалъ всю роскошь одиночества. Я попрежнему былъ одинъ.

Мнѣ спустили фонарь. На что мнѣ фонарь?.., Крысы его не боятся. Зато хорошо думается въ такомъ трюмѣ ночью. Бѣгаешь, чтобы согрѣться, отъ времени смотришь вверхъ въ отверстіе — не поблѣднѣли ли звѣзды къ разсвѣту... Нѣтъ. Горятъ яркія и холодныя. Еще долго...

И мысли бѣгутъ. Какія? Все тѣ же... Молишь Бога, чтобы онъ былъ милостивъ къ тѣмъ, кто еще живъ, и тоскуешь по тѣмъ, кого уже нѣтъ...

* * *

Настало утро. Утро 31 декабря. Я вылѣзъ изъ своей норы. Холодно, сыро, туманно... Еще противнѣе. Теперь непріятно быть одному.

* * *

Въ сплошномъ туманѣ, неистово запуская сирены и звоня во всѣ склянки, пришли куда то, стали на якорь. Кругомъ насъ выли и звонили другія суда. Все это не предвѣщало ничего хорошаго.

Въ одномъ изъ перырывовъ тумана стало ясно, что мы въ Босфорѣ. Подошелъ карантинный катеръ. Онъ немедленно взялъ всѣхъ французовъ и ушелъ. Русскихъ — нѣтъ... Они должны ожидать „контроля“.

Я не ѣлъ уже сутки. Аппетитъ началъ ощущаться. На борту — ничего, и ничего не подвозятъ. Холодно и голодно...

Подошелъ еще катеръ. Поговорилъ о чемъ то съ капитаномъ. Капитанъ русскій — бѣгло говоритъ по французски, но стремится говорить совсѣмъ, какъ французъ. Это удается ему только на половину и потому противно.

Они кричатъ другу черезъ бортъ.

— D'ou venez vous?

— De Gallipoli.

— Qu'aves vous sur bord? Bagage?

— Caisses démolies... Par ordre Marine Française...

Онъ тянулъ „caise“ чтобы выходило совсѣмъ по французски. Но не выходило и было немножко неловко.

— Passagers?

— Vingt trois personnes,.. militaires...

Онъ тянулъ „taires“.

И этимъ все ограничилось. Катеръ отошелъ, заявивъ, что нужно ждать „контроля“.

Затѣмъ пришелъ еще третій катеръ. Вышло два француза.

— Bagage?

— Caisses démolies...

Они пошли смотрѣть разбитые ящики, а потомъ вернулись на палубу, собираясь уѣзжать. Къ нимъ пристали. Они заявили, что нужно ждать „contrôle“.

Но все же взяли съ собой генерала, потому что онъ генералъ, и одного полковника, которой имѣлъ находчивость сказать, что у него:

— Lettre urgente pour le général Vrangel.

— Et bien alors, qu'il vienne le colonel, mais lui seul...

Полковникъ пошелъ за вещами.

— Mais... qu'il se débrouille, le colonel, quoi!

Тонъ былъ соотвѣтственный. Но вѣдь они — Державы-Побѣдительницы...

* * *

Отошелъ и этотъ катеръ. Но вокругъ парохода стали сновать каюки, турецкіе ялики. Ихъ зовутъ „кардашъ".

На „кардашъ", опустившись по канатамъ, убѣжало тайкомъ нѣсколько человѣкъ. Мнѣ было противно спускаться по веревкѣ, потому что она въ маслѣ и углѣ. Оно и къ лучшему. Все таки неловко.

„Dura lex, sed lex".

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ „dura" надо было бы понимать не въ латинскомъ, а въ русскомъ произношеніи этого слова. Кому нужно было, чтобы мы непремѣнно встрѣтили Новый Годъ въ такой обстановкѣ?

* * *

Туманъ сгущался. Становилось все холоднѣе и голоднѣе. Надежды совсѣмъ упали. Ясно стало, что контроль не пріѣдетъ сегодня.

Я усѣлся у трубы, тамъ теплѣе. Около меня сидѣлъ какой то простой человѣкъ. Онъ вдругъ обратился къ намъ, то есть ко мнѣ и еще тремъ голодающимъ у трубы.

— Вы, господа, тоже навѣрное ничего не кушали?

— Да, какъ будто . . .

— Ну, такъ будемъ ѣсть . . . Вотъ у меня банка, консервная . . . Только безъ хлѣба . . .

Я не отказался и съ аппетитомъ проглотилъ то микроскопическое, что онъ могъ удѣлить. Все таки стало легче и отъ консервовъ, и отъ того, что онъ подѣлился послѣднимъ...

Стемнѣло. Я крѣпче прижался къ трубѣ. Туманъ падалъ холодной росой . . .

* * *

И мысли снова бѣгутъ . . . Мнѣ вспомнилось . . .

* * *

Долина. Вдоль рѣчки-ручья выстроились бѣлые домики. Я знаю, что это палатки. Но издали они кажутся домиками. Они стоятъ аккуратнинькими кварталами и кажутся городомъ. Вотъ, по ту сторону рѣки — Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексѣевцы . . . По эту кавалерія . . .

Все это появилось здѣсь, среди совершенно пустынныхъ горъ, словно по волшебству... Этотъ сказочно-игрушечный городъ — это и есть итогъ... Итогъ трехлѣтній страданій, борьбы, пламенной Вѣры, неугасимой Надежды, неисчерпаемой Любви...

Любви къ Россіи...

* * *

Что же это — много или мало? Рыдать ли, или благословлять и благодарно молиться? Смерть ли Стараго или рожденіе Новаго — этотъ бѣлый городокъ?...

* * *

И то, и другое...

* * *

Здѣсь умираетъ нашъ Старый Грѣхъ... Здѣсь нѣтъ мѣста ни Сѣрымъ, ни Грязнымъ... Ихъ мало пришло сюда... Они остались гдѣ то... А тѣ, что еще есть, — уйдутъ...

Здѣсь умираетъ нашъ старый грѣхъ: Сѣрость и Грязь...

* * *

Здѣсь рождается Новое.

Здѣсь рождается Бѣлый Городокъ, гдѣ въ бѣлыхъ домикахъ будутъ только настоящіе бѣлые — бѣлоснѣжные...

* * *

Много ли это или мало? Что же это „большой итогъ"?...

* * *

Большой...

* * *

Эта горсть въ теченіе трехъ лѣтъ смогла бороться одновременно на три фронта. Красные засыпали ее снарядами... Сѣрые своимъ тупымъ равнодушіемъ создавали вокругъ нея вязкую гущу, сковывающую движенія... Грязные грязью залѣпливали глаза, уши, ротъ... И все же эта горсточка бѣлыхъ не дала себя сломить, не дала задушить себя, не позволила себя загрязнить...

Вотъ они здѣсь...

Ихъ мало, но они бѣлые...

Они бѣлые, какъ и прежде... Они бѣлѣе прежняго.
И это — много...
Этотъ итогъ не только большой, это итогъ величавый.

***

Эта горсточка бѣлыхъ, эта новая столица на берегахъ безыменной рѣчки, этотъ бѣлый городъ — онъ уже или побѣдилъ, или побѣдитъ...

***

Онъ уже побѣдилъ въ томъ случаѣ, если Россіи суждено возродиться... черезъ Безуміе Красныхъ...

***

Скажутъ что это вздоръ.
Нѣтъ, это не вздоръ — это такъ...

***

Вы никогда не замѣчали, что сыпной тифъ и Бѣлая Мысль свободно и невозбранно переходятъ черезъ фронтъ.

***

Странно, какъ вы этого не замѣтили. Вы говорите: „сыпной тифъ — да, но наши идеи — ничего подобнаго".

***

А я вамъ говорю, что наши идеи перескочили къ Краснымъ раньше, чѣмъ ихъ эпидемія къ намъ. Развѣ вы не помните, какова была Красная Армія, когда три года тому назадъ ген. Алексѣевъ положилъ начало нашей. Комитеты, митинги, сознательная дисциплина — всякій вздоръ. А теперь, когда мы уходили изъ Крыма. Вы хорошо знаете, что теперь это была армія, построенная такъ же, какъ арміи всего міра... какъ наша...

Кто же ихъ научилъ? Мы выучили ихъ, — мы, Бѣлые, Мы били ихъ до тѣхъ поръ, пока выбили всю военно-революціонную дурь изъ ихъ головъ. Наши идеи, перебѣжавъ черезъ фронтъ, покорили ихъ сознаніе.

Бѣлая Мысль побѣдила, и побѣдивъ создала Красную Армію...

Невѣроятно, но фактъ...

***

Но отчего, скажутъ, мы все таки въ Галлиполи, а не въ Москвѣ.

Почему мы не воспользовались тѣмъ временемъ, когда Красные въ военномъ отношеніи еще не мыслили „по бѣлому“ и потому были безсильны.

Потому что насъ одолѣли Сѣрые и Грязные . . . Первые — прятались и бездѣльничали, вторые — крали, грабили, и убивали не во имя тяжкаго долга, а собственнаго ради садистскаго, извращеннаго, грязно-кроваваго удовольствія . . .

***

Но вѣдь Красная Армія подъ своимъ краснымъ знаменемъ работаетъ ради „Интернаціонала“, т. е. работаетъ для распространенія по всему міру Краснаго Безумія.

***

Это или такъ, или не такъ . . .

***

Допустимъ первое. Допустимъ, что это такъ. Въ такомъ случаѣ мы еще съ ними скрестимъ оружіе. Бѣлая Армія (наша русская) въ союзѣ съ другими бѣлыми арміями будетъ вести бой, чтобы сломить, чтобы уничтожить Красное Безуміе . . .

***

Допустимъ и второе . . . Допустимъ, что это не такъ . . . Допустимъ, что имъ, краснымъ, только *кажется*, что они сражаются во славу Интернаціонала . . . На самомъ же дѣлѣ хотя и *безсознательно* они льютъ кровь только для того, чтобы возстановить „Богохранимую Державу Россійскую . . .“ Они своими красными арміями (сдѣланными по „бѣлому“) движутся во всѣ стороны только до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до твердыхъ предѣловъ, гдѣ начинается крѣпкое сопротивленіе другихъ государственнихъ организмовъ . . . Это и будутъ естественныя границы Будущей Россіи . . . Интернаціоналъ „смоется“, а границы останутся . . .

***

Если такъ, то что это такое? . . .

* * *

Это то же самое... *Если это такъ*, то это значитъ, что Бѣлая Мысль, прокравшись черезъ фронтъ, покорила ихъ подсознанье... Мы заставили ихъ красными руками дѣлать Бѣлое дѣло...

Мы побѣдили...

Бѣлая Мысль побѣдила...

* * *

Но Боже мой. Вѣдь они уничтожили, разорили страну... Люди гибнутъ милліонами, потому что они продолжаютъ свои проклятые, бѣсовскіе опыты соціалистическіе, Сатанинскую Вивисекцію надъ несчастнымъ русскимъ тѣломъ...

Это что же значитъ?

* * *

Это значитъ, что на этомъ направленіи Бѣлая Мысль еще не побѣдила.

Еще не пришло время... И люди гибнутъ, и Всеобщая, Явная, Равная, Прямая Нищета носится надъ Свято-Грѣшной Русской землей, заметая свой слѣдъ проклятіями и слезами.

Чтобы сократить страданія своихъ братьевъ Бѣлая Армія три года безъ счета лила свою кровь. Она думала, она надѣялась что Бѣлое Оружіе работаетъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ Бѣлая Мысль.

И если будетъ на то Господня Воля, мы еще разъ бросимся въ бой...

На помощь погибающимъ...

* * *

Во всякомъ случаѣ Бѣлый Городокъ — новая русская столица надъ безымянной рѣчкой среди пустынныхъ горъ — можетъ встрѣтить Новый Годъ съ ясной душой...

Если Бѣлые *еще* не побѣдили, ихъ рано или поздно поведутъ въ бой...

А если ихъ не поведутъ, то, значитъ, они уже побѣдили...

Значитъ, въ станѣ Красныхъ уже настолько окрѣпла Бѣлая Мысль, что возстановленіе Россіи прійдетъ черезъ Красное Безсмысліе...

* * *

Бѣлая Мисль побѣдитъ во всякомъ случаѣ...

* * *

Такъ было — такъ будетъ...

* * *

Я заснулъ... Мнѣ приснился благовѣстъ... отъ этого я проснулся.

Что это такое.

* * *

Ахъ, это сирены... Туманъ еще сгустился... чуть-чуть только пробиваются ближайшіе огни, и то блѣдными пятнами... Поэтому сирены и звучатъ на всѣхъ судахъ Босфора.

* * *

Звучатъ не отдѣльными погудками, а непрерывными, упрямыми алармистскими набатными голосами, звучатъ одна передъ другой, какъ будто состязаясь на долгость и призывность, звучатъ каждая своимъ голосомъ, но всѣ вмѣстѣ выпѣвая одно слово, слово, которое дѣлается страшнымъ, и это слово:

— Туманъ... туманъ... туманъ...

* * *

Звучатъ протяжныя, глубоко-ревуче-пѣвучія, какъ будто бы какія то исполинскія существа голосятъ со страху...

— Туманъ... туманъ... туманъ...

* * *

Звучатъ разныя, — то двойными голосами въ стройномъ созвучіи, то въ случайно сцѣпившихся странныхъ соединеніяхъ, то въ нестерпимо невѣрныхъ сопряженіяхъ, отъ которыхъ рождаются тяжко-мучительныя перебойныя біенія... И слышится въ нихъ иногда благовѣстъ, чаще — набатъ, но болѣе всего страшное, тоскливо-ужасное, долго-внезапно-отчаянное:

— Туманъ... туманъ... туманъ...

* * *

Вдругъ выстрѣлъ... Одинъ, другой, третій... Что это?... Здѣсь, тамъ, справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ. Что это?...

Вотъ затихло... вотъ опять разгорѣлось... охватываетъ кругомъ... что это?... Трескъ винтовокъ становится сплошнымъ и заглушаетъ долгій стонъ сиренъ.

Что это?

* * *

Это мы, русскіе, завороженные сплошнымъ туманомъ, среди набатнаго рева въ смертельномъ страхѣ тоскующихъ чудовищъ, въ тяжкихъ мучительныхъ судорогахъ перебойнобьющихъ біеній, — празднуемъ свой русскій Новый Годъ...

* * *

Празднуемъ...Ну и слава Богу...если есть силы праздновать...

* * *

Привѣтъ тебѣ, тысяча девятьсотъ двадцать первый...